

Фонд «Всероссийский центр изучения общественного мнения»

**XII международная социологическая
Грушинская конференция**

«Общество в поисках баланса»

23—27 мая 2022 г.

Материалы конференции

Москва
2022

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

М34

Ответственный редактор:

к. соц. н. Анна Викторовна Кулешова

М34 Материалы XII международной социологической Грушинской конференции «Общество в поисках баланса», 23—27 мая 2022 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. — М.: ВЦИОМ, 2022. — 308 с.

ISBN 978-5-906345-42-4

В сборнике представлены материалы XII международной социологической Грушинской конференции «Общество в поисках баланса».

УДК 316.653(082)

ББК 60.56

ISBN 978-5-906345-42-4

© АО ВЦИОМ, 2022

Исследовательская оптика

<i>И. П. Леконцев</i>	8
Онлайн-панель ВЦИОМ: сравнение результатов с телефонными и другими онлайн-опросами	
<i>И. М. Михайлова, Е. Д. Тимофеева, К. С. Устинов, Д. А. Котов</i>	13
Возможности анализа цифровых следов на примере оценки туристической привлекательности региона: cookie как способ обогащения данных	
<i>А. Ю. Гольцман</i>	21
Модель Aon Hewitt как способ изучения территориальной идентичности молодежи	
<i>М. М. Басимов</i>	26
Нелинейные зависимости социологических переменных	
<i>Е. С. Кузьмина</i>	31
Междисциплинарный подход к проведению социологического исследования: методологические вопросы	
<i>А. Р. Гарифзянова, Д. А. Матвеева</i>	35
Трудности и этические дилеммы рекрутинга и интервьюирования женщин-мусульманок	
<i>Т. И. Ларина, Я. А. Гудкова</i>	41
Теоретико-методологические возможности изучения удовлетворенности профессией «социолог»	
<i>М. В. Субботина</i>	47
Героизм, справедливость и культура отмены: возможности социологического анализа	
<i>В. И. Дудина</i>	51
Социальный активизм здоровья как ресурс здравоохранения: контуры теоретической модели	
<i>М. М. Басимов</i>	55
Нелинейное влияние психологических особенностей респондента на его политические предпочтения	

Искусственный интеллект и искусственная социальность

<i>А. В. Лядова</i>	60
Социология искусственного интеллекта: к дискуссии о новой отрасли социологической науки	
<i>И. В. Островская</i>	64
Искусственный разум в поисках человека	

<i>С. Г. Ушкин</i>	71
Доверяем ли мы информации от умных колонок: опыт глубинных интервью с пользователями	
<i>В. В. Зотов</i>	76
Опасности и риски принятия решений системами искусственного интеллекта при оказании государственных услуг	
<i>М. Л. Ни, А. В. Резаев, Ю. Лиу</i>	81
Внедрение технологий ИИ в системы здравоохранения России и Тайваня: сравнительный институциональный анализ	

Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность?

<i>Н. М. Кузнецова</i>	88
Креативность как компетенция будущего	
<i>Е. В. Масланов</i>	91
Креативность, зоны обмена и трансдисциплинарность	
<i>Я. В. Ушакова, И. В. Ситникова</i>	95
Методические подходы к изучению креативности	
<i>М. С. Фабрикант</i>	99
Понимание и корреляты креативности в различных культурах	
<i>И. Э. Петрова, И. В. Сорокина</i>	103
Социология, психология и Big Data в междисциплинарном изучении креативности: грани соприкосновения	

Человеческий капитал в условиях новых вызовов

<i>Е. И. Иванова, В. А. Поляков</i>	107
К вопросу о непрерывности управления человеческими ресурсами и поиске новых социальных технологий	
<i>А. В. Царева, Г. З. Самигуллина, А. И. Гребенников</i>	112
Формирование культуры здорового образа жизни школьников в контексте человеческого капитала общества	
<i>Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко</i>	116
Социологические методики изучения человеческого капитала: эмпирические измерения на примере Тюменской области	

Общество в условиях кризиса: результаты и перспективы исследований

<i>А. С. Нода, О. А. Чибисова</i>	123
Шок от будущего усмиряет, но не успокаивает	
<i>В. И. Ильин</i>	132
Модели жизни в контексте социального абсурда	

<i>А. С. Неуньлова</i>	137
Субкультуры в условиях пандемии — культура улиц в условиях четырех стен	
<i>Ж. В. Пузанова, А. Г. Тертышникова</i>	141
Феномен моральной эксклюзии в современном российском обществе (по результатам исследования студентов московских ВУЗов)	
<i>О. В. Епархина</i>	147
Тропофобные настроения в российском социуме: факторы формирования и возможности исследования	
<i>Г. Д. Гриценко</i>	152
Этнизация общественно-политической жизни на Северном Кавказе: эксперты о рисках неопределенности	
<i>Ш. Р. Шакурова, Г. Р. Камалова</i>	159
Цифровизация образования: анализ практик (сельская школа)	
<i>М. Н. Панова</i>	164
Языковой вкус как социолингвистический феномен в административно-политическом дискурсе	
<i>А. В. Швецова</i>	170
Рольевые практики молодых матерей: баланс или жонглирование?	
«Далекая и близкая» молодежь	
<i>Т. И. Ларина</i>	174
Риски протестной активности студенческой молодежи	
<i>Т. В. Игнатова</i>	179
Политическая культура молодежи в современной России	
<i>В. В. Иванова, А. В. Шишкин</i>	183
Изменение реализации интернет-практик городской молодежи в условиях пандемии коронавирусной инфекции	
<i>И. Н. Воробьева, А. А. Мехова</i>	187
Цифровые компетенции молодежи как ресурс ее социальной активности	
<i>Р. Э. Галиуллин</i>	193
Влияние кинематографа на ценности и модели поведения современной молодежи	
<i>М. Н. Желизнык</i>	197
Концепт «героя нашего времени» в представлениях молодежи Ленинградской области (на материалах пилотажного исследования)	
<i>Н. В. Любавина, О. В. Кораблева, Е. В. Пырова</i>	202
Патриотизм в системе ценностей современной молодежи	

<i>М. Г. Семерикова, Е. В. Резанова</i>	206
Социальный потенциал белорусской молодежи в контексте демографических и экономических вызовов	
Социология труда, балансы и дисбалансы жизни и работы	
<i>Е. А. Яковлева, Ю. В. Филоненко</i>	211
Теоретические контуры взаимосвязи субъективного и профессионального благополучия в концепции баланса жизни и труда (на примере академической профессии)	
<i>С. Д. Гусев</i>	215
Представления студентов о северных территориях как возможном месте трудоустройства	
<i>Д. Н. Жиганова</i>	218
Специфика трудовой мотивации рабочих промышленных предприятий	
<i>О. С. Иванченко</i>	223
Транспрофессионализм молодых ученых: постановка проблемы и концептуализация понятия	
<i>А. О. Аверьянов</i>	227
Методика прогнозирования кадровой потребности на российском рынке труда в сфере искусственного интеллекта	
<i>Ю. А. Смирнова</i>	232
Включенность учителей иностранного языка в сферу прекарной занятости как адаптационная стратегия в эпоху неопределенности	
<i>Д. А. Царюк</i>	237
Баланс между устойчивым экономическим развитием страны и адаптацией высокотехнологичных производств согласно социальным навыкам и потребностям гражданина РФ в XXI веке	
<i>Ю. С. Панфилова</i>	241
Социальное самочувствие медицинских работников красной зоны Ростовской области (на материалах глубинных интервью)	
<i>К. О. Воронин, А. Ю. Фодоря, Г. В. Заярская</i>	247
Социальный портрет руководителя смены детского оздоровительного лагеря ГАУК «МОСГОРТУР» в условиях новых вызовов	
<i>К. О. Воронин, А. Ю. Фодоря, Г. В. Заярская</i>	251
Социальный портрет администратора совместного выездного отдыха детей с родителями (из опыта ГАУК «МОСГОРТУР»)	

Социальное благополучие и устойчивость — новые ориентиры городского развития

<i>Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова</i>	255
Связность материальных и нематериальных параметров социального пространства города	
<i>Д. А. Касаткина, Е. В. Нехорошева</i>	262
На пути к персональному городу — ресурс экзистенциальной психологии в урбанистике	
<i>М. М. Старикова, А. С. Черемухина</i>	266
Оценка комфорта городской инфраструктуры в метриках концепции «умного города» и мнений населения (на примере г. Кирова)	
<i>О. А. Богатова, Е. И. Долгаева</i>	271
Проблемы управления городской средой г. Саранска: оценки экспертов	

Трансформация старения во время пандемии и после

<i>С. А. Григорьева, Н. В. Сорокина</i>	277
Социальные сервисы для старшего поколения в условиях пандемии	
<i>Н. А. Скобелина</i>	282
Опыт социологического исследования системы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами	
<i>А. И. Черевкова</i>	285
«Пандемия перекрыла кислород и посадила нас по домам»: о туристских практиках старшего поколения в период пандемии	

Социальная солидарность

<i>В. И. Дудина</i>	290
Линии социальной солидарности в условиях новых эпидемических рисков	
<i>П. Д. Кытина</i>	294
Мотивация неформального социального участия (на примере Череповца)	
<i>А. В. Шаповалов</i>	298
Социологическое изучение социального портрета добровольцев, работающих в условиях нестабильных социальных ситуаций (подготовительная составляющая исследовательской работы)	
<i>И. Г. Полякова</i>	303
Гендерная солидарность как фактор мотивации донорства ооцитов	

И. П. Леконцев

ОНЛАЙН-ПАНЕЛЬ ВЦИОМ: СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ С ТЕЛЕФОННЫМИ И ДРУГИМИ ОНЛАЙН-ОПРОСАМИ

ЛЕКОНЦЕВ Иван Павлович — заместитель руководителя Методической лаборатории, ВЦИОМ, Москва, Россия

E-MAIL: Lekoncev_I@wciom.com

Аннотация. В статье сравниваются результаты онлайн- и офлайн-опросов, проведенных ВЦИОМ по одинаковой анкете в рамках создания онлайн-панели с вероятностной выборкой. Приводится подробное описание проведенных методических экспериментов и делаются выводы о допустимости онлайн-исследований по изученным темам.

Ключевые слова: онлайн-опрос, CATI-опрос, опросы общественного мнения, массовые опросы, методология массовых опросов, сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов

Введение и постановка задачи

История онлайн-опросов богата пробными исследованиями и методическими экспериментами, связанными с различными аспектами опросных технологий и инноваций в них. Необходимость онлайн-исследований как метода сбора данных уже не подвергается сомнению, однако споры о качестве их результатов не утихают.

Один из наиболее популярных способов изучения возможностей какого-либо метода сбора данных — сравнение его результатов с другими, более отработанными, типичными, привычными исследователям и заказчикам исследований. Такие сравнения встречаются повсеместно в работах, посвященных методикам любого способа проведения опроса. Они могут касаться как общетеоретических рассуждений «о методе», так и разбора конкретных ситуаций, условий исследования, проявившихся на практике проблем. Раньше подобные сравнения проводились для личного интервью, телефонного и почтового опросов (см., например, [Holbrook, Green, Krosnick, 2003] или [Караева, 2015]). Сейчас в силу практической необходимости и отвечая требованиям прогресса

появляется все больше работ, посвященных сопоставлению данных онлайн- и офлайн-опросов.

Для Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) необходимость провести такое сравнение была сугубо практической. В конце 2020 г. ВЦИОМ начал работы по созданию собственной вероятностной интернет-панели «ВЦИОМ-Онлайн». После серии методических экспериментов и набора участников панель запущена в промышленную эксплуатацию. На сегодняшний день в ней участвует более 88 000 россиян со всей страны, они рекрутируются в ходе телефонных опросов по случайной (RDD) выборке.

В данной статье будут рассмотрены результаты серии экспериментов, проводившихся при создании этой панели. Главный методический вопрос, поставленный перед экспериментами, можно сформулировать так: как соотносятся данные, полученные при помощи онлайн- и офлайн-опросов, и есть ли такие темы исследований, данные по которым у онлайн- и офлайн-опросов радикально расходятся?

Источники данных

В ходе экспериментов одинаковые анкеты отправлялись в три источника.

1. *Панель «ВЦИОМ-ОНЛАЙН»*¹. Панель использует классическую методологию построения случайной (вероятностной) выборки. Это позволяет генерализовать полученные данные на всю изучаемую целевую аудиторию и оценить размер статистической погрешности. Панель репрезентирует все население Российской Федерации, у которого есть мобильные телефоны и доступ к интернету. Респонденты для панели набираются через опросы «ВЦИОМ—Спутник».

1) На первом этапе при помощи датчика случайных чисел генерируются телефонные номера.

2) По отобранным номерам проходит обзвон. После основного интервью респондентов приглашают стать панелистами.

3) Те, кто соглашается, получают приглашение заполнить демографическую анкету для участия в опросах онлайн-панели.

4) Для проведения исследования респонденты отбираются из общей базы панелистов с помощью созданной стратификационной модели.

5) После определения целевой аудитории и типа выборки отобранным панелистам направляются приглашения принять участие в конкретном опросе.

¹ Вероятностная интернет-панель «ВЦИОМ-Онлайн». URL: <https://ok.wciom.ru/research/online-panel>.

6) Респондентам, получившим приглашение, выделяется ограниченное время на заполнение анкеты. В течение этого времени им также высылаются напоминания и при необходимости проводится добор респондентов.

7) Полученные результаты проверяются по различным параметрам.

2. *САТI-опрос «ВЦИОМ—Спутник»*². Первый в России ежедневный всероссийский телефонный опрос omnibusного типа. Каждый день ВЦИОМ опрашивает 1600 респондентов не менее чем в 80 регионах РФ. Построение вероятностной выборки позволяет «распространить» полученные данные на все население страны и оценить размер статистической погрешности.

Для построения выборки используются все диапазоны мобильных телефонных номеров с сайта Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. В эти диапазоны попадают абсолютно все телефонные номера, которые уже используются операторами или которые могут быть введены по действующим правилам.

Для опроса датчиком случайных чисел из этой базы отбирается определенное число номеров в зависимости от сезона (летом и в новогодние каникулы больше, а осенью и весной — меньше) в качестве основы выборки. Телефонные номера для прозвона выбираются из нее также датчиком случайных чисел. Сохраняются пропорции номеров по федеральным округам.

Репрезентативность данных обеспечивается равной вероятностью попадания в выборку всех россиян старше 18 лет вне зависимости от места их проживания. Не менее 5 попыток дозвониться до каждого респондента. Если респонденту неудобно сейчас отвечать, ему перезванивают в назначенное им время в этот день.

В теории из выборки «Спутника» исключены только те россияне, у которых нет мобильного телефона (по данным исследований, их менее 2%).

3. *«Панель 1»*. Это исследование специально для проводимого эксперимента осуществлялось сторонней компанией. Это типичный по своим методам рекрута интернет-опрос. Выборка — невероятностная.

Рекрут участников в панель происходит за счет мощностей ДМП и он-лайн-рекламы в интернете. Структура панели определяется квотными параметрами Росстата по населению РФ.

Механизм рассылки приглашений:

- 1) email-рассылка;
- 2) СМС-рассылка;
- 3) мессенджеры.

² Ежедневный всероссийский опрос «СПУТНИК». URL: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik>.

Выводы

Проведенные эксперименты показали, что различия в результатах исследований между телефонными опросами «ВЦИОМ—Спутник», опросами через панель «ВЦИОМ-Онлайн» с вероятностной выборкой и опросом «Панель 1» с невероятностной выборкой, строго говоря, наблюдаются. При этом результаты панели «ВЦИОМ-Онлайн» занимают промежуточное положение между результатами «Спутника» и «Панели 1», зачастую отклоняясь от результатов телефонного опроса несущественным или даже статистически незначимым образом.

Основные различия в ответах респондентов на демографические вопросы связаны с демографическими особенностями интернет-пользователей в целом. В опросах по панели «ВЦИОМ-Онлайн» не хватало пожилых респондентов, но эта проблема решается более тонкой настройкой системы рассылки приглашений на опрос. В панели «ВЦИОМ-Онлайн» также наблюдается повышенная доля респондентов с высшим образованием, но не обнаружено, чтобы это сказалось на ответах, например, на политические вопросы. До проведения экспериментов ожидалось, что в онлайн-опросах будет не хватать жителей сельской местности — и именно так оказалось в «Панели 1», но в панели «ВЦИОМ-Онлайн» их доля почти не отличается от таковой в «Спутнике».

В части политических вопросов интернет-исследования по сравнению с телефонным опросом показывают снижение доли социально одобряемых ответов (поддержка власти). Особенно это характерно для «Панели 1». В панели «ВЦИОМ-Онлайн» это наблюдается в значительно меньшей степени. Однако перераспределение респондентов происходит неоднозначным образом. В случае президента растет и доля «неодобряющих» его деятельность, и доля «затруднившихся ответить». Это может быть связано как с большим чувством «анонимности» у респондентов в онлайн-исследованиях, так и с особенностями методики — в онлайн-исследованиях респонденты сразу видели среди вариантов ответа пункт «затрудняюсь ответить», а в телефонном опросе он зачитывался после небольшой паузы.

В вопросах на экономическую тематику различия в ответах респондентов между панелью «ВЦИОМ-Онлайн» и «Спутником» несущественны. В ряде вопросов с оценкой цен на дорогие товары и ситуации на кредитном рынке заметна более высокая доля «затруднившихся ответить», что также может быть связано с вышеуказанной особенностью представления респонденту варианта «затруднюсь ответить». При этом вопрос

про денежные сбережения респондента, измеряющий не столько мнение, сколько рефлексию над фактом, показывает умеренную разницу в результатах офлайн- и онлайн-опросов.

Одна из гипотез проводившихся экспериментов была связана с риском, что в интернет-исследованиях больше принимают участие «активисты» — люди с активной жизненной позицией, стремящиеся к высказыванию своего мнения, активным действиям. Эта группа россиян, безусловно, заслуживает внимания, но ее слишком большая представленность в опросах должна была бы исказить результаты исследований. Однако доля «неактивистов» — не участвующих ни в субботниках, ни в волонтерских акциях, ни в митингах и подобных мероприятиях, — примерно одинакова в панели «ВЦИОМ-Онлайн» и «Спутнике».

Таким образом, мы не обнаружили такой темы опроса, чтобы результаты опросов были принципиально различны, а доминирующий в одном опросе вариант ответа стал бы вторым или третьим по своей доле в другом опросе.

Список литературы

1. Караева О. «Поиски лучшей репрезентации»: сравнение телефонных и квартирных опросных методик в социально-политических исследованиях // Вестник общественного мнения. 2015. № 1 (119). С. 116—129.
2. Holbrook A. L., Green M. C., Krosnick J. A. (2003) Telephone versus Face-to-Face Interviewing of National Probability Samples with Long Questionnaires: Comparisons of Respondent Satisficing and Social Desirability Response Bias. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 67. No. 1. P. 79—125. <https://doi.org/10.1086/346010>.

И. М. Михайлова, Е. Д. Тимофеева, К. С. Устинов, Д. А. Котов

ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ НА ПРИМЕРЕ ОЦЕНКИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА: СООКІЕ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ ДАННЫХ

МИХАЙЛОВА Ирина Михайловна — руководитель IT-проектов, Vox populi, Москва, Россия

E-MAIL: mikhailova.i.m@populi-vox.ru

ORCID: 0000-0002-5297-4670

ТИМОФЕЕВА Екатерина Дмитриевна — проектный менеджер, Vox populi, Москва, Россия

E-MAIL: timofeeva.ekaterina@populi-vox.ru

ORCID: 0000-0003-1062-5488

УСТИНОВ Константин Сергеевич — исследователь, Vox populi, Москва, Россия

E-MAIL: ustinov.k@populi-vox.ru

ORCID: 0000-0002-1753-5736

КОТОВ Дмитрий Алексеевич — генеральный директор, Vox populi, Москва, Россия; старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

E-MAIL: kotov-da@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3330-4292

Аннотация. В статье описаны основные особенности цифровых следов и возможности, которые они дают для проведения исследований безопросными и опросными методами. Рассмотрены различия пассивных и активных цифровых следов, их применимость в исследованиях, технологии сбора, обработки и хранения такой информации. Также авторами описаны современные подходы использования безопросных методов для анализа туристической отрасли, туристической привлекательности региона, главные подходы к исследованию туризма в целом, их преимущества и недостатки. Сделан акцент на возможности анализа поведенческих паттернов целевой аудитории туристов с использованием анализа их цифровых следов, включающих в себя файлы cookies, поисковые запросы и возможность распределения респондентов по этапам принятия решения о путешествии и отдельного их анализа на каждом этапе. Проведение такого исследования туристической отрасли региона

или страны имеет возможность сочетать традиционные и безопросные методы исследования для достижения наилучшего результата и выделения сегментов целевых аудиторий, с которыми в дальнейшем возможна коммуникация и оценка их предпочтений, мотивов и интересов.

Ключевые слова: цифровизация, DMP-платформа, безопросные методы, онлайн-опрос, туризм, туристическая отрасль, анализ больших данных, интернет

Развитие цифровых технологий и широкое распространение интернета привели к возможности получать дополнительную информацию о людях, востребованную для ряда наук. Анализ цифровых следов уже сейчас помогает определять психологический тип личности, расследовать преступления, выявлять социальные роли в группе, анализировать миграционные потоки и настроения в обществе [Olander et al., 2020; Poselskaya et al., 2020]. О. В. Крыштановская называет такую цифровую социологию бесконтактной, так как данные о потенциальных респондентах получаются неопросно: «Можно не выполнять традиционные манипуляции, если люди в социальных сетях и блогах и так высказываются относительно всех политических событий. Можно не спрашивать их об этом, если они сами пишут свое мнение, не ожидая анкет социологов» [Крыштановская, 2018].

За счет использования безопросных методов социологические и маркетинговые исследования получили новые возможности. Теперь, чтобы получить информацию об исследуемой целевой аудитории необязательно проводить опрос или интервью, выявляя мнения и предпочтения. Для этого достаточно проанализировать «цифровые следы», выявить имеющиеся паттерны поведения и преобладающие предпочтения. На основе уникальных действий интернет-пользователя можно составить его социальный портрет: определить социально-демографические характеристики, образование, интересы, потребности, уровень интеллектуального и психологического состояния [Venturini, Rogers, 2019].

Термин «цифровой след» имеет несколько синонимов, таких как «цифровой отпечаток», «цифровая тень» (или «кибертень»), под которыми подразумевается одно и то же явление. В широком понимании «цифровой след» — это совокупность данных, которые оставляет о себе любой пользователь интернета или устройство, которое позволяет идентифицировать конкретного пользователя. Цифровой отпечаток включает в себя разнообразную информацию о пользователе, которая может быть сохра-

нена в виде файлов cookie в ходе посещения веб-страниц, написания электронных писем, публикации фотографий, текста, видео и другого контента, создаваемого как автоматическими информационными системами, так и самими пользователями [Madden et al., 2007]. Выделяют два типа цифрового следа: пассивный и активный [Флёров, 2018].

Пассивный цифровой след — это данные, сохраненные в системе без получения разрешения владельца или в соответствии с разрешениями, регулируемые законодательством, например, Общим регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) [Cookies, the GDPR, and the ePrivacy Directive]. Такую информацию о пользователе еще называют «выхлопными данными», к ним относят посещения сайтов, клики по ссылкам, передвижения курсора, IP-адреса, историю поиска, файлы cookie и другую информацию. К пассивному следу также можно отнести анализ реакций пользователей на публикуемый контент — лайки, репосты в социальных сетях с целью последующего профилирования и отображения пользователю определенного контента.

Активные цифровые следы — это данные, сохраненные в системе в результате намеренной публикации персональных данных, «рассказа» о себе, своей жизни, происходящих вокруг человека событиях, то есть контент, создаваемый пользователями и размещаемый ими на веб-сайтах, в социальных медиа, онлайн-форумах, в мессенджерах. Также активный цифровой след остается при заполнении онлайн-форм, например, при подписке на информационные рассылки [Vervier et al., 2017].

Цифровые следы аккумулируются и хранятся в платформах управления данными, или DMP (Data Management Platform), которые представляют собой программное обеспечение, позволяющее собирать, обрабатывать и хранить любые типы аудиторных данных, а также обладающее возможностью их активации через медиаканалы, на сайтах прямого размещения за счет прямых интеграций с рекламными серверами. В DMP обрабатываются cookies, и из них формируются готовые для анализа и коммуникации сегменты.

В связи с развитием туристической отрасли в России одной из актуальных задач является всестороннее исследование особенностей потребительского поведения населения в рамках этой отрасли. В целом туризм — одна из крупнейших отраслей в мире, которая оказывает огромное влияние на экономику и жизнь людей. Туризм создает рабочие места, приводит к поступлению налоговых отчислений, стимулирует инвестиции в человеческий капитал, инфраструктуру и технологии. При этом сфера

туризма достаточно сложна для исследований и прогнозирования в силу своего междисциплинарного характера: ее необходимо рассматривать как комплексный культурный социально-психологический и экономический феномен.

В. В. Славин определил туристическую привлекательность региона как «совокупность объективных и субъективных характеристик, материальных и нематериальных факторов, влияющих на результаты туристической деятельности и определяющих положение региона для туристов и субъектов туристической деятельности, включающая в себя ресурсно-инфраструктурный потенциал туристической деятельности и социально-институциональные риски ее осуществления на данной территории» [Славин, 2013].

Е. О. Ушакова и С. А. Вдовин предлагают определять туристическую привлекательность региона как совокупность природно-климатических, историко-культурных и социально-экономических объектов и условий, необходимых для организации обслуживания туристов в регионе, создания и продвижения конкурентоспособного туристского продукта, способного обеспечить значительный вклад в социально-экономическое развитие региона (страны) [Ушакова, 2014].

В качестве рамочного определения под туристической привлекательностью региона можно понимать интерес к дестинациям (местам, объектам и т. п.) со стороны потенциальных туристов, который в конечном счете формирует мотивацию к совершению туристической поездки.

На практике для исследований в сфере туризма используются три основных подхода:

1. Статистический. Основой исследования становятся статистические данные, в том числе данные Росстата о загрузке коллективных средств размещения, отраслевые данные, данные о спросе и продажах на туристических направлениях от участников рынка, определение доли туристической индустрии в валовом региональном продукте, данные о пересечении границ. Очевидные недостатки данного подхода — проблемы с качеством данных (особенно в контексте исследования внутреннего туризма). В целом при таком подходе сфера туризма рассматривается со стороны предложения, а не спроса.

2. Социологический. Основой исследования становятся опросные данные. Сфера туризма рассматривается со стороны предложения. При этом подходе главную сложность представляет проблема построения необходимой выборки в региональном разрезе (поиск потенциальных

туристов, намеревающихся приехать в конкретный регион), а также расхождение между декларируемым намерением и реальным поведением человека.

3. Data Driven. Комбинация статистических и социологических данных, обогащенных данными от сторонних поставщиков, может существенно улучшать качество работы исследователя. В рамках этого подхода, в свою очередь, можно выделить три направления:

- *Геоаналитические решения мобильных операторов:* позволяют получить точные данные о количестве приезжающих туристов. Качество таких данных может быть сопоставимо или превосходить данные GPS [Schmücker et al., 2022] и помогать достоверно определять точки притяжения туристов во время пребывания на территории региона.
- *Данные банковских транзакций:* позволяют получить максимально подробные данные об интересах и реальном поведении туриста во время пребывания на территории региона (структура его расходов, покупки, точная оценка вклада сферы туризма в региональный ВРП). Позволяют также получить менее точные геоданные (привязка осуществляется только к адресам точек продаж).
- *Анализ цифрового следа:* cookies, поисковой активности, посещения сайтов и отзывов [Hu et al., 2022]. Если геоаналитические данные и банковские транзакции позволяют точно анализировать поведение туриста во время его пребывания на территории региона, то анализ цифровых следов дает возможность исследовать эту аудиторию на «ранних стадиях» — когда пользователь еще выбирает направление поездки (сравнивает между собой разные регионы, планирует маршрут перемещения и т. п.).

При планировании туристической поездки потенциальные туристы активно ищут информацию в интернете:

- 1) общую информацию о месте назначения, новости;
- 2) изучают потенциальные достопримечательности, ищут интересные места;
- 3) подыскивают гостиницы и отели;
- 4) планируют маршрут передвижения по территории, ищут транспорт;
- 5) читают отзывы других путешественников;
- 6) смотрят описания готовых туров в выбранный регион и многое другое.

Подобное поведение в интернете можно отслеживать и анализировать с помощью различных инструментов: систем аналитики поисковых

сервисов (Yandex Wordstat, Google Trends), систем мониторинга, отслеживать активность потенциальных туристов с помощью cookies и DMP-платформ. Даже доступные данные о поисковой активности позволяют исследователям точнее прогнозировать туристический поток (например, как в Швеции с использованием Google Trends [Hörken et al., 2019] или на Тайване — прогнозирование вклада от сферы туризма в ВВП на данных Google Trends [Chien-jung, Yi-Long, 2022]).

При исследовании потенциальных туристов, находящихся на ранних стадиях принятия решения о поездке (выбирающих между несколькими регионами или разными туристическими предложениями в пределах одного региона), наиболее эффективна комбинация анализа поисковых запросов и cookies в связке с опросными методами (онлайн-опросы, глубинные интервью/фокус-группы) — это помогает точнее понять портрет потенциального туриста. Анализ cookies позволяет сформировать сегменты потенциальных туристов с возможностью их группировки по различным основаниям:

- 1) этапы принятия решения (общий интерес к региону, направленный интерес к региону, конкретным объектам, покупка билетов/бронирование жилья);
- 2) социально-демографический статус (пол, возраст, семейный статус, уровень дохода);
- 3) география;
- 4) хобби и интересы (в том числе туристические интересы).

Сформированный подобным образом портрет узкой целевой аудитории позволяет не только глубоко понять ее интересы, но и выстроить эффективную направленную коммуникационную кампанию по привлечению потенциальных туристов в регион.

Подводя итог, можно сказать, что развитие цифровых технологий дает широкие возможности для проведения исследований без прямого контакта с респондентами благодаря большому количеству цифровых следов, которые они оставляют в интернете и которые аккумулируются благодаря DMP-платформам. Анализ туристической отрасли, которая является значимой для достаточно большого количества регионов России, также может быть проведен с использованием безопросных методов. Кроме этого, совмещение опросных и безопросных подходов позволит получить уникальные данные, которые можно использовать для повышения эффективности управления данной отраслью как в рамках отдельного региона, так и в рамках страны в целом.

Список литературы

1. Крыштановская О. В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // *Цифровая социология/Digital Sociology*. 2018. № 1. С. 4—8.
2. Славин В. В. Туристическая привлекательность региона: понятие, содержание, основные принципы формирования // *Вопросы управления*. 2013. № 1. С. 108—113.
3. Ушакова Е. О., Вдовин С. А. Определение туристкой привлекательности региона по величине потенциала ресурсов развития туризма // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 1.
4. Флёров О. В. Цифровой след человека в Интернете: основные гуманитарные подходы // *Образовательные ресурсы и технологии*. 2018. № 4. С. 79—82.
5. Cookies, the GDPR, and the ePrivacy Directive. URL: <https://gdpr.eu/cookies/?cn-reloaded=1>.
6. Höpken W., Eberle T., Fuchs M., Lexhagen M. (2019) Google Trends Data for Analysing Tourists' Online Search Behaviour and Improving Demand Forecasting: The Case of Åre, Sweden. *Information Technology & Tourism*. Vol. 21. P. 45—62. <https://doi.org/10.1007/s40558-018-0129-4>.
7. Madden M., Fox S., Smith A., Vitak J. (2007) Digital Footprints. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2007/12/16/digital-footprints>.
8. Hu Mingming, Li Hengyun, Song Haiyan, Li Xin, Law Rob. (2022) Tourism Demand Forecasting Using Tourist-Generated Online Review Data. *Tourism Management*. Vol. 90. 104490.
9. Olinder N., Tsvetkov A., Fedyakin K., Ziburdaeva K. (2020) Using Digital Footprints in Social Research: An Interdisciplinary Approach. *Wisdom*. No. 3.
10. Poselskaya L. et al. (2020) Digital Footprints in Crime Investigation. *Revista Inclusiones*. P. 399—407.
11. Schmücker D., Reif J. (2022) Measuring Tourism with Big Data? Empirical Insights from Comparing Passive GPS Data and Passive Mobile Data. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*. Vol. 3. No. 2. 100061.
12. Ting Chien-jung, Hsiao Yi-Long. (2022) Nowcasting the GDP in Taiwan and the Real-Time Tourism Data. *Advances in Management and Applied Economics*. 17—48. 10.47260/amae/1232.
13. Venturini T., Rogers R. (2019) “API-Based Research” or How can Digital Sociology and Journalism Studies Learn from the Facebook and Cambridge

- 20 Analytica Data Breach. *Digital Journalism*. Vol. 7. No. 4. 532—540. <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1591927>.
14. Vervier L. et al. (2017) Perceptions of Digital Footprints and the Value of Privacy. *IoTBDs*. P. 80—91. <https://doi.org/10.5220/0006301000800091>.

А. Ю. Гольцман

21

МОДЕЛЬ AON HEWITT КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

ГОЛЬЦМАН Анна Юрьевна — студентка, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

E-MAIL: anitagoltsman2015@yandex.ru

Аннотация. Территориальная идентичность является важным аспектом в современном мире. Данное понятие тесно связано с экономической, политической, культурной и иными сферами общественной жизни. Для изучения территориальной идентичности автором была адаптирована методика изучения вовлеченности сотрудников Kincentric. На материалах опроса населения Вологодской области, проведенного в 2022 г., осуществлен анализ территориальной идентичности молодежи Череповца. Полученные результаты показали, что для возрастной категории от 18 до 35 лет характерно говорить о городе в положительном аспекте. Однако молодое поколение не рекомендует для проживания и переезда Череповец, а также практически не участвует в общественной жизни города. Молодежь не стремится сделать лучше город, в котором живет.

Ключевые слова: территориальная идентичность, модель Aon Hewitt, молодежь, миграция

Территориальная идентичность формируется и через индивидуальное самоопределение территории проживания (взаимодействия с местностью), и через групповую идентичность (взаимодействия с конкретным территориальным сообществом). Истинного определения территориальной идентичности нет, так как большинство научных деятелей рассматривают ее как некоторые установки, которые являются ее результатом. М. П. Крылов пишет об этом так: «Региональная идентичность — это воля к жизни и развитию на данной территории... Если энергия — способность совершать работу, то идентичность — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» [Крылов, 2005: 13].

В таком аспекте мы считаем методологически возможным для практического измерения идентичности населения выстроить параллели

с категорией вовлеченности работников организации. Одной из наиболее известных методик ее изучения является модель вовлеченности сотрудников Kincentric (Aon Hewitt) [Модель вовлеченности...]. Под вовлеченностью понимаются психологическая обстановка и итоги действий сотрудников. Психологическая сторона вопроса также играет важную роль при определении территориальной идентичности человека, она помогает понять не только внешние мотивы пребывания на конкретной местности, но и внутренние переживания, ощущения. Территориально идентифицирующий себя житель города, региона — это человек, эмоционально привязанный к территории и обладающий желанием и готовностью помогать в развитии и решении поставленных задач.

В модели сотрудников Kincentric (Aon Hewitt) есть три наблюдаемых аспекта: «Говорит», «Остается» и «Стремится». Под «Говорит» мы возьмем модель поведения человека, когда он положительно отзывается о территории проживания, может рекомендовать город для проживания другим людям, описывая его положительные стороны. «Остается» в нашем понимании — человек, который чувствует сильную привязанность к городу, месту проживания и не собирается покидать город. И, наконец, «Стремится» — это человек, который прилагает свои усилия в интересах города, помогает ему становиться лучше.

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса, проведенного среди жителей Череповца по квотной половозрастной выборке в соответствии со структурой населения города старше 18 лет. Опрос проведен в марте 2022 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Всего опрошено 650 человек.

При обсуждении Череповца как места проживания большинство молодых людей от 18 до 35 лет высказывались скорее позитивно о городе (см. табл. 1), тем не менее негативных оценок тоже много — значимо больше, чем у старшего поколения. Среди респондентов в возрасте до 24 лет 31 % склонны говорить о городе негативно, тогда как среди всего населения — только 19 %.

Помимо положительных отзывов, человек может рекомендовать для проживания свой город. Не каждый представитель молодого поколения может посоветовать своим знакомым переехать (см. табл. 2). 69% респондентов до 24 лет не стали бы рекомендовать город для проживания. Среди респондентов чуть старше (до 35 лет) доля негативно настроенных людей падает, но составляет практически половину.

Таблица 1. Ответы на вопрос: «Когда Вы обсуждаете Череповец, Вы склонны говорить о нем позитивно?», в зависимости от возраста, %

	18—24	25—34	35—44	45—54	55—64	65 и ст.	Всего
Да	18	25	24	27	34	46	28
Скорее да	41	38	49	40	48	39	43
Скорее нет	26	21	15	22	14	7	17
Нет	5	5	1	1		1	2
Затрудняюсь ответить	10	11	11	11	4	8	10

Таблица 2. Ответы на вопрос: «Порекомендовали бы Вы своим знакомым из другого города переехать жить в Череповец?», в зависимости от возраста, %

	18—24	25—34	35—44	45—54	55—64	65 и ст.	Всего
Да	5	13	18	15	20	27	17
Скорее да	20	29	29	30	30	35	29
Скорее нет	33	29	30	28	34	22	29
Нет	36	17	14	14	7	7	15
Затрудняюсь ответить	7	11	10	13	10	9	10

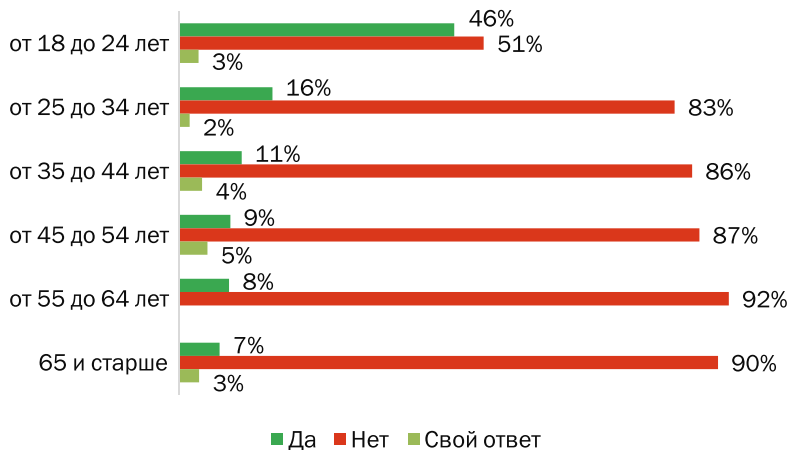
«Стремится» — это человек, участвующий в общественной жизни города, пытается сделать город лучше. Среди опрошенных жителей города Череповца не каждый может сказать о своей активной деятельности. Практически половина от 18 до 35 лет не помогает в развитии города (см. табл. 3).

Таблица 3. Ответы на вопрос: «Можете ли Вы про себя сказать „я стремлюсь сделать лучше город, в котором живу“?», в зависимости от возраста, %

	18—24	25—34	35—44	45—54	55—64	65 и ст.	Всего
Да	7	16	13	14	24	17	15
Скорее да	31	24	34	32	34	36	31
Скорее нет	21	34	26	26	26	21	27
Нет	28	12	9	14	8	9	12
Затрудняюсь ответить	13	15	18	13	7	17	15

Среди молодежи до 24 лет 46 % планируют в ближайшие два-три года сменить место жительства, покинуть город, среди людей в возрасте от 25 до 35 лет таких уже только 16 % (см. рис. 1).

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Планируете ли Вы в ближайшие два-три года реально сменить место жительства, уехать из Череповца?», в зависимости от возраста

Проведенный анализ показал возможности применения модели вовлеченности сотрудников Kincentric для изучения территориальной идентичности молодежи Череповца. К группе «Говорит» относятся те респонденты, которые одобрительно отзываются о городе при общении с другими людьми, советуют его для переезда, подчеркивая лишь достоинства. Таких людей не так много, как среди старшего поколения. К следующей группе «Остается» среди молодежи относятся в большей степени те, кому от 25 до 34 лет. Причины, по которым данная возрастная категория не хочет уезжать из города, много: кто-то чувствует сильную привязанность к местности, кого-то устраивают многие аспекты окружающей жизни, а у кого-то нет возможности. В противовес им выступают молодые люди до 24 лет. Они не чувствуют сильную привязанность к городу, их не устраивают какие-то аспекты городской жизни, они амбициозны, пытаются себя найти. В связи с этим самая высокая миграция наблюдается именно среди этого поколения. И, наконец, группа «Стремится» — самая активная часть респондентов и жителей Череповца.

Согласно результатам проведенного анализа, большинство опрошенных не стремятся сделать город лучше. Есть некоторая часть, которая

отличается активной общественной жизнью, но она составляет малый процент. Из всего сказанного следует сделать вывод о высокой степени применимости модели вовлеченности сотрудников Aon Hewitt при определении территориальной идентичности.

Список литературы

1. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13—23.
2. Модель вовлеченности сотрудников Kincentric (Aon Hewitt) // AXES. A KINCENTRIC PARTNER. URL: <https://axes.ru/articles/model-vovlechennosti-sotrudnikov-aon-hewitt>.

М. М. Басимов

НЕЛИНЕЙНЫЕ ЗАВИСИМОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕННЫХ

БАСИМОВ Михаил Михайлович — доктор психологических наук, доцент, Институт мировых цивилизаций, ведущий научный сотрудник, Москва, Россия

E-MAIL: basimov_@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5380-1125

Аннотация. Рассмотрены зависимости между интервальными переменными в рамках междисциплинарного исследования. Изучение политических предпочтений молодежи — актуальная проблема современной социологии и психологии, так как молодежь непосредственно влияет на формирование политической ситуации в стране, определяя ее будущее. Ставилась цель показать на примере исследования политических предпочтений молодежи преимущественно нелинейную природу связей между интервальными переменными социологического содержания. Для анализа зависимостей использовался вариант авторского метода изучения статистических связей для триад независимых переменных.

Для совокупности из 120 респондентов между 163 психологическими и социологическими переменными сильных линейных связей, которые определяются как коэффициентом силы связи ($SV > 0.7$) в рамках авторского метода, так и коэффициентом корреляции Пирсона ($R > 0.7$), было выявлено 13. При этом большинство из них достаточно предсказуемы и тривиальны. Например, одновременно положительные или отрицательные оценки деятельности президента В. В. Путина, премьера Д. А. Медведева, партии «Единая Россия» характеризуются сильными корреляциями.

Простейших нелинейных связей с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$ и достаточно слабой корреляцией между оценками социологического содержания было выявлено 36, две из которых рассматриваются в статье.

Ключевые слова: студенческая молодежь, политическая активность, политические предпочтения, выборы депутатов, выборы президента, линейные и нелинейные зависимости

Введение

Изучение политических предпочтений молодежи — актуальная задача современной социологии и психологии, так как молодежь непосредственно влияет на формирование политической ситуации в стране, определяя ее будущее.

За последние годы в социологии исследовалось отношение к избирательному процессу [Курочкина, 2019], степени участия студентов в выборах, причинах и мотивах участия [Аршинова, Билан, Горбатова, Рассохина, 2019], электоральные предпочтения [Пырма, 2019; Асеева, Шашкова, 2019], формы политического участия молодежи в выборах [Гайтян, Санников, 2019] и т. д.

Политические предпочтения респондентов, их политическая активность, политическое участие представляют собой сложный предмет для изучения, и он часто требует моделей, нелинейных по своей природе, а значит — и специфических методов анализа эмпирических данных.

Метод обработки данных

Авторский метод множественного сравнения позволил построить метод изучения статистических зависимостей. Вначале по каждому параметру формируются квантильные разбиения (триады, кварталы, квинты) данных, после чего для них проводится множественное сравнение по общему варианту, когда сравниваются между собой значения всех параметров для всех квантильных групп. В заключение строятся коэффициенты силы связи, которые нормируются таким образом, чтобы аналог единичной корреляции (зависимость параметра от самого себя) в новых коэффициентах также принимал значение, равное единице. Линейные зависимости становятся одним из частных случаев статистической связи.

Результаты исследования

Междисциплинарное исследование (2 социологические анкеты и 9 психологических методик, 120 респондентов) психолого-социологического содержания было проведено на базе РГСУ (2018—2019 гг.). Для социологических анкет были отобраны и построены по результатам ответов на вопросы анкет 35 основных интервальных показателя. Чтобы лучше проследить общую причинно-следственную картину, проведем краткий анализ полученных результатов в рамках модели зависимостей для триад независимых переменных. Для 163 психологических и социологических переменных сильных линейных было выявлено 13. При этом большинство из них достаточно

предсказуемы и тривиальны. Например, одновременно положительные или отрицательные оценки деятельности президента В. В. Путина, премьера Д. А. Медведева, партии «Единая Россия» характеризуются сильными корреляциями (коэффициенты корреляции: 0.85, 0.76, 0.75).

Простейших нелинейных связей для модели триад независимой переменной с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$ и одновременно достаточно слабыми корреляциями между социологическими оценками найдено 36. Рассмотрим две зависимости.

1. Зависимость параметра «Оценка деятельности партии Единая Россия» (Y: SOC-07) от параметра «Субъективная оценка своего материального положения» (X: SOC-35):

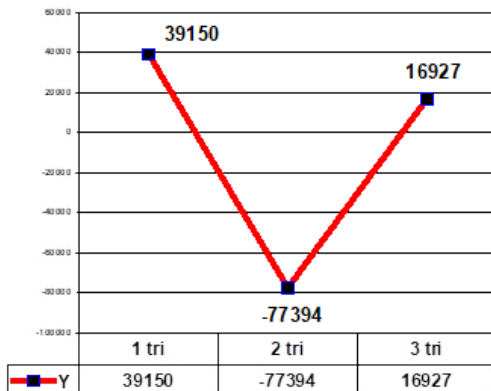
$$X-1 (Y = +39150); X-2 (Y = -77394); X-3 (Y = +16927);$$

Коэффициент силы связи = 1.32 (0.57);

Коэффициент корреляции = -0.36.

Зависимость с несимметричным минимумом. Респонденты, субъективно определившие свое материальное положение на среднем уровне, дают крайне отрицательную оценку (сравнительная весомость равна -77394) деятельности партии «Единая Россия», чего не скажешь о тех, кто свое материальное положение субъективно воспринимает либо на высоком (+16927), либо на низком (+39150) уровне (см. рис. 1).

Рис. 1. Зависимость Y: SOC-07 от X: SOC-35

Всего зависимостей, где причиной выступает параметр «Субъективная оценка своего материального положения», набралось 12 из 36, осо-

бенно это касается зависимостей с коэффициентов силы связи $SV > 0.8$ (10 из 19). Это объясняется в том числе наличием линейно связанных оценок, для которых субъективная оценка своего материального положения является причиной. Но в любом случае это причина, а не следствие. Корреляционная связь ($r = -0.36$) достаточно слабая и интереса не представляет, но «значимая» при $p = 0.001$, и сторонники «значимой» корреляции трактовали бы ее именно как линейную, когда с ростом положительного восприятия своего материального положения однозначно падает оценка деятельности партии «Единая Россия», а это может привести к однозначно ошибочным выводам и рекомендациям.

2. Зависимость параметра «Отношение к В. В. Путину» (Y: SOC-23) от параметра «Отношение к партии Справедливая Россия» (X: SOC-19):

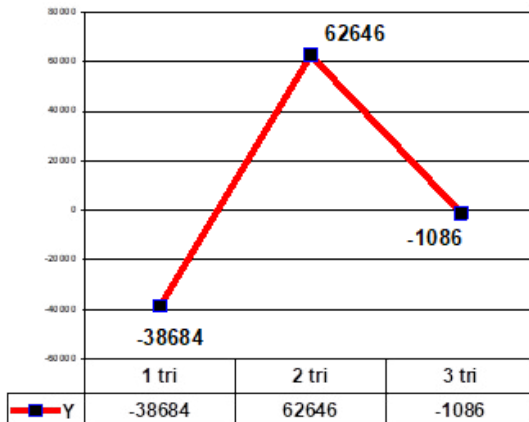
$$X-1 (Y = -38684); X-2 (Y = +62646); X-3 (Y = -1086);$$

Коэффициент силы связи = 1.04 (0.04);

Коэффициент корреляции = 0.15.

Зависимость с несимметричным максимумом. Нейтральное (средний уровень) отношение к партии «Справедливая Россия» дает пик положительного отношения к президенту В. В. Путину. Кто отрицательно относится к партии «Справедливая Россия», тот крайне низко оценивает свое отношение и к президенту В. В. Путину (-39684). Положительное отношение к партии «Справедливая Россия» прогнозирует отношение к президенту В. В. Путину на среднем уровне (-1086) (см. рис. 2).

Рис. 2. Зависимость Y: SOC-23 от X: SOC-19

Обратная зависимость (зависимость параметра SOC-19 от параметра SOC-23) крайне слабая (коэффициент силы связи $SV' = 0.04$), поэтому зависимость явно односторонняя, однозначно как причина определяется отношение к партии «Справедливая Россия». Корреляция не представляет интереса ($r = 0.15$), в том числе и для сторонников корреляционного анализа.

Это продолжает наши исследования в рамках изучения нелинейной природы применительно к общественным наукам и наукам о человеке.

Список литературы

1. Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М., Рассохина И. Ю. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 119—127.
2. Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов: Тенденции и перспективы (На примере регионов Юго-Западной Сибири) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 186—205.
3. Гайтян К. Л., Санников Г. Г. (2019) Формы политического участия современной молодежи России // Научные труды КубГТУ. 2019. № S4. С. 331—341.
4. Курочкина Ю. А. Политический абсентеизм Российской молодежи // Вестник молодежной науки. 2019. № 3 (20). С. 6.
5. Пырма Р. В. Электоральное участие молодежи в выборах президента России 2018 года // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 2 (38). С. 50—57.

Е. С. Кузьмина

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРОВЕДЕНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

КУЗЬМИНА Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-MAIL: kuzelenas@mail.ru

Аннотация. В статье на примере проведения конкретного социологического исследования представлены возможности применения междисциплинарного подхода к сбору, обработке и интерпретации данных. Автор раскрывает методологические особенности и вопросы, возникающие в ходе осуществления онлайн-опроса и интервью китайских студентов, обучающихся в российских вузах. В статье показана роль информационных технологий и лингвистики в процессе проведения исследования на этапе программирования и перевода на китайский язык социологического инструментария. В результате автор обобщает специфику проведения онлайн-исследования на китайской опросной платформе в формате рефлексии на методологию. Продуктом мультидисциплинарного проекта стала научная статья «Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования», опубликованная в журнале «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология» за 2022 г.

Ключевые слова: социологическое исследование, методологические вопросы, междисциплинарный подход, количественные и качественные методы, информационные технологии, иностранные языки, китайские студенты

Когда перед социологом стоит задача провести социологическое исследование, объектом которого выступает социальная группа, находящаяся на территории другой страны, то без специальной подготовки не обойтись, включая обращение к междисциплинарному подходу. Речь идет о наборе данных, полученных в ходе проведения социологического

исследования по выявлению образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах. В силу стечения обстоятельств из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 большинство студентов из КНР в период проведения исследования в 2020 г. учились в России дистанционно и территориально находились в Китае, что осложняло доступ к полю. Для поиска ответа на главный исследовательский вопрос по выявлению различий в мотивации и взглядах китайских студентов относительно их образовательных потребностей в российских вузах в зависимости от географических и социальных факторов было необходимо действовать с помощью количественных и качественных методов. Группа исследователей полагала, что это позволит получить дополнительную информацию для принятия управленческих решений, касающихся жизни и учебы иностранных студентов из Китая, а также их рекрута, и, в целом, развития международных стратегий российских вузов.

В процессе разработки программы социологического исследования были сформулированы методологические вопросы следующего характера. Какие социологические исследования относительно китайских студентов в российских вузах уже были проведены? Существуют ли готовые датасеты? Для решения данных вопросов был произведен обзор научной литературы, касающейся социологических исследований китайских студентов, обучающихся в российских вузах. Было найдено 15 научных работ, наиболее близко подходящих под описанные критерии и поставленный исследовательский вопрос. В отдельных статьях использовались данные как по конкретным вузам, так и по отдельным регионам РФ. В результате проведения вторичного анализа материалов было выявлено, что в основном они сфокусированы на китайских студентах Урала, Дальнего Востока, Сибири, Бурятии, Казани, а также отдельных регионов Китая с филиалами российских вузов.

Ряд методологических вопросов был посвящен дизайну исследования. В частности, какими методами должно проводиться исследование с точки зрения их релевантности и корректности использования? Офлайн или онлайн? Глубинное интервью следует провести до или после анкетирования? Какие вопросы включить в гайд и анкету? Сколько информантов следует привлечь? Как рассчитать выборку? В силу того, что интервью снижает вероятность ошибок при составлении анкеты для массового опроса, нами было принято решение провести разведывательное исследование в виде пяти глубинных интервью китайских студентов до составления анкеты, а не после. Вопросы для интервью формулировались

исходя из задач исследования на основе экспертных мнений сотрудников международных отделов вузов РФ и социологов. Каждое интервью проводилось в течение полутора часов и содержало 36 вопросов, которые были разбиты по семи смысловым блокам.

Что касается анкетирования, то необходимо было решить, как составить анкету, которая приведет нас к достаточному и полному набору данных. Как сформулировать вопросы в анкете максимально точно, чтобы можно было подтвердить или опровергнуть научную гипотезу? В итоге мы разработали вопросник среднего уровня сложности, традиционного типа, состоящий из трех частей: вводной, основной и паспортной. Вопросы и варианты ответов на них были составлены в основном по номинальным типам шкал, в небольшом количестве присутствовали порядковые (ранжирование) и количественные. Большая часть вопросов — полузакрытые. В анкете были предусмотрены «вопрос на искренность» и вопрос-фильтр, а также серия вопросов, касающихся гипотезы исследования. Важным моментом стала адаптация языка анкеты для респондента, так как многие китайские студенты, обучающиеся в российских вузах, не владеют русским или английским языками в достаточной степени для прохождения опроса. В связи с этим анкета была переведена на китайский язык с учетом лексического набора исходя из китайской специфики. Сложность заключалась в том, что исследователи находились в России, а респонденты — в КНР. При закрытых границах из-за пандемии выходом из сложившейся ситуации стало использование онлайн-инструментов. С учетом специфики китайского интернета (например, Google Forms там не работают) необходимо было найти платформу, осуществляющую сбор эмпирических данных, отвечающую нормативным требованиям КНР по использованию опросных технологий в интернете только резидентами КНР с регистрируемым ID. Стало очевидно, что изначально планируемые российские платформы, а также международные SurveyMonkey, SurveyGizmo и др. не могут быть использованы. В этой связи мы выбрали популярный китайский ресурс www.wjx.cn и направили обращение коллеге — гражданину КНР с просьбой зарегистрировать анкету через свой ID. Таким образом, программирование анкеты и ее логики осуществлялось полностью на китайском языке. Добавим, что онлайн-опрос позволил также собрать метаданные, например, время ответов на конкретные вопросы, время отклика на анкету в целом. Ссылки на анкету распространялись через международные отделы вузов РФ, где обучаются китайские студенты, а также усилиями преподавателей и кураторов в вузах,

работающих с китайскими студентами. Для того чтобы можно было изучить корреляции между переменными на этапе обработки и анализа данных в SPSS и в других статистических пакетах (R, EnjoySurvey), мы использовали возможности IT, а для интерпретации ответов на открытые вопросы — перевод с китайского языка обратно на русский язык. Помимо этого, требовался дифференцированный анализ полученных данных, в том числе с учетом региональной кластеризации по уровню социально-экономического развития российских регионов, где находились принимающие китайских студентов вузы.

Резюмируя, отметим, что благодаря тому, что в исследовательской команде были задействованы социолог, специалист по машинному обучению, филолог, переводчик китайского языка, мультидисциплинарный проект состоялся, его результаты были опубликованы в журнале «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология» [Вашкявичус и др., 2022: 213—237].

Список литературы

Вашкявичус В. Ю., Кондракова Ю. Н., Кузьмина Е. С., Сметанников И. Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213—237. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/65/19>.

А. Р. Гарифзянова, Д. А. Матвеева

ТРУДНОСТИ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ РЕКРУТИНГА И ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК

ГАРИФЗЯНОВА Альбина Раисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и этнической социологии ИСФНиМК, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: albina.garifzyanova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8399-8205

МАТВЕЕВА Дарья Александровна — студентка кафедры общей и этнической социологии ИСФНиМК, Казанский федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: lexxal0405@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые трудности, с которыми столкнулись исследователи в процессе рекрутинга и интервьюирования мусульманок. Представлены предварительные методологические рекомендации в рамках пилотажного исследования женщин-мусульманок, занимающихся мелкой предпринимательской деятельностью в исторически сложившемся «мусульманском районе» города Казани (были взяты шесть биографических интервью). Целевой группой исследования стали мусульманки в возрасте от 20 до 60 лет различных национальностей, традиционно придерживающихся ислама: татарки, лезгинка, татарка из азиатской страны, таджички.

«Поле» имеет несколько методологических особенностей, которые оказали влияние на дизайн всего исследования, начиная с рекрутинга. Данная специфика определялась тем, что вход в «поле» осуществлялся двумя исследователями — исследовательский дебют с привлечением более опытного социолога. Кроме того, из-за трудностей, связанных с доступом к респонденткам, полевая работа носила непредсказуемый характер и требовала переформатирования в короткий срок: умение переключаться с рекрутинга на интервьюирование, проводить тандемное интервью, неожиданные этические дилеммы. Наличие «второго социолога» — более опытного, одновременно близкого по своему опыту к бэкграунду респонденток, вызывающего почти сразу доверие, и начинающего социолога с «чужой» религиозной идентичностью, без исследовательского опыта — позволило не только провести рекрутинг с учетом ошибок и взять

интервью, но и отработать собственные стереотипы о доступе «трудных респондентов» и сформулировать рекомендации по проведению подготовки и реализации подобных «полей».

Ключевые слова: женщины-мусульманки, рекрутинг, «трудный респондент», этика в «поле», тандемное интервью, ислам, мусульманские практики

Исследовательский дебют в рамках изучения женщин-мусульманок Казани, занятых в сфере предпринимательской деятельности, сопровождался трудностями входа в «поле» с самого начала и проблемами удержания контакта/внимания респонденток после. Женщины различных возрастов, практикующие ислам — это достаточно закрытое сообщество, в особенности для исследователя другой конфессиональной идентичности, незнакомого с мусульманским образом жизни «изнутри», и на это есть несколько причин, которые важно учитывать на этапе подготовки к «полю». Во-первых, культурно-религиозный разрыв, определяемый как личным бэкграундом начинающего социолога, связанным со множеством стереотипов об исламе³, религиозной и национальной идентичностью (православная, русская), так и отношением самих информанток, которые воспринимали исследователя Другим, порой даже тем человеком, который «не так» может истолковать слова «истинно верующего человека». Во-вторых, в «поле» центральным моментом стал вопрос доверия — вход в «поле» сопровождался большим количеством отказов из-за страха разговаривать с незнакомым человеком, тем более другой религии, именно поэтому было принято решение подключиться исследователю со схожей с респондентками религиозной идентичностью и опытом рекрутинга в «трудных полях». В-третьих, специфика «поля» в целом задавала характер «полевой работы»: часто рекрутинг первых респонденток переключался в интервью, которое, в свою очередь, проходило на месте работы информанток (какие-то публичные места, магазины) и во время их работы (мог подойти клиент), что препятствовало как интервьюерам, так и самим респонденткам. И значимо было выработать простой набор действий для выхода из таких сложных ситуаций, например, быть готовым начать интервью «здесь и сейчас» без диктофона (информантка могла отказаться говорить под запись), быстро распределить

³ Один из исследователей, для которого это поле было дебютным, приехал из российского региона, где к исламу иное отношение, чем в Татарстане — настороженное, как к явлению достаточно чуждому.

роли — кто из исследователей слушает, кто задает вопросы; прерваться (если информантка должна общаться с клиентом) и при этом удерживать интерес респондентки с помощью или вопросов, не касающихся непосредственно предмета исследования, или своими действиями, направленными на рабочие практики мусульманки (к примеру, неподдельный интерес к мусульманским книгам или товарам для мусульманок, которые продаются в этом магазине).

Особенностью данного пилотажного исследования также является «тандемный» характер на первых этапах: полевая работа проводилась опытным социологом совместно с начинающим как на этапе «активного» рекрутинга, так и во время интервьюирования первых респонденток. Эта ситуация также создавала определенные этические дилеммы, например, более опытный социолог нес большую ответственность (*«взять на себя ответственность „перед Аллахом“*) за то, какой информация будет об мусульманках в тексте — это условие одной из респонденток, согласившейся разговаривать), в то время как второй социолог оставался без права голоса, то есть только в роли наблюдателя в процессе интервью (респондентка согласилась дать интервью при условии, что второй социолог с православной идентичностью будет молчать). Можно сказать, что особенностями рекрутинга стали два ключевых фактора: рекрутинг, переходящий в любой момент в интервью «здесь и сейчас», и взаимодействие двух социологов с разнообразными взглядами, в разном бэкграундом, неодинаковой религиозной и этнической идентичностью и различными статусами (научный руководитель и начинающий исследователь).

Несомненно, в данных условиях важна подготовка к вхождению в «поле» заранее, которую можно кратко отразить в следующих рекомендациях:

- 1) продумать соответствие внешнего вида «полю» (одежда, закрывающая локти, шею; отказ от символов другой религии);
- 2) наличие проводника или второго исследователя, близкого к бэкграунду респонденток (знание исламских практик «изнутри», этническая/религиозная идентичность, наличие опыта рекрутинга);
- 3) отработка «собственных» исследовательских представлений о «трудном поле» (например, гендер «до поля» воспринимался как преимущество — исследовательницы изучают мусульманок, но как показал наш опыт — большую роль играла религиозная принадлежность);
- 4) изучение локации до выхода в поле, а также исследование традиций ислама и сущности общих исламских практик;

- 5) преодоление ситуации восприятия респондентами социолога как журналиста, что чаще всего ассоциируется с опасностью и недоверием;
- 6) обещание анонимности сразу в самом начале знакомства и озвучивание своей миссии;
- 7) учитывать конфессиональную и локальную специфику: в представленном кейсе респондентки реагировали положительно на использование при рекрутинге татарских слов (здравствуйте/исемесез), упоминание мусульманских практик и каких-то повседневных слов (Алла бирса, Бисмилла, ураза);
- 8) учитывать специфику главенствующей роли мужчины в жизни мусульманки и его если не реального наличия во время коммуникации с социологами, то точно «негласного присутствия» (часто мусульманки, согласившиеся на интервью, говорили, что муж не против общения и «ничего не запрещает»);
- 9) доработать гайд интервью после первого опыта интервьюирования.

Помимо подготовки к рекрутингу и к входу в «поле» немаловажно обратить внимание на специфику вопросно-ответной коммуникации в процессе самого интервью: не стоит сразу с первых минут переходить в интервью к проблематике и цели исследования — это часто отпугивало в силу приватности веры и закрытости личного пространства мусульманки; не стоит инициировать слишком интимные темы для женщин-мусульманок напрямую «в лоб», например, о личной жизни, личных взаимоотношениях в семье или сексуальности, также не стоит упоминать основные стереотипы об исламе, вызывающие отторжение, например, об ассоциации хиджаба⁴ с терроризмом и случаях дискриминации женщин в исламе.

В ходе исследования были выработаны следующие типы информанток, каждая из которых требует своего подхода:

1. Первый тип — информантки, согласившиеся на интервью с целью показать другую так называемую нестереотипную сторону своей религии (замужние девушки), обратную сторону религиозных практик и в какой-то степени — идеальный мир мусульманской женщины.

2. Второй тип — достаточно молодые мусульманки, часто прошедшие социализацию не в Татарстане, с высшим образованием, воспринимающие начинающего исследователя с позиции «Мы» и «Они». Для них был

⁴ В разных странах означает разные виды мусульманской женской одежды. В повседневном употреблении часто подразумевается головной убор, например платок.

интересен сам опыт общения с представителем «иного религиозного» мира, в целом проявляли любопытство к работе исследователя.

3. Третий тип — высоко религиозные респондентки (часто родом из среднеазиатских регионов и около/в пенсионном возрасте), категорически отказывающиеся от интервью без объяснения причин, другие — сомневающиеся по личностным религиозным основаниям (недоверие к исследователям как незнакомцам, стеснение, отсутствие желания что-то говорить об исламе) — чтобы случайно не компрометировать мусульманскую веру. Среди них были и те, кто отказывался избирательно от интервью с социологом «не той веры», но не был против поговорить с социологом с мусульманской идентичности и близкой этничности.

Соответственно, учитывая типологию информанток, были разработаны следующие общие рекомендации по преодолению трудностей в подобных «полях»:

Если респондентка согласна при рекрутинге «поговорить», то нужно переключаться на интервьюирование прямо «здесь и сейчас», не стоит ждать другого момента. С другой стороны, если есть ощущение неуместности интервью в данных условиях (возможно, магазин полон покупателей) или видно, что респондентка сомневается, — то лучше назначить интервью на другое время.

Внимательно отнестись к внешнему виду: «видимый» крестик, возможно, был одной из причин отказа говорить с начинающим исследователем.

Учитывать специфику тандемной полевой работы и этическую сторону такого «поля»: один наблюдает, другой ведет интервью.

Информантки религиозного типа идут на контакт, если делать акцент на схожую с социологом этническую или религиозную идентичность (татарка, мусульманка). Но учитывать, что это не всегда работает, например, таджички на это не обращали внимание.

Схожая гендерная идентичность («женщины изучают женщин») помогает найти общий язык с более молодыми мусульманками, но не играет существенной роли с возрастными мусульманками. Возраст сыграл свою роль, когда молодая информантка из Таджикистана достаточно открыто общалась с начинающим исследователем.

По предположениям авторов, предложенные методологические рекомендации в какой-то степени могли бы способствовать более эффективной подготовке к «полю» для преодоления полевых трудностей. Также нужно учесть следующие факторы: для рекрутинга стоит иметь в запасе несколько каналов входа в «поле» (нельзя использовать только один

путь рекрутинга), адаптировать гайд под специфику «поля» после первых интервью, обсуждать этические вопросы друг с другом, если это тандемная работа, уделять особое внимание внешнему виду в зависимости от локальной специфики (например, для некоторых регионов, где ислам — традиционная религия для большинства, хиджаб необязателен для женщин, а иногда, наоборот, в семье старшие родственники против хиджаба, но при этом остальные исламские практики соблюдаются⁵), истории локации, знанию исламских терминов и основам этики.

Таким образом, на примере пилотажного исследования мусульманок, принимающих участие в предпринимательской деятельности, были кратко представлены основные методические рекомендации, определяемые спецификой самого поля, задающие «тон» всему исследованию. Авторами предложены рекомендации по подготовке к вхождению в «поле», к выстраиванию вопросно-ответной коммуникации, а также взаимодействию с информантками различных типов.

⁵ Речь идет о Таджикистане. Респондентка поделилась противоречивыми чувствами насчет хиджаба как неотъемлемой части образа мусульманки: когда она приехала в Татарстан, то увидела, как позитивно воспринимают мусульманский хиджаб, что совсем не соответствовало ассоциациям о хиджабе в Таджикистане: там «покрывались» в свое время женщины «легкого поведения» с целью безопасности, что со временем привело к утверждению стереотипа, что хиджаб для «нечестивых» и небезопасен. С переездом в Татарстан у респондентки возникло желание надеть платок, но родители, живущие в Таджикистане, были против.

Т. И. Ларина, Я. А. Гудкова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРОФЕССИЕЙ «СОЦИОЛОГ»

ЛАРИНА Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: larina-ti@rudn.ru

ГУДКОВА Яна Александровна — магистрант 2 курса, кафедра социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; специалист по работе с базами исследовательских данных, ВЦИОМ, Москва, Россия

E-MAIL: yana140210@mail.ru

Аннотация. Отношение общества к профессии «социолог» меняется с начала появления этой науки. В современных реалиях положение представителей данной специальности в России остается неустойчивым. В связи с этим представляет интерес осмысление социологами самих себя, удовлетворенность образованием и карьерными возможностями. В статье делается акцент на проблему изучения удовлетворенности профессией молодыми специалистами-социологами.

В целом изучение удовлетворенности профессией сохраняет свою значимость, так как при выборе профессии до сих пор не утихают споры, что важнее — заработок или увлеченность деятельностью. При этом каждая профессия требует определенного подхода к изучению удовлетворенности, который отражается на методиках измерения. Несмотря на вариативность измерения удовлетворенности, встает вопрос о том, какая из методик наиболее точно отражает действительное отношение к полученной профессии.

В рамках статьи представлены результаты эмпирического исследования, которое было нацелено на поиск наиболее эффективной методологии для изучения удовлетворенности выбором профессии «социолог». По результатам исследования были выделены специфические факторы, обуславливающие профессию «социолог», и установлено, что наиболее эффективной методикой можно считать шкалу суммарных оценок, но сочетание нескольких методик в одном опросе даст более точный результат.

Благодарность. Тезисы подготовлены в рамках государственного задания № 075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

Ключевые слова: удовлетворенность профессией, социолог, методики изучения удовлетворенности, выпускники-социологи, выбор профессии, критерии удовлетворенности профессией

Профессия «социолог» на протяжении долгого времени занимает неустойчивое положение в обществе, которое формируется под воздействием различных факторов. Наибольший интерес в рамках данной статьи будут представлять те, что влияют на образ профессии, среди которых:

1) Снижение доверия опросам и, как следствие, самим социологам, со стороны общества. По данным ВЦИОМ, индекс уверенности в том, что опросы отражают действительное мнение опрашиваемых, снизился и в 2021 г. составил 16 п. против 31 п. в 2020 г. [ВЦИОМ, 2021].

2) Критика социологов и недоверие к ним со стороны профессионального сообщества. Как отмечается в отчете проведенного сообществом «Открытое мнение» исследования на основе анализа публикаций в СМИ за 2014—2019 гг., в 25 % случаев негативные высказывания исходят от самих социологов [Открытое мнение, 2020]. Но, как указывают в том числе немецкие коллеги, не стоит забывать о недобросовестности некоторых социальных исследователей (ошибки в представлении результатов; неудачи в воспроизведении исследований; коррумпированность исследователей в поисках признания и финансирования и т. д.) [Breznau, 2021].

Представители социологической профессии обеспокоены своим будущим, будущим профессии и науки в целом, о чем свидетельствуют темы конференций и секций, посвященные данному вопросу, среди недавних — Грушинская конференция 2022 г. и 2018 г. («Социолог 2.0: трансформация профессии»), собрание Президиума РОС («Тринадцать тезисов об истории и перспективах развития социологии» О. Н. Яницкого, ноябрь 2018 г.), «Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций» (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) (ноябрь 2019 г.).

Для профессии также сохраняется проблема неосознанного поступления на специальность «социолог». Вопрос «Кто такой социолог?» можно услышать от многих абитуриентов [Чиркова, 2019]. Чаще всего будущие студенты-социологи не осведомлены о самой профессии и поступают на специальность случайно [Смирнова, Панкратова, 2016].

В процессе обучения у многих формируется понимание, где работать после выпуска, какие профильные навыки и компетенции они могут предложить на рынке труда [Ганина, Федотова, 2018]. Чаще выпускники-социологи устраиваются на работу вне социологического поля, изменяя свою профессиональную траекторию, что нарушает процесс профессионализации и влечет за собой негативные последствия (экономические, психологические, личностные и др.).

Последняя описанная проблема приводит к вопросу измерения удовлетворенности профессией. Необходимость изучения данной темы обусловлена, в первую очередь, формированием опросника, который бы учел наиболее значимые стороны удовлетворенности профессией. Это могло бы стать одним из инструментов, направленных на корректирование профессиональной траектории студентов, неудовлетворенных своим выбором специальности, а также на выстраивание оптимальной схемы профессионализации студента, которая помогла бы ему в определении себя в профессиональной среде в будущем.

В науке существует ряд методик, с помощью которых можно зафиксировать уровень удовлетворенности трудом, работой. Несмотря на это, многие из них либо не учитывают содержательную сторону профессии, акцентируя внимание на условиях трудовой деятельности, либо учитывают все аспекты данной категории в обобщенном виде, что нецелесообразно при анализе данного феномена и принятии управленческих решений. Стоит также отметить, что большинство методик направлены на количественное измерение удовлетворенности. Одни используются чаще в массовых опросах, другие предназначены для мониторингов внутри рабочей организации (например, методика eNPS Ф. Райхельда [Reichheld, 2003]). Среди используемых в массовых опросах можно выделить: метод прямого вопроса (например, «Насколько Вы удовлетворены своей работой?»), логические индексы (логический квадрат, прямоугольник) и шкалы суммарных оценок. Чаще всего авторские методики по измерению удовлетворенности (методика по диагностике личностной и групповой удовлетворенности работой А. В. Батаршева; «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера) основываются на принципах шкалы суммарных оценок Лайкерта или шкалы равнокажущихся интервалов Терстоуна.

Проведенное авторами эмпирическое исследование (январь — март 2022 г.) было направлено на поиск наиболее эффективной методологии для изучения удовлетворенности выбором профессии «социолог». В качестве методов были выбраны полуформализованное интервью (пред-

интервью; I этап исследования), которое проводилось с целью узнать актуальный уровень удовлетворенности выбором профессии, и количественный опрос на той же выборке (II этап исследования). Для определения уровня удовлетворенности каждого информанта в пред-интервью используется метод триангуляции: 1) фиксирование индивидуальных показателей с целью выявления средней оценки уровня удовлетворенности по каждому участнику исследования; 2) привлечение экспертов с целью контроля полученных результатов. Следующим шагом стало сравнение результатов пред-интервью и количественного опроса с целью валидации и выявления наиболее эффективной методики, изучающей удовлетворенность выбором профессии «социолог». Среди используемых методик в количественном опросе были представлены:

- 1) прямой закрытый вопрос с порядковым типом шкалы;
- 2) логический квадрат;
- 3) шкала суммарных оценок Лайкерта.

В ходе I этапа исследования было опрошено 26 выпускников социологической специальности, в ходе II этапа участие приняли 22 респондента. Опрашивались социологи — выпускники различных российских университетов.

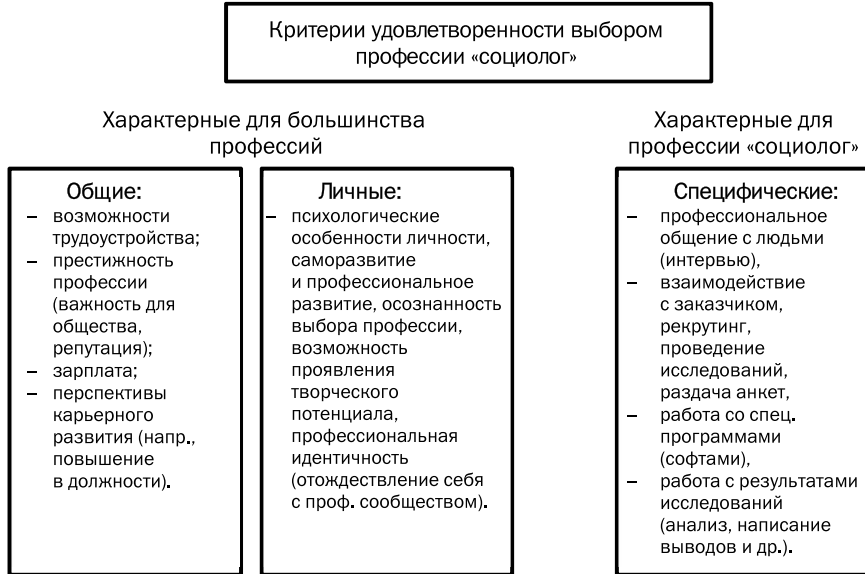
По итогам исследования был сделан вывод, что по эффективности изученные методики можно расположить в следующем порядке (от наиболее эффективной к наименее): шкала суммарных оценок Лайкерта, прямой вопрос, методика «логический квадрат». Главный недостаток методики «логический квадрат», выявленный в данном исследовании, заключается в наличии противоречивых вариантов ответов, что не позволяет провести анализ и интерпретацию результатов.

Посредством проведенного контент-анализа интервью в рамках I этапа исследования были выделены три группы критериев удовлетворенности выбором профессией «социолог»: общие, личные и специфические (см. рис. 1).

Также было установлено, что большая часть опрошенных поступала на специальность социолога неосознанно, называя свой выбор случайным стечением обстоятельств (прохождение на бюджет, подходящий набор предметов, прием по олимпиаде и льготам и пр.). Некоторые респонденты заявляли, что ориентировались на свои предпочтения в школьных предметах (напр., обществознание). При этом поступление на специальность вызывало у респондентов отрицательные эмоции (чувства растерянности, непонимания профессионального будущего, безвыходности

ситуации, страха). Половина респондентов не повторили бы свой выбор, но другие довольны принятым когда-то решением: они объясняют его пользой полученных знаний и навыков, которыми пользуются в своей трудовой деятельности (не во всех случаях связанной с социологией).

Рис. 1. Критерии удовлетворенности выбором профессии «социолог»

Результаты проведенного исследования могут стать основой для создания более эффективной методологической базы по изучению удовлетворенности профессией, которая будет способствовать повышению как качества социологического инструментария, так и качества получаемой в ходе опроса информации. В качестве рекомендаций по дальнейшему изучению категории «удовлетворенность» с точки зрения методологии предлагается применение методики равнокажущихся интервалов (шкала Терстоуна), которая, несмотря на сложность, имеет в своей процедуре более качественный отбор суждений, что может повысить точность результатов. В качестве рекомендаций по использованию методик для получения наиболее точных результатов по изучению удовлетворенности предлагается применение нескольких методик в одном опросе. В качестве наиболее эффективных методик рекомендуется применять прямой вопрос об удовлетворенности в сочетании со шкалой суммарных оценок Лайкерта.

Список литературы

1. Опрос об опросах, или навстречу Дню социолога // ВЦИОМ. 14.11.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/opros-ob-oprosakh-ili-navstrechu-dnju-sociologa>.
2. Ганина О. А., Федотова В. А. Ключевые навыки в профессионализации современных социологов // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», Москва, 18—19 апреля 2018 года / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2018. С. 29—33. EDN XPQTBB. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35051655>.
3. Открытое мнение: Образ социологии в СМИ // Презентация с результатами исследования. 2018—2020. URL: https://openopinion.ru/obraz_sociologii_v_smi
4. Смирнова И. Н., Панкратова Е. В. Профессия социолога в оценках студентов и выпускников направления «социология» Ивановского государственного университета // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Н.: Изд-во НИСОЦ, 2016. С. 140—144.
5. Чиркова А. В. О профессиональном самоопределении студентов-социологов // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г.): сб. материалов / отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 900—902. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7562.
6. Breznau N. (2021) Does Sociology Need Open Science? *Societies*. Vol. 11. No. 1. P. 9. <https://doi.org/10.3390/soc11010009>.
7. Frederick F. (2022) Reichheld the One Number You Need to Grow. Harvard: Harvard Business Publishing. Growth Strategy. URL: <https://hbr.org/2003/12/the-one-number-you-need-to-grow>.

М. В. Субботина

ГЕРОИЗМ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

СУББОТИНА Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: mariya.subbotina.1995@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2597-2706

Аннотация. Российское общество находится в непростых, но от этого интересных с социологической точки зрения условиях. Как и любой кризис, сложившаяся ситуация открывает возможности для формирования новых дискурсов и проведения большого количества социологических исследований. Чтобы подготовить почву для дальнейших эмпирических исследований, нам видится необходимым осветить те социальные феномены, с которыми, вероятнее всего, столкнется (или уже начало сталкиваться) российское общество. Рассмотрим такие явления общественной жизни, как культура отмены и героизм. Оба этих феномена — социальные конструкты, но находятся на разных полюсах общественного мнения. Во-первых, российское общество столкнулось с проявлением культуры отмены в масштабах целого государства, во-вторых, возможно, в ближайшее время у исследователей будет возможность наблюдать трансформацию социальных представлений о героях и феномене героизма в целом. Помимо этого, обозначенные явления тесно переплетаются с проблемой социальной справедливости, которая не теряет актуальность для нашего общества.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 2001100307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия».

Ключевые слова: культура отмены, общественное мнение, героизм, справедливость

Культура отмены (cancel culture) представляет собой относительно новое общественное явление, которое, впрочем, берет свои истоки еще на заре человеческой истории. Если ранее в качестве наказания

человека физически изгоняли из общества (что делало его существование крайне затруднительным либо совершенно невозможным), сегодня достаточно наречь человека «изгоем» и повесить на него ярлык «отмененного» в интернет-пространстве, чтобы сделать его жизнь невыносимой. Другими словами, культура отмены представляет собой современное воплощение остракизма и заключается в «бойкотировании» определенных людей или брендов, которые имели неосторожность транслировать идеи, отличающиеся от идей, принятых в обществе.

Термин «культура отмены» достаточно быстро вошел в обиход представителей западного общества, постепенно он укрепил свои позиции и в российском дискурсе. Наиболее заметно это стало в последнее время, когда многие россияне обнаружили, что оказались «отменены» по факту своей национальности. Случаи проявления культуры отмены тесно переплетаются с реализацией идеи социальной справедливости. Те люди, которые, по мнению общества, нарушили правила, проявили негативные качества или высказали позицию, отличную от разделяемой большинством, сталкиваются с такими санкциями, как общественное осуждение, травля (по большей части в интернет-пространстве), а иногда даже и потеря работы и т. д. При этом феномен культуры отмены еще не изучен до конца и само по себе явление в том виде, в котором мы можем его наблюдать, достаточно ново, поэтому говорить о факте отмены целой нации несколько опрометчиво и преждевременно. Еще нет исследований, позволяющих отследить и систематизировать все проявления культуры отмены, с которыми столкнулись российские граждане, и оценить весь масштаб влияния данного общественного течения. Пока что мы имеем лишь разрозненные новостные сообщения, отражающие отдельные ситуации проявления физической или вербальной агрессии, несправедливости или травли в интернете в отношении россиян со стороны иностранных (а иногда и своих) граждан. В ближайшем будущем, когда градус эмоций несколько спадет и у людей появится возможность трезво оценить произошедшие с ними события, социологи получат возможность собрать более объективные данные касательно того, насколько сильно российское общество затронула культура отмены.

В свою очередь, героизм можно считать феноменом, который, фигурально выражаясь, находится на противоположном конце шкалы социального одобрения, нежели проявления культуры отмены. С одной стороны героизм — это личный выбор человека, но с другой стороны, «титул» героя — социальный конструкт, так как без внимания и признания

обществом некоего поступка и/или решения героическим сам феномен героизма не сможет существовать. Очевидно, что именно сообщество признает человека героем, при этом сам человек благодаря этому признанию удовлетворяет свою потребность в уважении. Кроме того, если обратиться к пирамиде потребностей А. Маслоу, феномен героизма можно трактовать как высшую степень самореализации человека — через раскрытие им собственного потенциала, т. е. героизм представляет собой наивысшее проявление человеческих возможностей. Нельзя не отметить, что герой — понятие амбивалентное. Амбивалентность героизма детерминирована исторически, социокультурно и ситуативно: действие, которое считается героическим в одной группе, может отвергаться другой как неприемлемое и отвратительное; герои одной эпохи могут оказаться злодеями в другое время, даже если речь не идет о появлении новых, разоблачающих, фактов.

Интересный пример амбивалентности героя приводят авторы сборника исследований по тематике героизма [Efthimiou, Allison, Franco, 2018]. Согласно мнению исследователей, для объединения граждан страны необходимо наличие одного определенного героя (или группы героев, олицетворяющих одни ценности), который будет своего рода символом государства и через ассоциации с ним граждане будут испытывать чувства единения и патриотизма. Но, например, в истории Австралии существуют два героя, олицетворяющие ценности разных групп населения: первый — губернатор Западной Австралии Д. Стирлинг — ключевая фигура в истории колонизации Австралии Великобританией, который, согласно современной литературе, принес цивилизацию в Австралию, и лидер сопротивления местных жителей Яган, боровшийся с британской интервенцией за суверенитет коренных народов Австралии. В современных статьях последнего называют террористом, который пытался сорвать благую миссию европейцев по спасению австралийских земель и коренных жителей от голода и всевозможных бедствий.

Что касается российского общества, нельзя однозначно выделить двух героев, которые бы разделили наше общество. Но на данный момент можно предположить, что помимо традиционных для российского общества героев-воинов [Троцук, Субботина, 2018] все большую популярность (особенно у молодежи) могут набирать фигуры, которых психологи З. Франко, К. Блау и Ф. Зимбардо отнесли к категории бюрократических героев (сотрудники крупных организаций, участвующие в спорных ситуациях внутри фирмы или между агентствами; имеющие принципиальную

позицию и, несмотря на давление со стороны, отказывающиеся соответствовать шаблону или слепо подчиняться тем, кто выше по статусу) [Franco, Blau, Zimbardo, 2011].

В контексте сложившейся ситуации данный тип может быть рассмотрен в более широком ключе, когда подразумевается открытое противостояние конкретного человека не позиции организации, а официальной позиции государства. Такой тип героя наиболее интересен в рамках заявленной темы, так как, с одной стороны, выражение мнения, противопоставленного идее, принятой в обществе, может привести к «отмене», а с другой стороны, может, наоборот, привести к получению статуса героя. Но в какую сторону повернется общественное мнение, смогут прояснить лишь будущие социологические исследования.

Список литературы

1. Троцук И. В., Субботина М. В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4. С. 140—158.
2. Efthimiou O., Allison S. T., Franco Z. E. (eds.) (2018) Heroism and Wellbeing in the 21st Century. Applied and Emerging Perspectives. N.Y.
3. Franco Z., Blau K., Zimbardo P. (2011) Heroism: A Conceptual Analysis and Differentiation between Heroic Action and Altruism. Review of General Psychology. Vol.15. No. 2.

В. И. Дудина

СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ ЗДОРОВЬЯ КАК РЕСУРС ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: КОНТУРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

ДУДИНА Виктория Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: viktoria_dudina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2099-2345

Аннотация. Социальный активизм в сфере здоровья — важный ресурс здравоохранения в условиях растущей неопределенности. Тем не менее существующие теоретические модели для изучения этого явления не соответствуют изменившемуся характеру современного активизма здоровья. Традиционная теоретическая модель социологии общественных движений не позволяет концептуализировать многообразные активистские практики. В статье предлагаются идеи по формированию новой теоретической модели, которая может быть положена в основание эмпирических исследований социального активизма здоровья.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФН в рамках научного проекта № 22-18-00261.

Ключевые слова: социальный активизм, общественное здоровье, теоретическая модель, здравоохранение, риски, неопределенность

Пандемия коронавируса высветила проблемы, с которыми столкнулись разные страны в сфере организации медицинской помощи населению. Важным ресурсом здравоохранения в условиях растущей неопределенности и новых эпидемических рисков является социальный активизм в сфере здоровья. Активизм здоровья возможен в различных формах социальной самоорганизации в области заботы о здоровье, таких как общественные объединения и движения, сформированные вокруг проблематики здоровья. Он относится к любой попытке перераспределить материальные, институциональные, символические ресурсы, власть и ответственность в области общественного здоровья и здравоохранения, которая осуществляется снизу вверх и полагается на внесудар-

ственные средства для достижения своих целей. Социальный активизм в сфере здоровья может представлять собой вызов существующему порядку, если последний рассматривается как отрицательно влияющий на здоровье или не обеспечивающий справедливый доступ к услугам здравоохранения. В то же время социальный активизм может выполнять компенсаторные функции, будучи нацелен на продуктивное совместное решение проблем здоровья, на восполнение пробелов в области охраны здоровья.

Преобладающей теоретической рамкой исследования социального активизма здоровья долгое время оставалась социология общественных движений. В рамках этого подхода социальный активизм здоровья трактовался как публичная коллективная деятельность уязвимых групп и их союзников, направленная на решение конфликтных вопросов посредством использования различных форм протеста, на перераспределение ресурсов и общественное признание проблем. С конца 1990-х годов активизм здоровья претерпел значительные изменения как в провозглашенных целях, так и в принятых стратегиях, что связано с растущей зависимостью деятельности активистов от цифровых медиа и связанного с ними научного и коммерческого влияния. Ключевое изменение в стратегиях социального активизма здоровья, отмечаемое современными авторами, состоит, в частности, в переориентации активизма с борьбы за права на стремление добиться публичности и привлечь финансирование [Petersen, Schermuly, Anderson, 2019]. Поскольку официальные институты здравоохранения не всегда могут оперативно реагировать на новые угрозы, внимание обращается на компенсаторные функции социального активизма здоровья.

Если рассматривать социальный активизм здоровья как своего рода компенсацию недостатков систем здравоохранения, смягчающую риски и неопределенность, связанные со здоровьем, то можно констатировать, что необходима другая концептуализация социального активизма в сфере здоровья, предполагающая смещение от риторики защиты прав в сторону более конвенциональных способов действия.

В рамках социологии общественных движений это смещение может быть зафиксировано сменой доминирующей парадигмы от концептуализации общественных движений как иррациональной реакции «толпы» на структурные проблемы со стороны ранее атомизированных индивидов [Crossley, 2002] к парадигме рационального активизма с акцентом на интегрированность активистов в социальные сети, на роль ресурсов

и политических возможностей. Однако и такая парадигма подвергается критике за переоценку роли рациональных элементов в деятельности социальных агентов и недооценку таких аспектов, как культурные практики, идентичности и эмоции, которые играют существенную роль как внутри движений, так и в более широком социальном контексте. Несмотря на значительные достижения в исследованиях социального активизма здоровья из перспективы подхода общественных движений, все больше авторов отмечают их ограниченность и недостаточность для описания современной ситуации [Campbell, Cornish, 2021].

Активизм здоровья выполняет функцию не просто защиты прав или привлечения ресурсов, а оказывает трансформативное влияние на взаимоотношения общества, науки и институтов здравоохранения [Гребенщикова, 2019]. Поэтому важная черта современных исследований социального активизма здоровья состоит в акценте на отстаивании знаний непрофессионалов и перспективы пациентов по отношению к медицинскому знанию, в преодолении медицинской монополии и продвижении перспективы получателей медицинских услуг. В рамках этого направления исследований через утверждение опыта «пациента» как законного источника знаний относительно болезней и измерения эффективности лечения бросается вызов монополии и авторитету медицинской профессии.

В настоящее время наметился переход к радикальному расширению взглядов на сущность и содержание социального активизма в сфере здоровья с учетом новых, а также уже существующих, но ранее непризнанных форм активизма. Активизм рассматривается не как противостояние системе, но как использование ее и логики рынка для радикальных изменений в отношении доступа к медикаментам, тем самым подрывая понимание активизма как противостояния неолиберализму [Martinez-Lacabe, 2021]. Признание непубличных актов коллективного участия в структурах здравоохранения способствует отходу от взгляда на активизм как на организованное сопротивление для достижения видимых социальных изменений. Все больше исследователей обращают внимание на недостатки универсального подхода к исследованию социального активизма здоровья, игнорирующего разнообразие его современных форм. Признается неудовлетворительным линейный подход к изменениям, ориентирующий на достижение видимых структурных изменений. Вместо этого предлагается подход с точки зрения многомерного процесса изменений, включающего успехи и неудачи как необходимые аспекты

социального активизма в сфере здоровья [Cornish, 2021]. Можно констатировать, что, поскольку современный социальный активизм здоровья принимает более латентные и диффузные формы, чем это может быть описано из перспективы социологии общественных движений, требуется существенное переосмысление базовых теоретических моделей, которые могут быть положены в основу исследования активизма здоровья.

Список литературы

1. Гребенщикова Е. Г. Биологическое гражданство: от пациентских организаций до потребительской геномики // Человек. 2019. Т. 30. № 6. С. 72—81.
2. Campbell C., Cornish F. (2021) Public Health Activism in Changing Times: Relocating Collective Agency. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 125—133.
3. Cornish F. (2021) Grenfell Changes Everything? Activism beyond Hope and Despair. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 3. P. 292—304.
4. Crossley N. (2002) *Making Sense of Social Movements*. Buckinghamshire: Open University Press.
5. Martinez-Lacabe A. (2021) The PrEP Response in England: Enabling Collective Action through Public Health and PrEP Commodity Activism. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 225—233.
6. Petersen A., Schermuly A., Anderson A. (2019) The Shifting Politics of Patient Activism: From Bio-Sociality to Bio-Digital Citizenship. *Health (London)*. Vol. 23. No. 4. P. 478—494.

М. М. Басимов

НЕЛИНЕЙНОЕ ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕСПОНДЕНТА НА ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

БАСИМОВ Михаил Михайлович — доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт мировых цивилизаций, Москва, Россия

E-MAIL: basimov_@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5380-1125

Аннотация. Рассмотрены примеры нелинейного влияния психологических особенностей личности человека на его политические предпочтения в рамках междисциплинарного исследования, в котором с позиции социологии одновременно изучались политические предпочтения молодого поколения, а с позиции психологии — данные диагностики по девяти психологическим методикам. Изучение политических предпочтений молодежи — актуальная проблема современной социологии и психологии. Для анализа зависимостей использовался авторский метод, в статье приведены результаты решения задачи в рамках модели зависимостей для триад независимых переменных.

Для совокупности из 120 респондентов между 163 психологическими и социологическими параметрами сильных линейных связей, которые определяются как коэффициентом силы связи ($SV > 0.7$) в рамках авторского метода, так и коэффициентом корреляции Пирсона ($R > 0.7$), было выявлено 13.

Простейших нелинейных связей с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$, если не учитывать зависимости между психологическими параметрами, было выявлено 46. Из них 36 зависимостей — это связи между оценками социологического содержания, но самое интересное, что появляются десять зависимостей между психологическими и социологическими данными (две рассмотрены в статье), в пяти психологические параметры выступают в качестве независимой переменной и в пяти — в качестве зависимой.

Ключевые слова: студенческая молодежь, политическая активность, политические предпочтения, выборы, психологические особенности, линейные и нелинейные зависимости

Введение

В последние годы в социологии и психологии исследовались политические ценности и мотивации студентов [Морозова, 2019], политические настроения [Попова, Лагутин, 2019], трансформация политических установок и ценностных ориентаций молодежи [Сафонова, Обухова, Танова, 2019], уровень общественно-политической активности [Дидковская, Трынов, 2019], степени участия студентов в выборах, причинах и мотивах их участия [Аршинова, Билан, Горбатова, Рассохина, 2019] и т. д.

Политические предпочтения респондентов, рассматриваемые в комплексе с личностными и другими психологическими особенностями респондентов, представляют собой сложный предмет для изучения, и он требует моделей, преимущественно нелинейных, а значит — и специфических методов анализа эмпирических данных.

Метод обработки данных

Авторский метод множественного сравнения позволил построить метод изучения статистических зависимостей. Вначале по каждому параметру формируются квантильные разбиения (триады, кварталы, квинты) данных, после чего для них проводится множественное сравнение по общему варианту, когда сравниваются между собой значения всех параметров для всех квантильных групп. В заключение строятся коэффициенты силы связи, которые нормируются таким образом, чтобы аналог единичной корреляции (зависимость параметра от самого себя) в новых коэффициентах также принимал значение, равное единице. Линейные зависимости становятся частным случаем статистической связи.

Результаты исследования

Междисциплинарное исследование (2 социологические анкеты и 9 психологических методик, 120 респондентов) психолого-социологического содержания было проведено на базе РГСУ (2018—2019 гг.). В задаче по изучению статистических связей изучались 49 основных и производных от них социологических показателей и 114 психологических шкал. Для 163 психологических и социологических переменных сильных линейных связей было выявлено 13.

Простейших нелинейных связей с коэффициентом силы связи $SV > 0.7$, если не учитывать зависимости между психологическими параметрами, было выявлено 46. Из них 36 зависимостей — это связи между социологическими оценками, но самое интересное, что появляются десять зависимостей

между психологическими и социологическими данными, из них в пяти психологические параметры выступают в качестве независимой переменной и в пяти — в качестве зависимой переменной. Рассмотрим две зависимости.

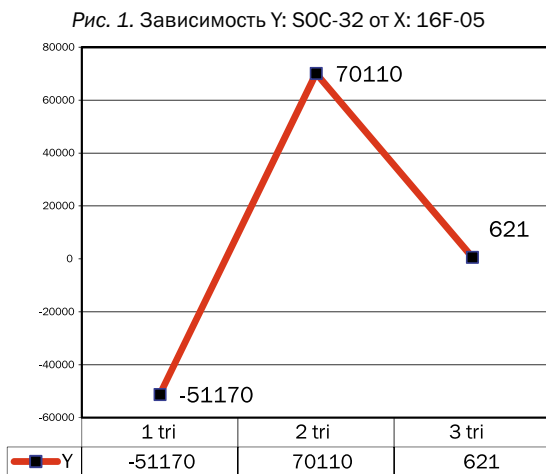
1. Зависимость параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ» (Y: SOC-32) от параметра «Сдержанность — экспрессивность» (X: 16F-05):

$$X-1 (Y = -51170); X-2 (Y = +70110); X-3 (Y = +621);$$

Коэффициент силы связи = 1.20 (0.07);

Коэффициент корреляции = 0.18.

Зависимость с крайне несимметричным максимумом. Респонденты, которые не являются преимущественно ни сдержанными, ни экспрессивными, наиболее удовлетворены результатами голосования на выборах президента РФ (+70110). Их характеризуют средне выраженная эмоциональная окрашенность и динамичность, проявляющаяся в общении. Абсолютно не удовлетворены результатами выборов сдержанные респонденты (-51170). Это осторожные и все усложняющие рассудительные люди, они пессимистичны в восприятии окружающей, в том числе политической реальности, их беспокоит будущее, в котором они часто прогнозируют неудачи. Жизнерадостный, беспечный человек, которого в рамках 3 триады можно охарактеризовать как экспрессивного, как верящего в удачу энтузиаста групповой деятельности, результаты голосования оценивает на среднем уровне вблизи нулевой сравнительной весомости (+621) (см. рис. 1).

Обратная зависимость крайне слабая ($SV' = 0.07$), поэтому зависимость явно односторонняя. Корреляция не представляет интереса ($r = 0.18$), но «значимая» при $p = 0.05$, что позволяет сторонникам «значимой» корреляции интерпретировать данную зависимость как линейную: чем больше экспрессивности у респондентов, тем больше они удовлетворены результатами выборов президента.

2. Зависимость параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ» (Y: SOC-32) от параметра «Личностная отстраненность (деперсонализация)» (X: EMV-11):

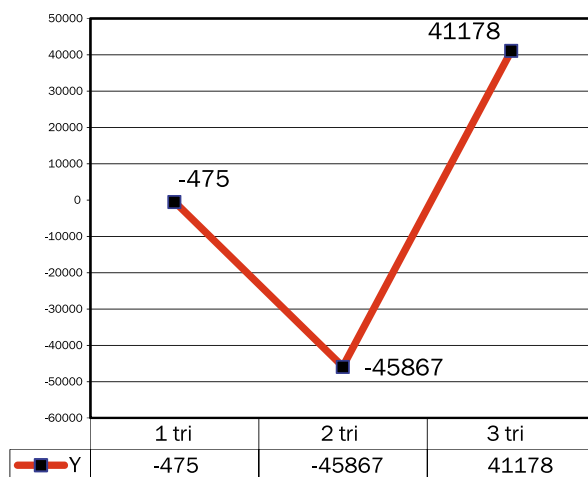
$$X-1 (Y = -475); X-2 (Y = -45867); X-3 (Y = +41178);$$

Коэффициент силы связи = 0.83 (0.11);

Коэффициент корреляции = 0.17.

Зависимость с крайне несимметричным минимумом. Сформированная личностная отстраненность (деперсонализация) в наибольшей степени способствует удовлетворенности результатами голосования на выборах президента РФ (+41178). В этом случае метастазы «выгорания» проникают в систему ценностей личности, формируя антигуманистический настрой. А вот процесс формирования личностной отстраненности дает результат (-45867) совершенно противоположный. Невыраженная личностная отстраненность формирует безразличное отношение к результатам выборов (-475) (см. рис. 2).

Рис. 2. Зависимость Y: SOC-32 от X: EMV-11

Обратная зависимость крайне слабая ($SV' = 0.11$), значит, зависимость явно односторонняя. Корреляция не представляет интереса ($r = 0.17$), в том числе и для сторонников корреляционного анализа, для них ее нет, а значит, причинно-следственной связи между рассматриваемыми параметрами, которая была описана выше, не существует.

Это продолжает наши исследования в рамках изучения нелинейной природы применительно к общественным наукам и наукам о человеке.

Список литературы

1. Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М., Рассохина И. Ю. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 119—127.
2. Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Политическая активность молодежи: стратегии политического участия в контексте образа социального будущего // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 88—101.
3. Морозова Г. В. Политические ценности и мотивации российского студенчества // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 4 (39). С. 37—41.
4. Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599—619.
5. Сафонова А. С., Обухова Ю. О., Танова А. Г. Трансформация политических установок и ценностных ориентаций студенческой молодежи Санкт-Петербурга // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 3. С. 94—104.

А. В. Лядова**СОЦИОЛОГИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
К ДИСКУССИИ О НОВОЙ ОТРАСЛИ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ЛЯДОВА Анна Васильевна — кандидат социологических наук, кандидат исторических наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: annaslm@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается анализ оснований для формирования новой отрасли социологической знания — социологии искусственного интеллекта. В условиях активного внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь современного человека, особенно вследствие распространения пандемии новой коронавирусной инфекции, возникла потребность социологической рефлексии происходящих под их влиянием трансформаций социальной реальности. Опираясь на отечественные и зарубежные исследования, в работе рассматриваются ключевые предпосылки становления социологии искусственного интеллекта, среди которых отмечаются такие как трансформация социальной реальности, новые социальные риски вследствие технологической сингулярности, появление техносубъекта и т. п. По мнению автора, в новых условиях искусственной социальности насущной становится социальная потребность в соответствующих специалистах — социальных инженерах или социальных аналитиках, не только владеющих навыками теоретического анализа, но и в силу особенностей самого предмета — искусственной социальности — компетентных в соответствующих технических терминах и методах машинного обучения и анализа данных, а также прогнозирования на их основе социальных изменений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социология искусственного интеллекта, техносубъект, техносоциальность

Словосочетание «искусственный интеллект» стало привычным как для научного, так и для публичного дискурса. В своем повседневном мире большинство из нас активно пользуются технологиями, основанными

на использовании искусственного интеллекта. Например, интернетом вещей, телемедициной, голосовыми помощниками — чат-ботами, беспилотным такси, камерами слежения за безопасностью движения на магистралях и т. п. Согласно аналитическим данным агентства McKinsey, рынок технологий искусственного интеллекта к 2025 г. составит 126 млрд долларов.

Столь быстрое распространение «умных» материальных помощников и, самое главное, их роль в социальном пространстве ставят вопрос о необходимости анализа происходящих под их влиянием изменений. В этой связи, на наш взгляд, исследования, посвященные изучению трансформаций социальной реальности под воздействием умных технологий, можно считать мейнстримом современной как отечественной, так и зарубежной социологии. Более того, сегодня возникают идеи о необходимости разработки особой отрасли социологического знания — социологии искусственного интеллекта. Насколько оправдана такая диверсификация социологической науки?

Анализ соответствующих публикаций позволил выделить следующие позиции, излагаемые исследователями по данному вопросу [Tinati et al., 2014; Mlynář et al., 2018; Rezaev, Tregubova, 2018; Kravchenko, 2019; Игнатъев, 2019; Kasapoglu, 2020; Mühlhoff, 2020; Резаев, Трегубова, 2021].

В первую очередь в защиту выносятся тезис о трансформации социума и переходе к социотехническим системам, следствием научного осмысления которых стало развитие так называемой цифровой парадигмы в социологическом знании [Kravchenko, 2019].

Активное внедрение технологий искусственного интеллекта в процессы производства, распределения и обмена, потребления, общественного мнения и политики создает широкие перспективы для социологической рефлексии — как для интерпретации самих техносубъектов социальных отношений, так и для изучения их места и роли в социальной реальности [Игнатъев, 2019; Kasapoglu, 2020; Holton, Boyd, 2021]. Поэтому представляется обоснованным переход от позиций демонизации и идеализации — двух распространенных исследовательских крайностей — к социологическому анализу возможностей адаптации моделей техносистем, основанных на искусственном интеллекте, к реальным социальным системам со всей их сложностью, вызванной особенностями властных структур, культурным разнообразием, социальным неравенством.

Наряду с этим требуют социологического осмысления и общественные нарративы самих технологий: знание, как люди в своей повседневности

воспринимают и интерпретируют технические инновации, позволяет расширить возможности социального прогнозирования.

Вследствие вышеизложенного возникает потребность в разработке как понятийного аппарата, позволяющего интерпретировать соответствующие феномены («техносубъект» [Игнатъев, 2022], «искусственная социальность» [Holton, Boyd, 2021]), так и теоретико-методологических подходов к их исследованию.

И, наконец, на наш взгляд, новые исследовательские перспективы ставят вопрос о необходимости подготовки соответствующих специалистов — социальных инженеров или социальных аналитиков, не только владеющих навыками теоретического анализа, но и, в силу особенностей самого предмета — искусственной социальности, компетентных в соответствующих технических терминах и методах машинного обучения и анализа данных и прогнозирования на их основе социальных изменений.

Таким образом, не вызывает сомнений, что новые технологии не только трансформируют социальную реальность, но и задают новые перспективы для развития самой социологической науки.

Список литературы

1. Игнатъев В. И. Объект социологии в метаморфозе морфогенеза гибридного социума // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 114—124.
2. Игнатъев В. И. И грядет «другой» актер... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. № 1.
3. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 4—17. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1905>.
4. Holton R, Boyd R. (2021) Where Are the People? What Are They Doing? Why Are They Doing It?' (Mindell) Situating Artificial Intelligence within a Socio-Technical Framework. *Journal of Sociology*. Vol. 57. No. 2. P. 179—195.
5. Kasapoglu A. (2020) Sociology of Artificial Intelligence: A Relational Sociological Investigation in the Field of Health. *Rep Glob Health Res*. No. 3. 112.
6. Kravchenko S. A. (2019) Sociology on the Move: The Demand for the Humanistic Digital Turn. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 3. P. 397—405. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-397-405>.

7. Mlynář, J., Alavi, H.S., Verma, H., Cantoni, L. (2018) Towards a Sociological Conception of Artificial Intelligence. In: Iklé M., Franz A., Rzepka R., Goertzel B. (eds.) *Artificial General Intelligence. AGI 2018. Lecture Notes in Computer Science*. Vol 10999. Cham: Springer.
8. Mühlhoff R. (2020) Human-Aided Artificial Intelligence: Or, How to Run Large Computations in Human Brains? Toward a Media Sociology of Machine Learning. *New Media & Society*. Vol. 22. No. 10. P. 1868—1884.
9. Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2018) Are Sociologists Ready for 'Artificial Sociality'? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 91—108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.10>.
10. Tinati R., Halford S., Carr L., Pope C. (2014) Big Data: Methodological Challenges and Approaches for Sociological Analysis. *Sociology*. Vol. 48. No. 4. P. 663—68.

И. В. Островская

ИСКУССТВЕННЫЙ РАЗУМ В ПОИСКАХ ЧЕЛОВЕКА

ОСТРОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: ostrovskay@mail.ru

ORCID: 0000-001-5084-3493

Аннотация: Работа продолжает научные исследования и рефлексию автора по проблематике построения и моделирования сложных систем с помощью искусственного интеллекта. Предпринята попытка создания комплексного имитационного моделирования человеческой деятельности. Разрабатываемый исследовательский проект посвящен возможностям и перспективам применения машинных алгоритмов для моделирования проектирования и прогнозирования человеческой деятельности. Искусственный интеллект для архитектуры интеллектуальных и операционных проектов на протяжении жизненного цикла рассматривает комплексную систему человека как открытую и закрытую одновременно. Методолого-методические основы исследования положены в основу разработки программного обеспечения для управления жизненными циклами процессов человеческой жизни, где человек поставлен в центр рекурсии и является «мерой всех вещей».

Ключевые слова: искусственный интеллект, комплексное имитационное моделирование, технологии информационного моделирования (ТИМ), рекурсия, семантический анализ, моделирование человеческой деятельности, ПО для человеческой деятельности, машинное обучение, нейронные сети

Развитие технологий информационного и автоматизированного моделирования в различных областях человеческой деятельности, связанных со сложнофункциональными и нагруженными процессами взаимодействия разных структур на разных этапах проведения процессов, позволяют постоянно совершенствовать процессы и сокращать издержки. Акторами выступают самые разные сложноустроенные, но поддающиеся автоматизации организации и процессы. Чем более развивается искус-

ственный интеллект, тем больше становится понятно, что приближение его к истинному искусственному интеллекту становится возможным. И возможность реплицировать семантический и социальный граф человека и сделать цифровую копию человека становится одной из самых сложных, но возможно достижимых интеллектуальных задач.

И если во многих отраслях проблемы реализации крупных проектов решаются с разной степенью успешности, выявляются основные проблемы и находятся способы их решения, то очень сложно поставить в центр этой рекурсии и сделать актором этой системы самого индивида. То есть для создания и управления большими системами были придуманы самые разные автоматизированные системы, способные управлять логикой и различными проектами и процессами, сводя их к некоей единой системе. Различное программное обеспечение позволяет разрабатывать удобные инструменты для Enterprise Resource Planning, создаются стандарты качества Project Management Body Knowledge и ERP системы с элементами Blockchain. Эти системы и ряд других позволяют выстраивать логику и имплементацию, а также управлять рисками и финансовой эффективностью, тем самым создавая эффективные системы управления. По сути те возможности, которые способен на сегодняшний день предоставить искусственный интеллект на анализе больших данных, используются во многих наукоемких областях — машиностроении, фармакологии, в строительной индустрии. Развитием и разработкой технологий для строительной индустрии занимается и автор этой статьи, внедряя результаты своих научных разработок совместно с государственными корпорациями и при всяческой поддержке Финансового университета в отрасль [Островская, 2022].

Производственные бизнес-процессы довольно просто формализуются и поддаются законам математики и формальной логики. Человеческая же природа позволяет на сегодняшний момент накинуть на себя формализованное «одеяло» лишь отчасти. HUMANPROCESSING сам по себе (термин, по имеющимся данным, введен автором) остается за пределами локуса внимания или приоритетов.

В решении задачи декодирования самих себя участвуют самые разные области знаний от философии, психологии, биологии, лингвистики до математики, информатики и нейронаук. При таком разнообразии невозможно возникновение разногласий, какой подход считать правильным и первостепенным [Chomsky, 1995].

Напрашивается аналогия, что, хотя ролья нужно изобрести, спроектировать, изготовить и овладеть игрой на нем, любому музыканту понятно,

что овладеть игрой на фортепиано гораздо проще, чем овладеть игрой на другом музыкальном инструменте — человеческом голосе. В этом смысле у пианиста и у оперной дивы одинаковые шансы быть в плохом расположении духа, но рояль не может осипнуть и быть не в голосе. Оперная певица может и сама «сломаться» и сам по себе ее инструмент может «сломаться».

Однако формализовать человека и архитектуру процессов по аналогии с Enterprise Resores Planing и сделать некий общий Human Resource Planing, Life Resource Planing (термины, исходя из имеющихся данных, вводимые автором впервые), сценарный подход ко всем процессам и их архитектуре и результатам представляется нам возможным и необходимым. Это позволит выстроить архитектуру Life Project, где именно человек станет мерой всех вещей (по Протагору), несмотря на всю комбинаторную сложность возможных сценариев развития и взаимодействия социальных и семантических графов. По сути, актором большинства процессов является человек, поставленный в центр этой жизненной рекурсии. При этом проектируемая нами система позволит соответственно моделировать архитектуру задач, способы их выполнения и делать референтные отсылки к предыдущему опыту и «золотым стандартам индустрии», производя расчеты именно индивидуально и под ключ. При решении определенных задач, поставленных или приходящих по мере жизненного цикла проекта — человека, система исходит из матриц, данных именно по данному конкретному человеку, находящемуся в конкретных обстоятельствах на данном жизненном цикле в данных конкретных жизненных циклах по каждому отдельному фактору в контексте жизни конкретного актора. При этом система позволяет человеку выйти за пределы своих ограничений, привычных паттернов, ошибок и предоставляя информацию по возможным «коллизиям проекта». Проект, построенный для человека, позволяет ограничить влияние человеческого фактора, предоставляя внешний локус контроля и передавая накопленный опыт решения подобных задач, недоступный отдельному индивидууму в силу различных ограничений и искажений и обеспечивает в некотором смысле доступ к коллективному разуму, позволяет выявлять личные ограничения и заглядывать за пределы сознания, отлавливая уловки сознания и того, что остается в слепой зоне. Система является модульной и дает возможность подключать различные модули и уровни взаимодействия между ними. А также показывает возможные ограничения формализованных процессов объекта, позволяя находить оптимальную имплемен-

тацию известного психологического принципа «здесь и сейчас там, где мы есть, делаем то, что мы можем, с тем, что, мы имеем». Возможность принятия опроретчивых решений или игнорирование существенных факторов по понятным причинам у машины отсутствует, так же как плохое настроение. Однако отношения между приемником и передатчиком в данном случае остаются субъектными, поскольку выдаваемые машиной алгоритмы решений являются интенционными и коррелируют с показателями внушаемости и доверия к алгоритмам. Система оставляет для вас свободу выбора и «перестраивает маршрут» в процессе движения. Субъект, поставленный в центр данной рекурсии, имеет возможность воздержаться от проведенного искусственным интеллектом анализа и дифференцировать управляющие воздействия и комбинаторные наборы решений, предлагаемых системой.

Дом, который построил Джек, — пожалуй, самый известный пример рекурсии, в центре которой находится человек. Упрощенно мы можем представить идею, заложенную в проект следующим образом: Джек имеет несколько текущих процессов исходя из своих задач. Вопрос парадоксальности человеческой природы, когда мы зачастую хотим одного, а делаем диаметрально противоположное, оставляем за скобками данной работы. Исходим из того, что цели и задачи верифицированы отдельным модулем программы. Итак, размечаем по типу семантического анализа данные по нескольким параметрам: время t , процесс p , время цикла c , желаемый результат g , риски r .

Далее: Джек мечтает, чтобы он и его ребенок говорили на английском без акцента, у него есть цель иметь длинные волосы, здоровые зубы, у него горит несколько неопубликованных статей и он задумывается над вечной проблемой — что будет после меня, не составить ли завещание. И в довершение ко всему он выяснил, что комплектующие, необходимые для проекта прямо сегодня, нужно было заказывать на заводе три месяца назад, чтобы они были доставлены сегодня, а сломавшийся пластиковый клапан на Мерседес 2022 г. дилер не в состоянии починить, поскольку склады пусты — новых поставок запчастей не предвидится — делайте что хотите. Еще Джек помнит, что перед ним стоит какая-то важная задача, но он забыл, какая. Однако точно помнит, что у секретарши день рождения, правда, не помнит, какого цвета розы она любит и как это согласовывается с международной обстановкой в контексте их личных взаимодействий.

Не стоит воспринимать слишком линейно смоделированную ситуацию задач разной сложности и уровней, но это именно то, что подгружает наш

мозг утром за чашкой кофе. Любое предприятие также имеет множество разных операционных и стратегических задач, ранжированных по степени сложности, затрат, рисков и сроков реализации. Промаркировав все задачи, имея все возможные формализованные «представления о вас», система выдает вам результат в выбранной вами конфигурации — например, в виде текста (как на планерке утром в понедельник у прораба на стройке) сегодняшняя картина построения здания вашей идеальной жизни (оптимально возможной при текущих ограничениях и ресурсах на данном цикле реализации) выглядит следующим образом. Имеются возможные сценарии из вариантов, подходящих Джеку. Джек находит девочку, Джек влюбляется в девочку, Джек теряет девочку или женится на девочке. Система рассматривает риски и возможные идеальный, благоприятный и неблагоприятный сценарии для Джека, который построил дом, где в темном чулане хранится пшеница, которую часто ворует синица, которую бы поймала кошка, которой нет.

Итак, из искусственно смоделированной нами ситуации Джек получает представление о том, что, чтобы говорить на английском языке без акцента, его ребенок до формирования фонетического навыка (примерно до пяти лет) должен вырасти в прекрасном поместье под Лондоном. Как понимаем — это идеальный сценарий, благоприятный сценарий здесь — иметь в гувернантках носителя языка, неблагоприятный вариант — смириться с тем, что фонетический аспект не самый важный в изучении языка и довольствоваться неносителем языка. Самому же Джеку ничего не светит в этом направлении, поскольку его фонетический навык безнадежно сформирован и подлежит минимальной коррекции. Что касается волос, то риски минимальные — поскольку волосы не зубы, которые нужно было начинать чистить и проводить своевременное «техническое обслуживание» 25 лет назад. Что касается завещания, то модуль электронного душеприказчика отправит все ваши статьи по адресам редакции, коды доступа к счетам передаст доверенному числу лиц, ваши наследники получат информацию о вашей доле в бизнесе независимо от версии ваших партнеров. В этой же версии вы сможете составить цифровое завещание, которое к тому времени с поправками в законодательство, возможно, будет иметь юридическую силу.

— *Вы полагаете, все это будет носиться?*

— *Я полагаю, что все это следует шить.*

Эта фраза характеризует отдельную часть человеческой природы и деятельности, вытекающей из нее. Большой части человеческой деятельности свойственно переносить фокус с результата на процесс. Отдельный модуль предполагает использовать это ограничение с точки зрения алгоритмов на часть процессов креативной составляющей проекта, не имеющих прямого фокуса на конечном результате. Разрабатываемая модель комплексного имитационного моделирования человеческой деятельности позволяет интегрироваться со сторонними системами и программным обеспечением, используемым как support и execution человеческой деятельности. Использование достижений технологий информационного моделирования человеческой деятельности с установлением человека в центре рекурсии как современного подхода к возведению, оснащению, управлению жизненным циклом человека, при котором человек как центральная, ядерная часть системы рассматривается как единый комплекс, состоящий из разнообразных процессов, систем, и является собственно объектом прилагаемых усилий.

Применение технологий информационного моделирования в различных технологических, техногенных областях и объектах позволяет, по разным оценкам экономить, до 20 % ресурсов. В контексте человека как биологической модели огромное значение имеют усилия, как моральные, так и физические, и нет основания предполагать, что в управляемых жизненных проектах эффективность модели будет ниже. В модель будущего образа жизненного цикла человека возможно «зашить» все доступные характеристики и информацию по срокам, рискам, необходимым ресурсам и затратам по процессу и субъекту. Преимуществами экстраполированных на самого человека технологий комплексного имитационного моделирования, информационного моделирования, которые обычно обращены вовне, станут повышение производительности, усиление согласованности, выстраивание и связывание важных процессов и информации, высокая скорость реализации и упрощение принятия решений, снижение затрат. Бонусом прилагается спектр субъективных ощущений и переживаний от не только жизневспомогающих функций данной системы непосредственно, но и от ощущения принятия взвешенных решений интуитивно понятных, однако слабо формализуемых сознанием.

Складывается ощущение выверенности предпринимаемых шагов и действий, а также осознанного принятия решений, выпадающих из «логических соображений» искусственного интеллекта и возможности визуа-

лизировать информацию по текущим проектам. Производится ревизия и тайм-менеджмент сложившемуся статус-кво и вносятся возможные коррективы по принципу факт-карт. Также минимизируются ошибки просто потому, что вы не думали об этом так, или не владели полной информацией / существующими технологиями, или не знали о каких-то ограничениях, а может, вам, попросту говоря, «не хватило ума». По крайней мере, часть ваших процессов могут быть подхвачены искусственным разумом. Мы создали медицинские карты, где медики ведут пациентов, психологическое консультирование, множество программного обеспечения для разных отраслей и отдельных проектов. А кто ведет нас самих? Как мы можем анализировать такое количество информации как единое целое, имея ограниченные возможности переключаемости и комбинаторной сложности? Мы позволяем себе принимать множество жизненно важных решений, пользоваться разрозненными мозаичными знаниями, не всегда имея возможности воспользоваться профессиональной экспертной оценкой. Занимаемся исследованиями, не видя общей картины, читаем множество однотипных сюжетов, не понимая их однотипность за нагромождением деталей. Мы склонны усложнять, там, где нужно упрощать, и примитивизировать там, где упрощать не стоит. Система может быть подвинута только извне, как гласит древнее изречение. И речь не только о философском контексте структурализма и гносеологии. Речь не о том, что искусственный интеллект может помочь нам с анализом больших данных и сократить погрешности применяемых методов и решений, и даже не о том, что когда-нибудь мы сможем создать сколько-нибудь похожую реплику человеческого разума, а том, что машина поможет нам лучше рассмотреть самих себя.

Список литературы

1. Островская И. В. Исследование основных причин проблем реализации научно-инвестиционных проектов. Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2020. № 1. С. 320—325.
2. Chomsky N. (1995) The Minimalism Program. Cambridge, MA: MIT Press.

С. Г. Ушкин

ДОВЕРЯЕМ ЛИ МЫ ИНФОРМАЦИИ ОТ УМНЫХ КОЛОНОК: ОПЫТ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ С ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; исследовательский менеджер Практики региональных исследований и консультирования, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия

E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4317-6615

Аннотация. Рынок умных колонок в России и во всем мире стремительно развивается. Голосовые помощники на основе технологий искусственного интеллекта становятся частью нашей повседневной жизни. Взаимодействия человека и машины все больше гуманизируются, наблюдается отождествление последних с социальными акторами, действующими на основании принятых в обществе норм и правил. В настоящей работе предпринята попытка изучения отношения к умным колонкам через призму доверия, представляющего важный структурный элемент любого рода коммуникации. Эмпирическим базисом выступают результаты 20 полуструктурированных глубинных интервью, проведенных в Саранске в марте 2022 г. с владельцами подобных устройств. Нами выявлено, что пользователи позитивно оценивают умные колонки, взаимодействуют с ними достаточно регулярно, преимущественно для потребления развлекательного контента. Предположительно, они доверяют структурирование своего досуга устройству, используя с ним естественный язык общения и полагаясь на его рекомендательные механизмы. Новостные или поисковые запросы в целом осуществляются существенно реже, требуют дальнейшей верификации. Причина этого заключается в том, что пользователи боятся использования непроверенной информации, которая может быть получена от недобросовестных интернет-сайтов.

Ключевые слова: умные колонки, голосовые помощники, искусственный интеллект, человеко-машинное взаимодействие, искусственная социальность

В последние несколько лет пользователи из разных стран демонстрируют повышенный интерес к умным колонкам, объемы их продаж стремительно увеличиваются, а их использование становится частью повседневности. Наблюдается увеличение и количества исследовательских публикаций в ведущих мировых изданиях, затрагивающих не только технические характеристики функционирования подобных устройств, но и процессы человеко-машинного взаимодействия.

Умная колонка представляет собой сложное техническое устройство — портативный компьютер, подключенный к интернету и использующий технологии искусственного интеллекта для осуществления вербального диалогового взаимодействия с пользователями посредством облачного виртуального голосового помощника. Как правило, они размещаются в домашней среде (хотя известны случаи, например, их установки в автомобилях) и постоянно слушают человеческую речь, пребывая в готовности ответить на задаваемые вопросы [Pradhan, Findlater, Lazar, 2019].

Социологическое осмысление процессов человеко-машинного взаимодействия представляется широким, и в зависимости от выбранной исследовательской оптики может интерпретировать его совершенно различным образом. Так, еще до появления умных колонок в междисциплинарном поле социальных наук развивалась дискуссия о субъектности технически сложных устройств, с которыми пользователь осуществлял своего рода диалог при выполнении ставших рутинными действий (например, копирование, сканирование, печать документов и т. д.) [Сачмен, 2019]. Вся коммуникация происходила через пользовательский интерфейс, который позволял человеку управлять машиной, а машине — до определенной степени управлять человеком, во всяком случае в рамках ее функционала.

Вербализация пользовательского интерфейса и наделение его свойствами искусственного интеллекта знаменуют собой новый виток реконфигурации человеко-машинных взаимодействий, поскольку делают их доступными широким слоям населения, воплощая давнюю мечту разработчиков об одомашнивании технологий [Корбут, 2021: 196]. Благодаря тому, что умные колонки «говорят» на естественном для пользователя языке, а интонационно становятся похожи на реального человека, их субъектность существенно возрастает. Так, результаты западных исследований свидетельствуют, что люди отождествляют машины с социальными акторами и применяют к ним существующие нормы межличностных отношений, приписывая устройствам антропоморфные характеры и характеристики [Kim et al., 2019].

Закономерным итогом взаимодействия пользователя и умной колонки, структурно схожим коммуникации «человек — человек», становится выработка отношений (не)доверия. Первые исследования в этом отношении были проведены западными коллегами для изучения потребительского опыта, и их выводы заключались в том, что доверие людей к подобного рода гаджетам положительно влияет на их утилитарное и гедонистическое восприятие, повышает шансы на дальнейшее использование [Huang, Kim, Lennon, 2022]. Ввиду этого представляется важным, как российские пользователи умных колонок относятся как к самим устройствам, так и к информации, которую получают от них.

Результаты настоящего исследования базируются на анализе 20 полуструктурированных глубинных интервью с владельцами умных колонок, пользующихся ими с разной степенью интенсивности. Исследование носило инициативный характер, рекрутинг участников осуществлялся посредством сильных и слабых социальных связей членов исследовательской группы. Данные были собраны в марте 2022 г. среди жителей Саранска, использован гибридный формат коммуникации: 11 интервью состоялись лицом к лицу, 6 — посредством телефонного общения, еще 3 — посредством виртуального общения.

Несмотря на различный уровень использования умной колонки, практически все без исключения информанты отмечают свое позитивное отношение к устройству. Чаще всего оно помогает людям структурировать свой досуг, прежде всего в отношении потребления развлекательного контента. Постулируется, что умная колонка представляет собой одновременно и утилитарное, и гедонистическое устройство, которое в разных поведенческих контекстах может, к примеру, *включить музыку*, или *включить музыку*. Соответственно, в первом случае значимость обретает возможность дать команду на естественном языке, а во втором — получить качественный контент, основанный на пользовательских рекомендациях.

Других значимых ожиданий взрослые пользователи на умную колонку не возлагают, но уровень доверия среди информантов различается. Одна часть уверена, что при непосредственном взаимодействии с устройством, например поиске информации, не стоит затрагивать чувствительные темы, поскольку существует риск утечки данных; другая, заметно большая часть, говорит о том, что цифровые следы постоянно фиксируются, это неотъемлемый атрибут современного мира, поэтому как-то по особенному вести себя в процессе коммуникации с умной колонкой не стоит, тем

более что деятельность информантов, как они нередко сами подчеркивают, не связана ни с чем противозаконным.

Наиболее важный аспект представляет собой доверие к получаемой информации, представляющей собой запрос как на новости, так и на получение знаний об окружающем мире. Запрос на прослушивание новостей невысок, как отмечают отдельные информанты, зачастую им достаточно того, что они получают из традиционных или новых медиа. Умные колонки можно назвать в определенном смысле инструментом бегства от реальности, создающим фоновый шум для выполнения рутинных действий или отдохновения. Если же их владельцы принимают решение, что голосовой помощник должен прочитать последние новости, то они, как правило, в дальнейшем верифицируются (исключение — новости погоды, им пользователи безоговорочно доверяют).

Примерно то же самое происходит с поиском интересующей информации. Как правило, обращение к умной колонке происходит тогда, когда под рукой нет других устройств (смартфона, компьютера и т. д.). Другой контекст связан с обучением детей, когда они формулируют запрос или проходят интерактивный процесс обучения посредством гаджета. Тем не менее и в том, и в другом случае информанты заявляют, что они также в дальнейшем верифицируют полученные результаты, приучая к этому и подрастающее поколение. Основная претензия заключается в том, что люди не знают, с каких конкретно сайтов умная колонка берет информацию, поскольку объемы недостоверных данных увеличиваются буквально в геометрической прогрессии.

Безусловно, данное исследование имеет ряд серьезных ограничений, но его задача заключалась в поиске основных доминант человеко-машинного взаимодействия. Первое из них заключалось в том, что размер нашей выборки был ограничен, поскольку рекрутинг владельцев умных колонок существенно затруднен, несмотря на использование сильных и слабых социальных связей. Второе касалось структуры самих информантов — среди них отсутствовали одинокие и пожилые люди, которые нередко называются основными бенефициарами от распространения умных колонок. Третье связано с невозможностью генерализации полученных результатов, поскольку отсутствуют релевантные открытые данные о количественном составе пользователей умных колонок. Будущие исследования должны учитывать эти моменты, быть направлены как на дальнейшее использование качественных методов, так и на получение количественных данных о людях, пользующихся подобными устройствами.

Список литературы

1. Корбут А. М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 193—216. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1808>.
2. Сачмен Л. Реконфигурации отношений человек-машина: планы и ситуативные действия. М.: Элементарные формы, 2019.
3. Huang R., Kim M., Lennon S. (2022) Trust as a Second-Order Construct: Investigating the Relationship between Consumers and Virtual Agents. *Telematics and Informatics*. Vol. 70. <https://www.doi.org/10.1016/j.tele.2022.101811>.
4. Kim A., Cho M., Ahn J., Sung Y. (2019) Effects of Gender and Relationship Type on the Response to Artificial Intelligence. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 22. No. 4. P. 249—253. <https://www.doi.org/10.1089/cyber.2018.0581>.
5. Pradhan A, Findlater L., Lazar A. (2019) «Phantom Friend» or «Just a Box with Information»: Personification and Ontological Categorization of Smart Speaker-based Voice Assistants by Older Adults. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. Vol. 3. No. CSCW. P. 1—21. <https://www.doi.org/10.1145/33593162019>.

ОПАСНОСТИ И РИСКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ СИСТЕМАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОКАЗАНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

ЗОТОВ Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет), Москва, Россия

E-MAIL: om_zotova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1083-1097

Аннотация. Сегодня цифровые технологии рассматриваются в качестве инструмента, который позволяет снизить бюрократическую составляющую в системах оказания государственных услуг, что выражается в упрощении процедуры подачи заявления, снижения рисков коррупции. Но процесс принятия решений системами искусственного интеллекта при оказании государственных услуг трансформирует традиционную персонализированную бюрократию в цифровую. Это связано с развитием цифровых сетевых платформ, в том числе и в сфере цифровых сервисов государства, в первую очередь Единого портала госуслуг. Переход к цифровым сетевым платформам порождает новые опасности и риски. Проведенный массовый социологический опрос населения по комбинированной методике позволяет отнести к таковым непрозрачность алгоритмов принятия решений; ошибочное принятие решений цифровым сервисом; предвзятое отношение сервиса к проблемам/запросам граждан.

Ключевые слова: цифровизация, бюрократия, государственные услуги, опасности, риски

Актуальность темы определяется тем, что цифровая трансформация публичного управления ведет к появлению такого нового явления, как цифровая бюрократия, которую определяют как «доступность получения услуг в рамках определенного сервиса» [Петрова, 2021: 209]. При этом отмечается снижение государственной бюрократизации [Шабанов, 2018: 138], ограничение возможности проявления оппортунистического пове-

дения, хищений и махинаций [Удалов, 2020: 33], «замена труда людей автоматизированными системами, электронными помощниками и алгоритмами» [Бахтаирова, 2021: 2692]. С констатацией данных позитивных фактов следует согласиться.

Новый этап характеризуется созданием цифровых сетевых платформ. Последние — это совокупность цифровых технологий, обеспечивающих взаимодействие как технических субъектов (техносубъектов), так и социальных субъектов. Работа этих сервисов подчиняется определенным алгоритмам, организующим взаимодействия пользователей, а также хранение информации о них (цифровые профили) и об осуществленных ими онлайн-транзакциях (цифровые следы). Надо сказать, что современные электронные сервисы развиваются в сторону подобных цифровых платформ. Эта тенденция коснулась и Единого портала госуслуг.

Действительно, на этом портале наблюдаем становление цифровой платформы и три ключевых процесса, которые позволяют нам говорить об этом. Первый процесс — это сетевизация как создание сетевых структур из граждан и представителей структур, заинтересованных в решении той или иной проблемы. Второй процесс (датафикация) есть накопление определенных данных в цифровом формате. И, наконец, третьим ключевым процессом выступает алгоритмизация как процесс принятия решений системами искусственного интеллекта на основе больших данных.

Успехи работы Единого портала госуслуг (например, оптимизация бюрократических процедур, возможность снизить риски коррупции) ведут к тому, что алгоритмическому управлению придается все большее значение в рамках реализации концепции цифрового государства платформенного типа. Алгоритмическое управление представляет собой использование цифровых технологий для интеллектуального анализа данных и подбора эффективного управленческого решения. В рамках цифровых сетевых платформ это проявляется прежде всего в развитии сервисов проактивных и комплексных услуг: услуга оказывается, исходя из ситуации, в которую попадает человек (достижение пенсионного возраста, рождение ребенка). То есть решение о возможности оказания этой услуги и сам процесс ее оказания реализуются на основе цифрового профиля и информации соответствующих структур. В дальнейшем, вполне возможно, анализ цифровых следов тоже будет присоединен к процессу принятия решений при оказании услуг (например, при решении о выдаче лицензии на ношение оружия). Таким образом происходит замена старой бюрократии, которая была связана с персо-

ной чиновника, на новую, связанную с принятием решений системами искусственного интеллекта.

Но новая, цифровая бюрократия порождает новые опасности и риски. Будем исходить из того, что опасность — это объективно существующие факторы, которые оказывают дисфункциональное или дестабилизирующее воздействие на цифровую платформу целиком. А риски есть ожидание пользователя цифровых сервисов того, что проявление этих опасностей и угроз может привести к отклонению от ожидаемого результата. При этом возможность такого отклонения может привести к отказу от сложившихся социальных практик пользования цифровыми сервисами. В ходе опроса задавался вопрос: «Какие из нижеперечисленных опасностей присущи цифровым платформам и может ли это повлиять на ваше отношение к ним?». Если совокупность ответов «это присуще платформе и может изменить их отношение» и «это присуще, но не сказывается на отношении» была больше 50 %, то следовало признание, что такая опасность существует. Если количество респондентов, которые считают, что опасность присуща и она может изменить отношение человека к цифровому сервису, превышает 50 %, то эта опасность признавалась риском.

Было проведено исследование, в котором попробовали оценить риски и опасности новых бюрократических механизмов. Исследование проводилось по смешанной методике в декабре 2021 г. с выборкой 930 респондентов. Выборка формировалась следующим образом: основной массив респондентов опрашивался при помощи Google-формы, а далее половозрастные квоты дополнялись в ходе полевого опроса.

В ходе классификации опасностей принятия решений системами искусственного интеллекта были выделены три опасности алгоритмизации.

Первая опасность состоит в непрозрачности алгоритмов принятия решений. Например, непонимание рядовым пользователем механизма назначения ему определенных пособий может привести к потере доверия к системам принятия решений. Да, сегодня человеку приходится собирать достаточно большое количество документов для того, чтобы было принято решение о назначении того или иного пособия. Но он, по крайней мере, понимает требования, которые предъявляются при оказании услуги, и почему ему приходит отказ. Непрозрачность алгоритмов принятия решений может изменить отношение к цифровым сервисам у 45 % опрошенных, а еще четверть опрошенного населения признает опасность возникновения такой ситуации.

Вторая проявляющаяся опасность заключается в ошибочном принятии решения цифровым сервисом. Например, ошибка системы искусственного интеллекта при отказе назначения пособия по безработице. Произошел какой-то технический сбой. Безусловно, платформа предоставляет возможность обжалования этих решений, но оно ведет к тому, что при слишком длительных процедурах возможны необратимые драматические последствия для человека, например, его маргинализация при непредоставлении социальных выплат как безработному. Опрос показывает, что 24 % респондентов опасаются ошибочного принятия решений цифровыми сервисами, а 55 % опрошенных считают, что сбой функционирования системы может изменить отношение к цифровым сервисам.

И третья опасность связана с предвзятым отношением сервисов к проблемам и запросам человека в нестандартной жизненной ситуации. Например, решение о выдаче лицензии на приобретение огнестрельного оружия гражданину, который явно выражает в социальных сетях в адрес конкретного или неопределенного круга лиц агрессию. Да, вполне возможно использовать такие алгоритмы, но вопрос их «справедливости» будет зависеть от настроек системы искусственного интеллекта. Будет ли такая система настроена как более либеральная либо наоборот, как более жесткая. Предвзятое отношение сервиса к проблемам/запросам респондента может изменить отношение у 51 % опрошенных, а еще у 18 % — факт существования такой опасности.

Таким образом, можно констатировать, что опасностями новой бюрократии (бюрократии систем искусственного интеллекта) являются непрозрачность алгоритмов принятия решений; ошибочное принятие решений цифровым сервисом; предвзятое отношение сервиса к проблемам/запросам гражданином. При этом две последние опасности в сознании человека конвертируются в риски.

Список литературы

1. Бахтаирова Е. А. Цифровая трансформация государственного управления и новая электронная бюрократия // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2673—2692. <https://www.doi.org/10.18334/ce.15.6.112253>.
2. Петрова С. В. Трансформация политического и избирательного процесса в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 209—213. <https://www.doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-209-213>.

- 80 3. Удалов Д. В. Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3. С. 33—36.
4. Шабанов Т. Ю. Цифровая институционализация как фактор бюрократизации // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1. С. 138—143.

М. Л. Ни, А. В. Резаев, Ю. Лиу

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ В СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИИ И ТАЙВАНЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

НИ Максим Леонидович — сотрудник Международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, руководитель Международной исследовательской лаборатории ТАНДЕМ, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ЛИУ Юченг — PhD, доцент департамента социологии, Университет Сучоу, Тайбэй, Тайвань

Аннотация. В работе проводится сравнительный анализ процессов внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в системах здравоохранения Тайваня и России. Отталкиваясь от положений институционального подхода в социальных науках, мы выдвигаем гипотезу, согласно которой особенности социально-политического развития в России обуславливают существование явных и скрытых барьеров для внедрения технологических инноваций в медицине. В свою очередь, тайваньская система здравоохранения, напротив, характеризуется минимальными препятствиями для внедрения ИИ. Результаты эмпирического анализа показывают, что российский случай отличается креном в сторону централизации и бюрократизации процессов, в этой связи явный прогресс в области медицинских ИИ в ближайшее время можно ожидать только в тех сферах, которые не требуют существенных реформ (инвестиций в создание инфраструктуры сбора данных). Напротив, тайваньская система здравоохранения нацелена на опережающее развитие технологических инноваций (в том числе и в сфере ИИ). В результате сегодня Тайвань имеет хорошую основу (как технологическую, так и правовую) для внедрения технологий искусственного интеллекта в медицинскую практику.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства по науке и технологиям Тайваня в рамках научного проекта № 21-511-52002.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медицина, социальные институты, Россия, Тайвань

В последние годы бурное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) знаменует собой радикальное изменение совершенно разных областей нашей жизни. В том числе это касается и медицинской практики. На основе алгоритмов машинного обучения разрабатываются инструменты для предсказания течения болезни пациента, более точной постановки диагнозов и подбора наиболее адекватных методов лечения.

Внедрение технологий ИИ имеет широкий потенциал для улучшения качества медицины, поэтому неудивительно, что правительства многих государств стремятся инициировать соответствующие программы его стимулирования. Однако в разных странах темпы развития «умной медицины» различаются по скорости и приоритетным векторам. Этот факт связан с особенностями национальных институциональных сред (исторически сформированных правил и культуры).

В рамках данных тезисов мы стремимся продемонстрировать ключевые особенности процессов внедрения ИИ в системах здравоохранения Тайваня и России. Основываясь на положениях институционального подхода в социальных науках [North, 1989; Mahoney, 2000], мы выдвигаем гипотезу, согласно которой исторические особенности социально-политического развития в России обуславливают существование явных и скрытых барьеров для внедрения технологических инноваций в медицине. Тайваньская же система здравоохранения, напротив, характеризуется минимальными препятствиями для внедрения технологий ИИ.

Тайвань, как и Россия, прошел через процесс демократической трансформации, однако стартовая точка соответствующих реформ опережает российский случай почти на десять лет [Tien, Shiau, 1992]. Кроме того, экономическая модернизация страны отличается последовательностью и отсутствием срывов [Ларин, 2011].

Далее мы представим результаты анализа особенностей внедрения ИИ в сфере здравоохранения Тайваня и России. Мы сфокусируем внимание на каждом случае в отдельности, а затем обсудим несколько выводов, основанных на их сравнении.

Тайвань

Стимулирование НИОКР в области технологий искусственного интеллекта — это один из основных компонентов новой стратегии развития

биомедицинской отрасли Тайваня до 2030 г. Страна занимает второе место в общем зачете мирового рейтинга систем здравоохранения (по состоянию на 2021 г.) и 26-е — по инфраструктурному обеспечению, опережая Германию и Японию (значительная часть оценки формируется на основе готовности к внедрению медицинских инноваций).

Каким образом Тайвань смог достичь столь впечатляющих результатов? На наш взгляд, необходимо выделить три основных фактора. Во-первых, политика стимулирования развития высокотехнологичных инноваций в сфере здравоохранения имеет сравнительно раннюю точку старта. Уже в 2002 г. был сформулирован план развития биомедицинской отрасли под названием Two-Tec Double Star. Одним из ключевых направлений стратегии стало продвижение «точной/вычислительной медицины».

Во-вторых, для стимулирования развития приоритетных отраслей экономики власти Тайваня в начале 1990-х годов запустили ряд законодательных актов, регламентирующих государственно-частное партнерство. В самом начале данная мера была направлена на поддержку транспортного сектора, однако в дальнейшем список направлений значительно расширился [Wang, Yung-Ching, 2019]. Раннее внедрение механизмов государственно-частного партнерства позволило перенаправить усилия частных технологических компаний и стартапов от разработки коммерческих продуктов, сулящих «быструю прибыль», на более фундаментальные и общественно полезные отрасли вроде медицины.

Наконец, в-третьих, власти Тайваня сумели организовать инфраструктуру для сбора цифровых медицинских данных. Это крайне важный пункт, так как современные алгоритмы ИИ нуждаются в огромном количестве информации для обучения. Инфраструктура сбора данных подразделяется на три части. Первая — это переход с бумажных на электронные медицинские карты (начиная с 2003 г.). Вторая часть — это специальная программа по сбору детальной информации о здоровье пациентов, страдающих от 15 самых распространенных на острове заболеваний. Проект инициирован в 2012 г. и также предполагает оцифровку данных. Третий элемент — это инициативная программа по сбору информации с носимых медицинских устройств (wearable devices), которая была запущена в 2014 г.

В совокупности все три элемента предоставляют огромный пул данных, использование которых позволяет разработчикам медицинских технологий ИИ экономить существенные объемы времени на сборе релевантной информации.

Россия

Несмотря на глобальный тренд, связанный с технологиями ИИ, Россия сильно отстает в этом плане от Тайваня. Только в 2019 г. была обнародована «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.». В документе утверждается приоритетность развития в области ИИ в разных сферах, в том числе в медицине. Медицина здесь упоминается в связи с двумя вопросами: 1) создание открытых наборов данных, включая медицинские; 2) правовые нормы доступа к обезличенным данным, собираемым государственными и медицинскими организациями.

На наш взгляд, основная причина отставания России кроется в тенденциях к централизации системы государственного контроля. В частности, если обратиться к анализу сферы здравоохранения, то мы можем увидеть, что она во многом складывалась под влиянием советского наследия — так называемой модели Семашко. Эта модель основана на идее всеобщего здравоохранения, которое находится под непосредственным контролем государства, владеющего медицинской инфраструктурой. Государство финансирует здравоохранение за счет бюджетных средств и занимается распределением услуг среди населения. Кроме того, государственные органы устанавливают национальные стандарты обслуживания (ГОСТы). В свою очередь, внедрению ГОСТов предшествует ряд процедур утверждения в нескольких различных комиссиях. Реформы последних десятилетий и попытки реорганизации российской системы здравоохранения были направлены на сохранение приоритетов модели Семашко, что в теории позволяет удерживать стандарты качества медицинского обслуживания на приемлемом уровне, однако тормозит внедрение технологических инноваций.

Также стоит отметить, что Россия сильно отстает от Тайваня в плане внедрения государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, впервые термин ГЧП в российском контексте появился лишь в 2006 г. Однако это была локальная инициатива, действовавшая только в Санкт-Петербурге. Федеральный закон о государственно-частном партнерстве вступил в силу только 1 января 2016 г.

В таких условиях не вызывает удивления, что развитие медицинских технологий ИИ в России идет по пути наименьших издержек. Мы имеем в виду, что акцент делается на тех областях, где можно быстро и относительно беспрепятственно собирать большие наборы данных. Об этом свидетельствуют результаты анализа русскоязычных публикаций по теме

ИИ в медицине [Иванова, Ни, 2021] (данные были собраны в середине 2021 г.). В частности, после 2019 г. мы можем зафиксировать две интересные тенденции. Во-первых, это общий прирост числа публикаций по искомой теме после появления Национальной стратегии.

Динамика русскоязычных публикаций об ИИ в медицине 2019-2021 г. (elibrary)

Здесь интерес вызывает тот факт, что количество теоретических работ более чем два раза превышает число эмпирических (экспериментальных). При этом большая часть теоретических статей представляют собой обзоры, посвященные возможностям применения технологий ИИ для решения медицинских задач широкого спектра.

Во-вторых, после 2019 г. наблюдается наибольшее число экспериментальных работ, посвященных применению ИИ в кардиологии и онкологии.

Тематические области с наибольшей долей экспериментальных публикаций

Данные разделы медицины предоставляют возможности для достаточно быстрой оцифровки релевантных данных (снимки опухолей, результаты ангиографического анализа состояния сосудов). Это косвенно подтверждает гипотезу о том, что в России вектор развития медицинского ИИ идет по пути наименьших издержек.

Выводы

Российская система здравоохранения действительно содержит явные и скрытые препятствия для внедрения технологий ИИ. Этими препятствиями являются как медлительная политика российского государства, так и «эффект колеи» (path-dependency) в реализации его решений. В связи с централизацией и бюрократизацией управленческого аппарата мы ожидаем, что явный прогресс в области медицинских ИИ в ближайшее время будет наблюдаться только в тех сферах, которые не требуют каких-либо существенных институциональных реформ.

Напротив, тайваньская система содержит институциональные стимулы для внедрения технологий ИИ. Это продуманные государственные стратегии, направленные не на догоняющее, а на опережающее развитие ИИ в медицине. В результате сегодня Тайвань имеет хорошую основу для внедрения технологий ИИ в повседневную медицинскую практику.

Список литературы

1. Иванова А. А., Ни М. Л. Векторы развития технологий искусственного интеллекта в российской медицине: по материалам анализа научных публикаций // Социолог: образование и профессиональные траектории: материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения 25—27 ноября 2021 года / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 212—213.
2. Ларин А. Тайваньская модернизация на фоне российской и китайской // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. С. 79—88.
3. Mahoney J. (2000) Path Dependency in Historical Sociology. Theory and Society. Vol. 29. No. 4. P. 507—548.
4. North D. C. (1989) Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction. World Development. Vol. 17. No. 9. P. 1319—1332.
5. Tien H., Shiau C. (1992) Taiwan's Democratization: A Summary. World Affairs. Vol. 155. No. 2. P. 58—61.

6. Wang P., Huang Y. (2019) Chapter 20. Taiwan. In: Werneck B., Saadi M. (eds.) The Public-Private Partnership Law Review. Fifth Edition. Law Business Research Ltd. P. 224—235.

87

Интердисциплинарность VS междисциплинарность: как будем изучать креативность?

Н. М. Кузнецова

КРЕАТИВНОСТЬ КАК КОМПЕТЕНЦИЯ БУДУЩЕГО

КУЗНЕЦОВА Наталия Михайловна — старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: kuznetsova@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0003-2372-2615

Аннотация. В исследовании понятие «креативность» рассматривается как компетенция будущего и формируется его авторское определение. Работа базируется на происходящих глобальных изменениях в различных сферах общества, развороте в сторону многозадачности и преодоления коммуникационных барьеров, формировании массового спроса на компетенции будущего, воспитывающих в людях толерантность к неопределенности, уверенность в собственных действиях в достижении личного и профессионального благополучия. Трансформация экономики в сторону цифровизации и автоматизации большинства рутинных процессов предполагает минимизированное участие человека в традиционных сферах деятельности, обеспечивая таким образом его переход в новые области, где самыми ценными и востребованными качествами выступают креативность, критическое мышление, кооперация и коммуникация. Цифровая экономика формирует совершенно иной путь развития общества, генерируя новые идеи, продукты, услуги и технологии. Главной ее ценностью и ресурсами являются знания, требующие креативных технологий их обработки, объединяя усилия науки, образования и бизнеса по созданию креативного класса, ориентированного на достижение эффективного результата во всех видах деятельности. Успех человека в любом виде активности складывается из его квалификации и дополнительных надпрофессиональных навыков. Данная позиция находит подтверждение в политике по созданию Центров надпрофессиональных компетенций (49 центров к настоящему времени), задачей которых является оценка и развитие заявленных

способностей, удовлетворение спроса работодателей на креативных работников.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Ключевые слова: креативность, компетенция, цифровое общество, цифровая экономика, надпрофессиональные навыки, знания

Более 50 лет креативность выступает привлекательным полем для исследователей различных областей знаний, не имея при этом единого определения [Захарова, 2017] и методик изучения. Уникальность феномена креативности заключается в ее полиморфизме, источником которого выступают:

- 1) отсутствие определенности природы креативности;
- 2) структуры;
- 3) содержания понятия;
- 4) разных вариантов проявления.

Автор проанализировал более 100 определений креативности (в 1960-годах было описано порядка 60), что подтверждает рост интереса к ее изучению. Сформированные четыре подхода к определению креативности раскрывают ее с позиций: личности, процесса, способности, продукта [Ильин, 2012], каждая из которых несет свою смысловую нагрузку.

В данной статье мы сделали акцент на следующих определениях креативности: преодоление косности в мышлении и общении [Алиева, 2009], способность к преобразованию чего-либо [Богоявленская, 1999], умение своевременно и продуктивно реагировать на изменения обстоятельств [Barron, 1969], способность свободного взаимодействия между мотивами, знаниями, умениями личности, процессом и динамично меняющейся средой, позволяющей человеку или группе активно действовать в условиях неопределенности и создавать уникальные продукты, являющиеся одновременно новыми, оригинальными и полезными, обладающими определенной ценностью в данном социальном контексте (авторское определение), что отражает запрос современного общества и рынка труда в части требований к думающему, смелому, ответственному и результативному сотруднику.

В последние годы бизнес активно обсуждает и формирует модели компетенций будущего, где креативность занимает одно из ключевых

мест. В 2019 г. социальная сеть деловых контактов LinkedIn измеряла спрос, анализируя навыки, указанные в профилях самых высокооплачиваемых специалистов. При этом в выборку включались только те города, в которых проживает не меньше 100 тыс. пользователей социальной сети. По результатам исследования креативность выступила самой востребованной компетенцией у работодателей [Lytvynova, 2019]. В 2020 г. ситуация по значимости креативности осталась прежней (опрошено более 660 млн специалистов и 20 млн работодателей) [Веселко, 2020].

В чем смысл обращения к креативности как компетенции будущего? В том, что прекрасная роботизация старых и рутинных функций не отменяет запроса бизнеса на креативных сотрудников, генерирующих решения по реализации и внедрению будущих новаций [Березкин, 2019].

Список литературы

1. Алиева К. Р. Психология формирования творческого потенциала личности. СПб. : 2009.
2. Березкин А. Самые востребованные навыки в компаниях в 2019 году // Объединенный совет обучающихся ТюмГУ. URL: <https://vk.com/@osoutmn-samye-vostrebovannye-navyki-v-kompaniyah-v-2019-godu?ysclid=I3lxcdlas7>.
3. Богоявленская Д. Б. «Субъект деятельности» в проблематике творчества // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 35—41.
4. Веселко А. Навыки-2020, в которых компании нуждаются больше всего // Теория и практика. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17830-navyki-2020-v-kotorykh-kompanii-nuzhdayutsya-bolshe-vsego>.
5. Захарова О. Г. Определение понятия «креативность» в научной литературе // Аспекты и тенденции педагогической науки: Материалы II Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2017 г.). СПб. : Свое издательство, 2017. С. 15—17.
6. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2012.
7. Barron F. X. (1969) Creative Process and Creative Person. N. Y.
8. Lytvynova Н. В LinkedIn сообщили главные навыки, которые востребованы работодателями // Бизнес медиа. URL: https://bzns.media/news_online/v_linkedin_soobshchili_glavnye_navyki_kotorye_vostrebovany_rabotodatelayami_-615627.

Е. В. Масланов

КРЕАТИВНОСТЬ, ЗОНЫ ОБМЕНА И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

МАСЛАНОВ Евгений Валерьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Наука-технологии-общество» кафедры философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: evgenmas@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6403-8003

Аннотация. В статье анализируется возможность исследования феномена креативности с позиций междисциплинарного подхода. Рассмотрение креативности отдельными научными дисциплинами сосредоточено на различных сторонах этого феномена. Его комплексное изучение требует формирования междисциплинарных команд. Концепция зон обмена, предложенная П. Галисоном, один из подходов к формированию и описанию деятельности подобных команд. Она предполагает решение совместных проблем и задач представителями различных дисциплин в ситуациях, когда необходимо наладить взаимопонимание между исследователями, представляющими различные парадигмы. Основная проблема при изучении креативности связана с рассмотрением этого феномена и как психологического, и как социального. Это ведет к принципиальному противоречию: социология формировалась в том числе и на основе стремления исключить психологические факторы из социального объяснения, следовательно, крайне сложно совместить оба видения. Поэтому необходимо формирование специфического междисциплинарного единства. Оно может быть описано с помощью трансдисциплинарного подхода. Выделяется два понимания этого подхода. Первый связан с использованием методов и концепций различных дисциплин в одном исследовании. Второй — с формированием холистического метапонимания объекта исследования. Второе понимание этой концепции может быть использовано для конструирования в зонах обмена исследовательских команд по изучению креативности.

Благодарность. Исследование выполнено в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского в рамках реализации

Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» № темы Н-424-99_2022-2023.

Ключевые слова: креативность, зоны обмена, междисциплинарность, трансдисциплинарность, П. Галисон, научные дисциплины

Креативность — сложный для исследования феномен. Работа с ним предполагает формирование различных стратегий ее изучения. Необходимо обращение к психологии, социологии, истории, философии и другим дисциплинам. При этом каждая из них обращает внимание на определенные аспекты креативности и игнорирует остальные. Например, психолог займется анализом механизмов развития творческого мышления и возможности его репрезентации. Если же это психофизиолог, то вопрос будет поставлен и о биологических механизмах запуска процесса креативности. Социолог или историк обратятся к выявлению механизмов формирования и внедрения инноваций в жизнь коллективов, а не к анализу психологических механизмов формирования новых идей. Философ поставит вопрос о сущности креативности и механизмах выявления этого феномена: стоит ли его понимать как личностную или социальную характеристику; стоит ли рассматривать творчество и креативность как один и тот же феномен или как два глубоко различных. Все это красноречиво свидетельствует о необходимости формирования междисциплинарных подходов к ее исследованию.

Успешное развитие междисциплинарных исследований связано с решением целого ряда задач. Ясно, что такое исследование можно представить как просто совместную работу представителей различных дисциплин над общей проблемой. В этом случае они обмениваются информацией о полученных результатах и, если это возможно, используют результаты своих коллег в собственных исследованиях. Однако формирование действительно сложных междисциплинарных проектов предполагающих совместное решение фундаментальных и прикладных задач, может требовать и внедрения институциональных решений, способствующих достижению поставленных целей. Один из таких механизмов был описан П. Галисоном [Galison, 1997]. В своих работах на различных примерах из области естественных наук он показал, что возможно формирование «зон обмена» как пространства пересечения и объединения деятельности и интересов ученых, представляющих различные дисциплины и парадигмы. Это связано с тем, что совместное исследование новой научной или технической проблемы иногда не просто предполагает «использование»

результатов коллег из других дисциплин, но и требует понимания полученных результатов. В зонах обмена в процессе совместной работы оно как раз и формируется. Ученые оказываются способны на определенном, хоть и достаточно поверхностном, уровне, понять идеи друг друга и совместно использовать их в работе. В этом случае междисциплинарность оказывается связана с решением исследовательских проблем и задач и формированием общего пространства понимания [Негумбольдтовские зоны обмена, 2020]. При этом процесс формирования «зон обмена» требует определенной доли креативности от своих участников для поиска механизмов объяснения различных идей. Зоны обмена затем могут вырасти в самостоятельные дисциплины.

Рассмотрение креативности как сложного феномена, связанного как с индивидом, так и с социальной группой, ставит вызовы перед концепцией междисциплинарности и формированием зон обмена. Связан он с тем, что феномен креативности поднимает вопрос о том, можно ли «социальные вещи» объяснять при помощи психологических факторов. Само конструирование социологии как научной дисциплины базировалось на стремлении исключить подобную возможность [Дюркгейм, 1995]. Поэтому в этом случае сам вопрос о междисциплинарности приобретает особую остроту. Она может быть снята при помощи обращения к концепции «трансдисциплинарности». Можно выделить два ее понимания: «Трансдисциплинарность Мод1, означает, что понятия или методы из различных дисциплин смешиваются, или „переплавляются“, а трансдисциплинарность Мод2 обеспечивает некоторого рода метаяровень, или метаструктуру, позволяющую сочетать различные когнитивные стратегии и способы рассуждения, объединяющие теорию и практику, преодолевающую ограниченность дисциплинарно организованной науки» [Шольц, Киященко, Бажанов, 2015: 12—13]. Ее второе понимание может позволить выстроить холистическое видение креативности, сочетающее в себе как обращение к психологическим объяснениям этого феномена, так и к социальным и философским, что позволит формировать новые исследовательские стратегии, способные преодолеть дисциплинарные ограничения. Использование же механизмов, связанных с формированием «зон обмена», даст возможность создавать новые междисциплинарные исследовательские коллективы.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и значение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

- 94
2. Негумбольдтовские зоны обмена / под ред. Е. В. Масланова, А. М. Дорожкина. М. :Изд-во РОИФН, 2020.
 3. Шольц Р. В., Киященко Л., Бажанов В. Введение. Дорожная карта трансдисциплинарности // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М. : Издательский дом «навигатор», 2015.
 4. Galison P. (1997) Image and Logic. A Material Culture of Microphysics. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Я. В. Ушакова, И. В. Ситникова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КРЕАТИВНОСТИ

УШАКОВА Яна Владимировна — кандидат социологических наук, заведующая Учебно-исследовательской лабораторией социологических исследований, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: yana@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0002-9874-3106

СИТНИКОВА Ирина Викторовна — ведущий социолог Учебно-исследовательской лаборатории социологических исследований, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: april@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0002-8138-3116

Аннотация. Креативность как особое качество личности человека находится в центре внимания многих исследователей. Креативную деятельность, креативную личность, креативное мышление начали изучать в психологии, позже в педагогике, а в дальнейшем — в социологии, экономике, менеджменте. Однако в научном мире до сих пор не сформировано единое мнение, что же понимается под «креативностью» и какими способами можно ее изучить. В статье рассмотрены методические подходы к изучению креативности с целью разработки инструментария для проведения социологического исследования.

Ключевые слова: креативность, креативная личность, креативный процесс, креативный продукт, креативная среда, креативные технологии, креативный менеджмент, креативные компетенции

Инновационная экономика и развитие инновационного общества формируют запрос на креативность, креативный потенциал личности, способность человека находить оригинальные решения и создавать уникальный продукт. В связи с этим растет интерес к исследованиям креативности, которые рассматривают четыре основных аспекта: креативный процесс, креативный продукт, креативную личность и креативную среду (сферу, структуру, социальный контекст, формирующий требования к продукту творчества) [Торшина, 1998]. Креативность направлена на со-

здание социально ориентированного продукта, имеющего прикладное значение. Креативность одновременно может выступать и как свойство личности, характеристика социальной группы, и как процесс создания чего-то нового и оригинального и, соответственно, как продукт такого креативного процесса [Овруцкий, 2010]. При этом сама креативная личность может быть рассмотрена в совокупности индивидуальных черт и уникальных способностей [Паренко, 2020].

Практически все подходы к изучению креативности характеризуются использованием широкого набора психометрических методов, оценивающих творческие способности и творческое мышление, но не имеющих однозначных критериев определения креативности. При этом часто их результат рассматривается в отрыве от креативного процесса и креативной среды.

В психологии креативность личности рассматривается в рамках исследования психологии повседневности, жизнетворчества, жизненных стратегий и ориентаций. Особенностью такого подхода является изучение креативности как личностной характеристики, не являющейся характеристикой особой деятельности или особого типа людей, а относящейся к повседневной жизни обычных людей [Гришина, 2017]. На развитие креативности и формирование креативного потенциала личности влияют как средовые факторы (семейные практики воспитания, социокультурная среда), так и ситуационные факторы, которые могут оказывать как положительное, так и негативное влияние [Мешкова, 2015].

В педагогике креативность рассматривается в двух плоскостях: 1) как личностная категория в аспекте актуализации творческой активности и развития креативности в процессе профессиональной подготовки [Кириченко, 2019]; 2) как особый подход к обучению, которое включает как стратегии креативного преподавания, так и креативного обучения [Мороз, 2011].

Современное общество и государство формируют социальный запрос на специалистов нового типа с креативными компетенциями [Серебровская, Кочергина, 2020]. Поэтому актуальными становятся исследования креативности в сфере высшего образования, которая в постиндустриальном обществе становится ценным ресурсом [Флорида, 2007].

В практике менеджмента, маркетинга и бизнеса применительно к организациям, исходя из внутриорганизационных проблем и в целях поиска стратегий развития и успешности организаций рассматриваются четыре группы креативности: креативные технологии (мышления, действия, коммуникаций и др.); креативные коммуникации (сети); креативные ресурсы,

креативный капитал; креативный менеджмент. Главной составляющей креативного процесса становится прагматический элемент, то есть изначальное понимание, зачем нужно что-то создавать, для кого нужно что-то создавать, как нужно что-то создавать и, собственно, что именно нужно создавать [Андрюхина, 2019].

Анализ научных публикаций с результатами социологических исследований креативности позволил выявить их фрагментарный характер. Популярными становятся исследования включенности в интернет-коммуникации, активности и креативности в социальных сетях [Иванов и др., 2021]. Отметим, что социология сталкивается с вопросами креативности на четырех уровнях: 1) опираясь на определенные социологические теории, 2) в анализе социального окружения креативности, 3) в применении качественных социологических методов, 4) в поисках эмпирических индексов креативности [Качераускас, 2017].

С нашей точки зрения, наиболее адекватным при проведении социологических исследований представляется междисциплинарный подход, который предполагает исследование креативности личности во взаимодействии с его социокультурным окружением и изучением социальных практик создания креативного продукта. Например, креативность студентов может быть изучена на основе таких параметров, как самооценка личности, ценностно-мотивационная структура, творческая и техническая креативность, диджитал-креативность, научно-исследовательская и общественная деятельность, различные виды активности во время обучения в школе, оценка условий научно-образовательной и общественной деятельности в вузе.

Список литературы

1. Андрюхина Л. М. Концепции креативности в менеджменте и бизнесе как интеллектуальный ресурс развития образования // Научное обозрение. Реферативный журнал. 2019. № 2. С. 5—14.
2. Гришина Н. В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнетворчество» // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1505-grishina56.html>.
3. Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомягкова Е. С. Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели социального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 24(2). С. 56—80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>.

4. Качераускас Т. Креативность и концепция креативного общества в социологии // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 26—35.
5. Кириченко Н. С. Развитие креативности у студентов-дизайнеров в процессе профессиональной подготовки // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5. С. 284—285.
6. Мешкова Н. В. Современные зарубежные исследования креативности: социально-психологический аспект // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 8—21.
7. Мороз В. В. Развитие креативности студентов. Оренбург : ОГУ, 2011.
8. Овруцкий А. В. Личность, экономика, общество: креатив и креативность // Психология в экономике и управлении. 2010. № 1. С. 13—21.
9. Раренко А. А. К вопросу о креативности и способах ее изучения и измерения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал 202. № 3. С. 93—103.
10. Серебровская Н. Е., Кочергина И. С. Креативность как компетенция специалистов социэкономических профессий // Психологические науки. 2020. № 6. С. 146—151. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.068>.
11. Торшина К. А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 123—132.
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика-XXI, 2007.

М. С. Фабрикант

ПОНИМАНИЕ И КОРРЕЛЯТЫ КРЕАТИВНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

*ФАБРИКАНТ Маргарита Сауловна — кандидат социологических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета филологии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
E-MAIL: marharyta.fabrykant@gmail.com*

Аннотация. Статья направлена на обозначение основной проблематики кросс-культурных исследований креативности. Указано, что в силу ценностной нагруженности понятия креативности прямые сравнительные исследования уровня креативности в различных культурах проводятся относительно редко. Более распространены исследования кросс-культурных различий в понимании креативности и в степени выраженности характеристик, которые являются ее коррелятами. Различия в понимании креативности заключаются в том, что в культурах Юго-Восточной Азии внутреннее противоречие между инновационностью и социальной значимостью в определении креативности и, соответственно, необходимость выбора или компромисса между ними воспринимают острее, чем в западных культурах, и относительно чаще склонны отдавать предпочтение социальной значимости и вообще практической полезности перед инновационностью. Различия по степени выраженности коррелят креативности — избегания неопределенности и жесткости социальных норм — также обозначают ситуацию перманентной необходимости выбора: не только между инновациями и стабильностью, но и между созданием среды, оптимальной для генерирования новых идей и для их массового внедрения.

Благодарность. Исследование выполнено в Нижегородском государственном университете имени Н. И. Лобачевского в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

Ключевые слова: креативность, кросс-культурные исследования, инновации, индивидуализм-коллективизм, избегание неопределенности, социальные нормы

Креативность — один из тех феноменов, которые, несмотря на их очевидную популярность и обилие психодиагностических методик, сами по себе редко выступают в качестве параметров кросс-культурного сравнения. Отчасти это может быть связано с тем, что кросс-культурные различия в креативности слишком малы, чтобы такое сравнение имело смысл, однако такими данными мы пока не располагаем. Более вероятной причиной представляется очевидная ценностная нагруженность креативности и особенно ее роль как фактора экономических инноваций, что, в свою очередь, напрямую связано с темой межстранового экономического соперничества. Вместе с тем существуют кросс-культурные исследования, направленные на выявление содержательных различий в понимании креативности в разных культурах, что исключает возможность количественного межкультурного сравнения. Кроме того, многие из наиболее часто используемых параметров кросс-культурного сравнения представляют собой корреляты креативности, более нейтральные и с эмпирически обоснованной кросс-культурной валидностью. Рассмотрим оба этих направления.

Межкультурные различия в понимании креативности связаны с, пожалуй, основным параметром кросс-культурного сравнения — индивидуализмом-коллективизмом. Однако источник этих различий — в двойственности самого определения креативности как способности генерировать инновационные социально значимые идеи. С точки зрения когнитивных процессов на индивидуально-психологическом уровне изобретение того, что является новым для человечества в целом, для отдельного сообщества или исключительно для самого изобретателя, ничем не различается: во всех случаях речь идет об аккомодации (интеллектуальной открытости новому) и дивергентном мышлении (готовности рассматривать сразу несколько возможных вариантов решения). Станут ли плоды креативного мышления инновационными для общества в целом и будут ли результаты их применения социально значимыми, зависит от уровня общей осведомленности изобретателя, его компетентности в конкретной предметной области, понимания социально значимых задач и заинтересованности в их решении, но не от уровня креативности как такового. Эта двойственность в определении креативности составляет основу межкультурных различий в понимании креативности между представителями западных культур и культур стран Юго-Восточной Азии. В культурах Юго-Восточной Азии внутреннее противоречие между инновационностью и социальной значимостью и, соответственно, необ-

ходимость выбора или компромисса между ними воспринимают более остро, чем в западных культурах, и относительно чаще склонны отдавать предпочтение социальной значимости и вообще практической полезности перед инновационностью.

Возможно, именно поэтому в ранних исследованиях, основанных на понимании креативности прежде всего как инновационности, были получены результаты о том, что представители восточных культур якобы уступают представителям западных культур в креативности [Kwan, Leung, Liou, 2018]. Как часто оказывалось в прошлом, речь шла о креативности в культурно-специфическом, в данном случае — западном понимании. Закономерно, что в индивидуалистических культурах креативность будет чаще пониматься как уникальный для самого человека опыт самостоятельного открытия мира, а в коллективистских культурах — как опыт преобразования мира, зачастую требующий коллективных усилий и координации действий [McCarthy, Chen, McNamee, 2018]. Таким образом, вопреки все еще распространенному стереотипу, противопоставляющему прагматичный запад мистическому Востоку, именно восточное, точнее восточноазиатское представление о креативности, преимущественно прагматично. Так, исследование преставлений китайских и немецких учителей о креативности учеников показало, что немецкие учителя относительно чаще ожидают проявлений креативности в изучении литературы, а китайские — в изучении математики [Karwowski et al., 2020].

Корреляты креативности также подчеркивают ситуацию выбора. Так, другой, помимо индивидуализма-коллективизма, параметр кросс-культурного сравнения — избегание неопределенности — означает имплицитный выбор между порядком и спонтанностью. Более явный коррелят креативности в межкультурных исследованиях — континуум «жесткости» культурных норм. В культурах с более жесткими нормами нормативно регулируется больше сфер жизни, сами социальные нормы более многообразны, а их соблюдение воспринимается как обязательное и очень важное, чем обусловлен более жесткий неформальный контроль. В культурах с более жесткими нормами лучше решаются задачи, требующие быстрой коллективной мобилизации, например, в случае внезапной опасности наподобие пандемии COVID-19, а в менее «жестких» культурах — задачи, требующие нестандартного подхода при отсутствии явных временных ограничений [Гельфанд, 2019.].

Таким образом, в этой модели также подчеркивается, что на уровне коррелят креативности осуществляется выбор не просто между более

высоким и более низким уровнем креативности, то есть между хорошим и плохим, но между различными по характеру наборами благ, которые зачастую невозможно реализовать одновременно в полной мере. Более того, речь идет о выборе не только между инновациями и стабильностью, но и между созданием среды, оптимальной для генерирования новых идей и для их массового внедрения.

Список литературы

1. Гельфанд М. Почему им можно, а нам нельзя: Откуда берутся социальные нормы. М.: Альпина Паблишер, 2019.
2. Karwowski M., Gralewski J., Patston T., Cropley D. H., Kaufman J. C. (2020) The Creative Student in the Eyes of a Teacher: A Cross-Cultural Study. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 35. P. 239—247.
3. Kwan L. Y. Y., Leung A. K., Liou S. (2018) Culture, Creativity, and Innovation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 49. No. 2. P. 165—170.
4. McCarthy M., Chen C. C., McNamee R. C. (2018) Novelty and Usefulness Trade-Off: Cultural Cognitive Differences and Creative Idea Evaluation. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 49. No. 2. P. 171—198.

И. Э. Петрова, И. В. Сорокина

103

СОЦИОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ И BIG DATA В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗУЧЕНИИ КРЕАТИВНОСТИ: ГРАНИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

ПЕТРОВА Ирина Эдуардовна — доктор социологических наук, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: irinapetrovay@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6969-132X

СОРОКИНА Ирина Владимировна — магистрант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: sorokina_anna@fsn.unn.ru

Аннотация. Креативность становится все более популярной темой исследований в различных науках. Комплексный анализ креативных черт личности и креативной компетенции возможен в междисциплинарных подходах. Контент-анализ научных публикаций современных российских ученых демонстрирует доминирующий монодисциплинарный и все более распространяющийся мультидисциплинарный подходы в понимании креативности. Авторы показывают значимость формирования междисциплинарной методологии изучения креативности в формате поиска точек соприкосновения разных методологий и построения интердисциплинарной для получения качественно нового знания о таком сложном предмете. Полугодовой опыт работы научно-исследовательской лаборатории «Дизайн информации» в ННГУ им. Н. И. Лобачевского демонстрирует возможность использования общих источников информации, категорий и построения согласованной типологии креативных черт и их проявлений в качестве основы для интердисциплинарного изучения креативности.

Ключевые слова: междисциплинарность, креативность, психология, социология, big data

Креативность является предметом множества исследований в разных отраслях науки. Она представляется и как неотъемлемое свойство лич-

ности, разделяющее человеческих и иных социальных акторов, и как компетенция, которую возможно формировать в каждом человеке.

Пространство российской науки представляет традицию монодисциплинарного анализа явлений и процессов: креативность изучают философы, психологи, педагоги, представители социального управления, лингвисты, но делают это, практически не пересекаясь друг с другом [Андрюхина, 2019; Боровинская, 2019; Дружинина, 2016; Щебланова, 2018]. Впервые к изучению креативности в российской науке присоединились социологи [Матраева, 2019].

Вместе с тем увеличивается количество научных публикаций, посвященных междисциплинарным исследованиям креативности [Емельянова, 2010; Мороз, 2012; Уразова, 2017].

Совместное применение психологических, социологических методов и технологии использования больших данных в познании креативности стало основной задачей коллектива научно-исследовательской лаборатории «Дизайн информации» на факультете социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Сотрудничество психологов, социологов, лингвистов, специалистов в сфере информационных технологий, исследователей кросс-культурного взаимодействия и киберпсихологов привело к выработке комплексной методологии изучения креативных черт личности, включающей в себя батарею психологических тестов, методику социологического опроса и анализ больших данных респондентов из социальных сетей (на основе персонального согласия пользователя).

В рамках подготовительного этапа был проведен контент-анализ научных публикаций на русском языке в количестве более 200 источников, посвященных реализации междисциплинарного подхода к изучению креативности, с применением программного пакета Lekta (разработка сотрудников факультета социальных наук ННГУ). В результате обработки массивов текстов был сформирован словарь, включающий более 20 000 лексем, факторный анализ смысловых отрывков текстов привел к выбору 16 факторов с объясняющей способностью более 35%. Наиболее нагруженными факторами предсказуемо оказались те, что вобрали в себя лексемы, отображающие конкретные науки и отрасли знаний: философия, психология, педагогика, лингвистика. В первую пятерку вошел и фактор, включающий категории творчества, одаренности, воспитания. Таким образом, первоначальная гипотеза о прак-

тическом отсутствии междисциплинарных исследований креативности в пространстве современной российской науки подтверждается. На следующем этапе анализа эти факторы будут предварительно исключены для большего погружения именно в проблематику междисциплинарности в понимании креативности.

Выводы по результатам контент-анализа потребовали более пристального анализа категории «междисциплинарность». Типология междисциплинарности представлена в фундаментальном труде российских философов [Салтыков, Новиков, Русяева, 2017] и представляет четко структурированное знание для дальнейшего его применения. Авторы возводят понятную систему концептов от монодисциплинарности до кросс- и трансдисциплинарности, демонстрируя усложнение методологии и методик на каждом следующем шаге углубления междисциплинарности в исследовании любого явления или процесса.

По результатам содержательного анализа корпуса научных публикаций о междисциплинарности изучения креативности можно сделать вывод, что доминирующим подходом в российской науке к пониманию креативной компетенции и сути личности является монодисциплинарный, но в последние годы все чаще используются мультидисциплинарные концепции, когда в одном комплексном исследовании применяются последовательно методы близких социогуманитарных наук. В качестве точек соприкосновения можно назвать достаточно много общего: одну и ту же эмпирическую базу (респонденты или источники информации), согласованные конструкты (определение и элементы, а также корреляты креативности), выстроенную совместно типологию проявления креативных черт личности.

Зарубежная наука о креативности также предлагает множество публикаций с увлекательными названиями, содержащими термин «междисциплинарность», но пока они находятся на том же этапе мультидисциплинарности, что и российские коллеги [El-Murad, West, 2004; Darbellay, Moody, Lubart, 2017]. интердисциплинарность (построение качественно новой методологии) и, тем более, кросс- и трансдисциплинарность (определение качественно нового предмета анализа в поле креативности) — пока отдаленный ориентир для современной науки. Вместе с тем он представляется достижимым и очень привлекательным (на фоне накопления эмоциональной усталости исследователей от несогласованного использования концепта креативности в сообществе социогуманитарных наук в целом).

Список литературы

1. Андрюхина Л. М. Креативность, креативный капитал и креативные практики в образовании: монография / под ред. Кислова А. Г. Екатеринбург: Изд-во РГПУ, 2019.
2. Боровинская Д. Н. Философско-методологические основания научного знания о креативности образования. Диссертация на соискание уч. степ. докт. филос. наук 09.00.01. Томск: ТГУ, 2019.
3. Дружинина С. В. Интеллект, креативность и личностные свойства как факторы реальных достижений. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. канд. псих. наук 19.00.01. М.: ИП РАН, 2016.
4. Емельянова И. Н. Междисциплинарный подход в определении понятия «креативность» // Альманах современной науки и образования. 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 45—47.
5. Кыштымова И. М. Проблема креативности школьников: психосемантический подход. Автореф. диссертации на соискание уч. степ. докт. псих. наук 19.00.07. Иркутск: Иркутский ГУ, 2008.
6. Матраева А. Д. Креативность современного российского студенчества: состояние и перспективы. Диссертация на соискание уч. степ. канд. социол. наук 24.00.04. М.: МГУ, 2019.
7. Мороз В. В. Креативность — междисциплинарный феномен человекознания // Вестник ОГУ. 2012. № 2. С. 155—161.
8. Салтыков С. А., Новиков Д. А., Русяева Е. Ю. Типология междисциплинарности // Философия науки. 2017. № 3. С. 3—17.
9. Уразова С. Л. Век цифровой информации: креативность vs творчество // Вестник РУДН. 2017. Т. 22. № 4. С. 650—659.
10. Щербланова Е. И. Исследовательские методологии и методы изучения креативности в отечественной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 34. С. 39—53.
11. Darbellay F., Moody Z., Lubart T. (eds.) (2017) *Creativity in the Twenty First Century*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-7524-7>.
12. El-Murad J., West D. C. (2004) The Definition and Measurement of Creativity: What Do We Know? *Journal of Advertising Research*. Vol. 44. No. 2. P. 188—201.

Человеческий капитал в условиях новых вызовов

Е. И. Иванова, В. А. Поляков

К ВОПРОСУ О НЕПРЕРЫВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ И ПОИСКЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ИВАНОВА Елена Игоревна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

E-MAIL: eligivan@rambler.ru

ПОЛЯКОВ Валерий Анатольевич — аспирант, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

E-MAIL: specialforw@gmail.com

Аннотация. Функционирование организаций в условиях высокой неопределенности внешней среды усиливает требования к творческому и поисковому характеру деятельности управленца. В статье исследуются актуальные проблемы управления человеческими ресурсами (ЧР) в современной организации. Специфика социального времени и преобладание поколения Y на рынке труда с присущими ему ценностями определяют основной вектор изменения характера трудовой деятельности. Ценность постоянной работы с социальными гарантиями, стабильностью уступает работе по контракту, реализации временных проектов на основе фиксированных договоров. Процесс управления ЧР выстраивается таким образом, чтобы обеспечить выполнение разнообразных задач и проектов. Он непрерывен, состоит из различных этапов: сбор и аналитическая обработка сведений о квалификационной, карьерной характеристиках персонала, обучение, переквалификация. При формировании трудового коллектива востребован человекоцентричный подход к управлению ЧР. Он, в свою очередь, предполагает применение гибких социальных технологий. Среди таких технологий авторы выделяют модель «обзор качества работы 360».

Ключевые слова: человеческие ресурсы, социальные технологии, управленческое консультирование

В условиях современной экономики, неопределенности внешних факторов, определяющих положение организаций на рынке, решению

проблем рационального использования человеческих ресурсов придается особое значение. Управленческие задачи ставятся и решаются в трех плоскостях: экономической, временной и ресурсной. Решение двух последних задач взаимосвязано: временной и ресурсный аспекты деятельности организаций составляют социальные компоненты ее воспроизводства. В реальности соотношение, взаимосвязь времени и человеческих ресурсов следует рассматривать как взаимодействие поколений. Взаимодействие имеет антиномийный характер вследствие различий в ценностях, качестве образования и профессиональном опыте представителей различных поколений. Отличительная черта современного времени — преимущество занятости по контракту, проектная деятельность для решения конкретных задач в определенный срок и за фиксированную зарплату, что соответствует ценностям наиболее многочисленного на рынке труда поколения Y.

Процесс управления ЧР направлен на создание и поддержание условий для максимального использования потенциала трудоспособного населения, он *непрерывен*. Одним из этапов процесса является сбор и аналитическая обработка сведений о квалификационной, карьерной характеристиках персонала, необходимых для решений различных бизнес-задач. В качестве источников используют внутренние базы данных о сотрудниках организаций, а также внешние — структурированные данные больших объемов.

Один из важнейших подходов к управлению на уровне организаций — персональный, предполагающий применение современных социальных технологий при комплектовании рабочих групп. Внимательное отношение к каждому члену коллектива необходимо не только для подбора людей соответствующего профессионального уровня и квалификации, но и для формирования в каждом производственном звене микроколлектива, члены которого совместимы. Соответственно, требуются технологии для комплектования коллективов и рабочих групп.

Для сотрудников, имеющих стаж работы в организациях, предоставляются возможности повышения уровня квалификации, обучения, переобучения, что также является этапом непрерывного управления ЧР. Согласно оценкам ВЭФ, по результатам опроса «Будущее рабочих мест» в 2018 г., более половины сотрудников всех организаций нуждались в переподготовке или повышении квалификации [The Future of Jobs, 2018]. По результатам опроса в 2020 г., работодатели предоставляли доступ к переквалификации и повышению квалификации 62 % сотруд-

ников своих организаций, а к 2025 году они расширят эту возможность еще на 11%. Однако вовлеченность сотрудников в эти курсы отстает, только 42% сотрудников используют возможности переквалификации и повышения квалификации [The Future of Jobs, 2020].

Научные методы управления персоналом, социальные технологии создаются под конкретные цели организаций: под задачи аттестации кадров, подбора сотрудников, трудовой социальной и профессиональной адаптации работников, оценки степени инновационной активности. В современных технологиях при оценке сотрудников организации большой акцент делается на социальные и коммуникативные факторы: взаимоотношения в коллективе, эмоциональный настрой, способность работать в команде, лояльность персонала. Социальные факторы оказывают прямое воздействие на экономические показатели деятельности организаций. Доказано, что группы с высоким уровнем сплоченности работают эффективнее. Различия в показателях производительности труда различных коллективов за счет уровня сплоченности в отдельных случаях достигают 50—60% [Неймер, 1975: 155].

Каждый из сотрудников является ценностью для компании, однако они взаимодействуют в условиях существующей на предприятии конкуренции, поэтому актуальной остается проблема выявления перспективных сотрудников для разных целей. Так, при решении задач создания временных рабочих групп для реализации определенного проекта или создания нового структурного подразделения возникает необходимость подбора оптимального состава рабочих групп и кандидатов на позиции руководителей.

В практике управления персоналом организаций применяется социальная технология, основанная на выявлении *социометрического статуса* сотрудников [Управление человеческими ресурсами..., 2004]. Она основана на обработке данных о персонале, полученных с помощью разработанного алгоритма, анализа результатов деятельности каждого из сотрудников. Методика дает возможность определить рейтинг сотрудника на основе оценок управляющего персонала, выбрать кандидатуры для формирования рабочих групп под определенный проект. К недостаткам предложенной социальной технологии относится ее направленность исключительно на мнение экспертов. Их оценки могут носить субъективный характер, что влияет на итоговое значение социометрического статуса сотрудника как в направлении его снижения, так и в направлении повышения.

В современной мировой практике для оценки деятельности и профессионализма персонала все шире используется социальная технология «360 performance review». Крупнейшие компании мира используют данную технологию для оценки компетенций сотрудников. Метод позволяет получить сбалансированное представление о работе сотрудника, которое основывается на мнениях руководителя, коллег, подчиненных, а также на самооценке самого сотрудника. Анализ «360» проводится на основе оценки соответствия сотрудников ценностям и компетенциям компании, затрагивает не только бизнес-результаты, но и то, как это было сделано [HR-аналитика..., 2022].

В России рынок систем управления персоналом представлен разработками таких компаний, как «Сколково», HeadHunter, TalentTech. Согласно результатам исследования HR-tech рынка России за 2020—2021 гг., в 2020 г. общее количество инвестиций в программы для привлечения кадров и управления ими, аналитики, управления производительностью и администрирования составило 2,82 млн долл. В 2021 г. зафиксирован девятикратный (!) рост инвестиций в эту сферу: за январь-август 2021 г. было заключено 11 инвестиционных сделок в сегменте HR-tech, проинвестировано более 26,12 млн долл. [Масленко, 2021]. Взрывной рост инвестиций позволяет спрогнозировать значительный рост рынка систем управления персоналом в ближайшем будущем. При этом наиболее перспективными направлениями разработки технологий будут автоматизация подбора кадров и развитие сотрудников.

Управленческие решения будут сфокусированы на задачах развития сотрудников как самостоятельного непрерывного бизнес-процесса управления ЧР. Однако достижение указанных целей и задач зависит не только от продуманных управленческих технологий, но и от готовности самого персонала организаций обучаться, проходить переквалификацию. И здесь возникает противоречие. Существующие опросы показывают слабую заинтересованность сотрудников организаций в участии в программах развития, в совмещении работы и обучения. Согласно результатам опросов РМЭЗ ВШЭ за 2006, 2009, 2018 гг., доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос «Для Вас лично при выборе работы насколько важна такая ее сторона, как возможность получать новые знания, умения?» составила соответственно 27,3%, 23,3%, 27,1%. Среди других вариантов ответов на вопрос о степени важности мотивов работы данный вариант занял последнее место. На первом месте оказался ответ «Размер заработной платы» [Российский мониторинг..., 2018].

Пандемия усилила тенденцию к цифровизации управления ЧР, повысился спрос на продукты HR-tech рынка. Цифровые технологии раскрывают организациям и обществу новые перспективы и решения, но они же могут выступить фактором возникновения и обострения социальных конфликтов. Отсюда вопрос: каков социальный эффект внедрения высокотехнологичных систем в организациях? Будет ли он способствовать сохранению и увеличению числа рабочих мест? На практике с помощью данных систем управленцы пытаются усилить свое влияние на принятие решений не в направлении стабилизации занятости. Отмеченный выше рост инвестиций в управление HR пропорционален тенденции к сохранению безработицы на высоком уровне с 2020 г. Использование удобных для руководства социальных технологий может способствовать повышению лояльности в коллективе, но также способно ограничить развитие профессиональных навыков сотрудников.

В условиях востребованного человекоцентричного подхода к управлению HR достоверная и правильно обработанная информация о персонале обеспечит воспроизводство необходимого организациям профессионального уровня сотрудников. Повышается востребованность социальных технологий для решения социально ориентированных задач в управлении человеческими ресурсами, разработка которых и внедрение — важное самостоятельное направление бизнеса, а также элемент внутренней корпоративной социальной ответственности организаций.

Список литературы

1. HR-аналитика: как правильно применять метод 360 // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/company/X5Group/blog/514536>.
2. Масленко Д. Техника, овладевшая кадрами: как в России развивать рынок HR-tech // РБК. 28.10.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/617ac22d9a794795a1b4873a>.
3. Неймер Ю. Л. Сплоченность как характеристика первичного коллектива и ее социологическое измерение // Социологические исследования. 1975. № 2.
4. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). 2018. URL: <http://www.hse.ru/rlms>.
5. Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / под ред. В. В. Щербины. М.: Независимый институт гражданского общества, 2004.
6. World Economic Forum. (2018) The future of jobs report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobsreport-2018>.

А. В. Царева, Г. З. Самигуллина, А. И. Гребенников

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

ЦАРЕВА Анна Владиславовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры (ФГБУ СПбНИИФК), Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: art-comm05@yandex.ru

САМИГУЛЛИНА Гузалия Закирзяновна — кандидат биологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

E-MAIL: gyzals@mail.ru

ГРЕБЕННИКОВ Андрей Иванович — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры (ФГБУ СПбНИИФК), Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: agrebenn@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен подход к анализу формирования культуры здорового образа жизни детей и подростков школьного возраста с позиции человеческого капитала. По данным отечественных и международных исследований, в период школьного обучения формируются наиболее важные аспекты поведения в отношении здоровья, которые в будущем могут способствовать сохранению здоровья и личному благополучию либо стать источником развития неинфекционных, хронических заболеваний, психофизических отклонений, инвалидности, сокращения продолжительности жизни и пр. В контексте человеческого капитала здоровье школьников может быть рассмотрено как важнейшие инвестиции, ведущие в дальнейшем не только к увеличению возможности личного благополучия, но и к позитивным эффектам на уровне поколения. В статье представлено описание аналитической модели культуры здорового образа жизни, разработанной специалистами Санкт-Петербургского научно-исследовательского института физической культуры (ФГБУ СПбНИИФК) и рассматривающей культуру здорового образа жизни школьников с позиции ценностно-социальной исследовательской оптики. Ценностно-социальная модель культуры здорового образа жизни школь-

ников включает в себя: субъективные составляющие культуры здорового образа жизни школьников (аспекты идентификации, когнитивные, нормативные, ценностные, поведенческие); набор основных условий сохранения здоровья и здорового образа жизни; оценку влияния социальных институтов, социальных групп и состояния внешней социальной среды.

Ключевые слова: здоровье школьников, здоровый образ жизни, культура ЗОЖ, ценностно-социальная модель ЗОЖ, человеческий капитал

Детский и подростковый возраст, особенно период школьного обучения, крайне важны для развития привычек и навыков в отношении здоровья. Полученный в школьные годы опыт здорового образа жизни, достаточной физической активности, сбалансированного питания, правильного распорядка сна, обучение психофизической грамотности в отношении собственного организма, а также негативный опыт формирования вредных привычек, зависимостей, здоровьеразрушающего поведения оказывают огромное влияние на психофизиологическое состояние в будущем. Международные исследования, проводимые под эгидой Всемирной организации здравоохранения, демонстрируют, что именно в детском и подростковом возрасте можно с наибольшим эффектом принять меры, чтобы предотвратить ухудшение психофизического состояния и более полно реализовать потенциал здоровья и благополучия школьников. Данные многих стран показывают, что именно в подростковый период складываются важные характеристики поведения в отношении здоровья, в том числе привычки, ведущие к развитию неинфекционных болезней (диабет, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, психические отклонения), а также инвалидности и сокращению продолжительности жизни [Всемирная организация здравоохранения, 2020].

Таким образом, воспитание культуры здорового образа жизни детей и подростков и формирование мотивации и привычек к осознанному поведению в отношении собственного здоровья становится условием не только их личного благополучия в будущем, но и фактором сохранения человеческого капитала, здоровья и благополучия поколения в целом. Концепция здоровья как элемента человеческого капитала была предложена Г. Беккером в 60-е годы XX века. Здоровье в рамках данной идеи рассматривается как «благо длительного использования», которое, подобно любому другому капиталу, растрачивается, амортизируется, нуждается в модернизации и восполнении. Г. Беккер отмечал также важность различий в инвести-

циях в улучшение эмоционального и физического здоровья как отражение эффективных способов инвестирования в человеческий капитал, ведущих в дальней перспективе к увеличению как персонального дохода, так и прибыли организаций и улучшения жизни общества в целом [Becker, 1962]. Здоровье как форму инвестиции в человеческий капитал анализировал также П. Ховитт, выделяя шесть каналов влияния здоровья на объем и качество человеческого капитала и, как следствие, на экономический рост общества: продуктивность деятельности, ожидаемая продолжительность жизни, способность к обучению, креативность, адаптивность, возможность сокращения неравенства в доходах [Howitt, 2005]. Здоровье в контексте инвестирования в человеческий капитал рассматривалось в работах таких отечественных и зарубежных ученых, как Т. У. Шульц, Э. Ф. Денисон, У. Г. Боуэн, Дж. У. Кендрик, И. В. Ильинский, С. А. Дятлов, А. Н. Добрынин, Л. И. Абалкин, И. М. Черненко и др. Осознанная мотивация школьников к сохраняющему здоровье поведению как важнейшей инвестиции в будущее может формироваться не только через создание необходимых для этого условий на уровне семьи и образовательных организаций, но и через оценивание возможностей развития личной мотивации школьников к здоровому образу жизни. Это предполагает использование обоснованной теоретической и эмпирической базы, позволяющей осуществлять оценку факторов, детерминирующих отношение детей и подростков к собственному здоровью в зависимости от социальных, экономических, территориальных, личностных и иных контекстов, — от медико-биологического состояния организма до социокультурных характеристик отношения к здоровью и психофизическому благополучию в обществе.

В рамках исследования особенностей формирования культуры здорового образа жизни специалистами Санкт-Петербургского научно-исследовательского института физической культуры (ФГБУ СПбНИИФК) была разработана ценностно-социальная модель культуры здорового образа жизни школьников. В рамках данной модели культура ЗОЖ детей школьного возраста рассматривается как система, включающая три группы факторов [Царева и др., 2021]:

1. Факторы, отражающие уровни личной культуры здорового образа жизни — субъективные составляющие культуры здорового образа жизни школьников:

- Уровень идентификации (отношение учащихся к своей личности, самооценка своего образа и состояния в контексте здоровья и благополучия).

- Когнитивный уровень (знания, мнения и суждения в области здоровья и здорового образа жизни).
- Нормативный уровень (представления о правилах и нормах в отношении здоровья и образа жизни).
- Ценностный уровень (ценностные ориентации в отношении здоровья, психофизического благополучия и здоровьесберегающего поведения).
- Поведенческий уровень (формирование привычек и практик здорового образа жизни и здоровьесберегающего поведения).

2. Факторы сохранения здоровья и здорового образа жизни — набор основных условий сохранения здоровья и здорового образа жизни, в отношении которых формулируются необходимые медицинские рекомендации и нормативы.

3. Факторы влияния внешней среды. Данная группа факторов отражает влияние социальных институтов, социальных групп, состояние внешней социальной среды (характеристики района проживания, инфраструктура внешкольного образования и досуга и пр.), осуществляющие по отношению к детям школьного возраста социализирующую функцию и влияющие на формирование у них ценностных ориентаций, норм и поведенческих привычек в отношении здоровья и здорового образа жизни.

Ценностный базис культуры здорового образа жизни позволяет школьникам осознанно формировать собственные программы поведения в отношении здоровья, которые в дальнейшем становятся важным инструментом социальной адаптации и помогают преодолевать негативные условия социальной среды.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Европейское бюро ВОЗ. В центре внимания здоровье и благополучие подростков. 2020. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/child-and-adolescent-health/health-behaviour-in-school-aged-children-hbsc/hbsc-2020>.
2. Царева А. В., Грецов А. Г., Гребенников А. И., Лукманова Н. Б., Малинин А. В., Маточкина А. И., Пухов Д. Н. Научная концепция формирования культуры здорового образа жизни детей школьного возраста: методические рекомендации. СПб. : ФГБУ СПбНИИФК, 2021.
3. Becker G. S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. P. 9—49.
4. Howitt P. (2005) *Health, Human Capital and Economic Growth: A Schumpeterian Perspective*. Cambridge, MA: MIT Press.

Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

РОМАШКИНА Гульнара Фатыховна — доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-MAIL: g.f.romashkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7764-5566

RESEARCHER ID: O-7221-2017

ДАВЫДЕНКО Владимир Александрович — доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-MAIL: v.a.davydenko@utmn.ru

ORCID: 0000-0001-8389-4254

RESEARCHER ID: R-4047-2017

Аннотация. В статье рассмотрены методические основания и эмпирические результаты измерения ресурсов человеческого капитала в широком смысле термина. На эмпирических данных было подтверждено, что классические представления о важности ресурсов человеческого капитала вполне справедливы, и речь должна идти о расширении представлений, а не об их пересмотре. Эмпирическими методами были проверены взаимосвязи между ресурсами человеческого капитала и самооценками своих знаний, навыков и умений и иных особенностей. Показано, что важной частью человеческого капитала являются его общие и специфические (для организации) знания, навыки, компетенции; внешний и внутренний (по отношению к месту работы человека) социальный капитал, которые измеряются социологическими методами. Показано, в частности, что компоненты социального самочувствия весьма слабо варьируются с ресурсами человеческого капитала в традиционном понимании термина, что входит в некоторое противоречие с классическими представлениями. С одной стороны, можно говорить о социальной природе таких оценок. Но, с другой стороны, мы имеем дело с девальвацией конкретных навыков, знаний и умений, включая образование. Остается открытым вопрос, имеют ли такие взаимосвязи долгосрочную природу, или это краткосрочные эффекты.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07131.

Ключевые слова: человеческий, капитал, социальный, самочувствие, защищенность, самостоятельность, измерение, индексы, трудовой доход

Изучение человеческого капитала проводится с середины XX века, когда экономисты обратили внимание, что вариация экономического развития между странами может быть объяснена различиями в развитии знаний, умений и навыков через образование и другие инвестиции в человека. Следуя идеям известных экономистов и социологов, например, Д. Минсера [Mincer, 1958], Т. Шульца [Schultz, 1961] и Г. Бэккера [Becker, 1994], для обоснования вариации в экономическом развитии через результативность человеческих ресурсов, социальный и культурный капитал, ученые расширяли взгляды на человеческие ресурсы [Ployhart et al., 2014]. В концепцию человеческого капитала были внесены уточнения и расширения через взаимосвязи с социальным капиталом как социальным контекстом и ресурсом [Putnam, 2001; Crocker, 2019], как различные иные специфические и общие навыки или иные характеристики, включая социально-психологические, через установки и мотивацию [Ромашкина и др., 2022], через изучение референтных групп, таких как класс профессионалов [Латов, Тихонова, 2021].

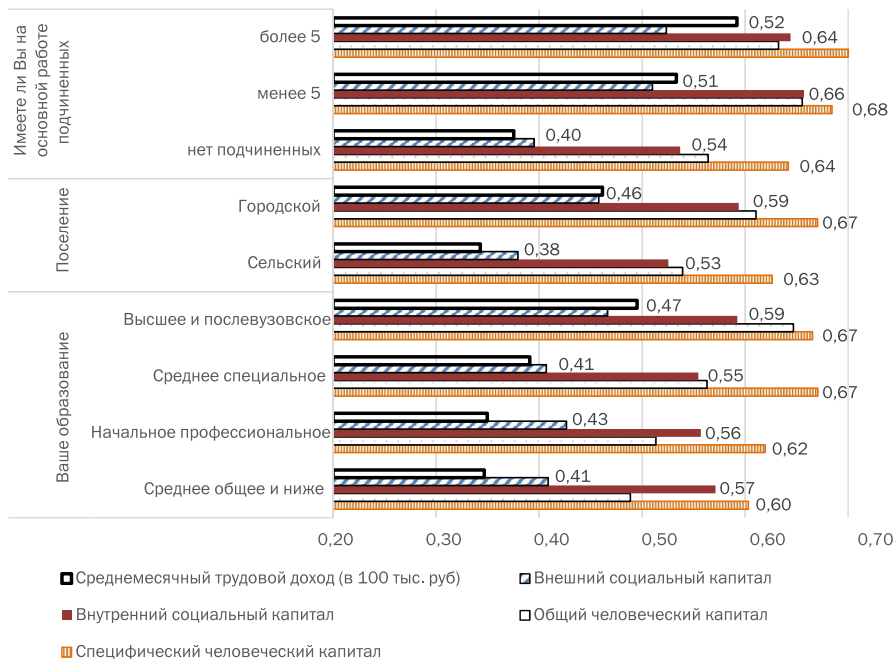
Дальнейшие исследования включили в орбиту концепции социологов, которые развивали социологические методики измерения человеческого капитала, взаимосвязей между его компонентами в широком и узком смысле этого слова [Ромашкина, Худякова, 2020], ресурсов общественного развития.

Проблему возможности измерения человеческого капитала социологическими методами мы попытались раскрыть в научных эмпирических исследованиях. Выборки массовых социологических опросов — многоступенчатые стратифицированные, с репрезентацией по половозрастной структуре, расселению и типу поселения, ошибка выборки не превышает 2,6 %, метод — формализованное интервью. Материалы данного сообщения опираются на результаты массового опроса для подвыборки работающих жителей Тюменской области, 1521 человек (20—65 лет).

Инструментарий включал русскоязычную версию оригинальных вопросников человеческого капитала и социального капитала в версии А. Мозеса [Moses, 2012]. Апробацию русскоязычной версии комплексного инструментария можно найти, например, в [Ромашкина и др., 2020].

Содержание вопросов выстроено на двух уровнях, общие (внешние по отношению к организации) и специфические (внутренние) ресурсы, что вполне согласуется с общей теорией Г. Бэккера. Самооценки изменены по оригинальной 6-ранговой шкале (от 1 — совершенно не согласен до 6 — полностью согласен). Далее для более детального изучения были сконструированы две группы двухуровневых индексов. Индекс человеческого капитала как среднее от субиндексов «Специфический человеческий капитал (для данной организации)» и «Общий человеческий капитал (для рынка труда)». Индекс социального капитала — среднее компонентов «Внутренний социальный капитал» и «Внешний социальный капитал». Рабочие индексы варьируются от 0 (минимум, когда все респонденты ответили на все вопросы соответствующих субиндексов «совершенно не согласен») до 1 (максимум, все респонденты ответили на все вопросы «полностью согласен»), см. рис. 1.

Рис. 1. Структура значений субиндексов человеческого и социального капиталов, среднемесячного трудового дохода (приведен к долям от 100 тыс. руб. для сопоставимости на диаграмме) по самым сильным факторам — уровень образования, тип поселения и количество подчиненных

По итогам исследования были сделаны следующие выводы.

Самооценки компонентов человеческого капитала (в широком смысле) соответствуют известным теоретическим предположениям. Обобщенные самооценки компонентов для человеческого капитала (в узком смысле) всегда выше, чем для социального капитала, см. рис. 1. Наибольшими темпами медианный доход растет по мере повышения статуса на работе, измеряемого через количество подчиненных. Самооценка уровня профессиональных навыков и компетенций четко выделяет респондентов со средним специальным и высшим образованием, имеющих не менее пяти подчиненных.

Нет оснований для заключения, что различия обусловлены межпоколенческим переходом. С годами люди наращивают свой специфический человеческий капитал, но общий человеческий капитал после 40 лет начинает убывать, то есть люди начинают опасаться, что они неконкурентоспособны на рынке труда, а востребованы только внутри данной организации.

Вариация трудового дохода человека в большей степени связана с самооценками социального капитала, нежели с человеческим капиталом, см. рис. 2. Возможно, слабее выраженная вариация трудового дохода с уровнем образования обусловлена тем, что люди склонны связывать свою успешность на рынке труда с социальными связями.

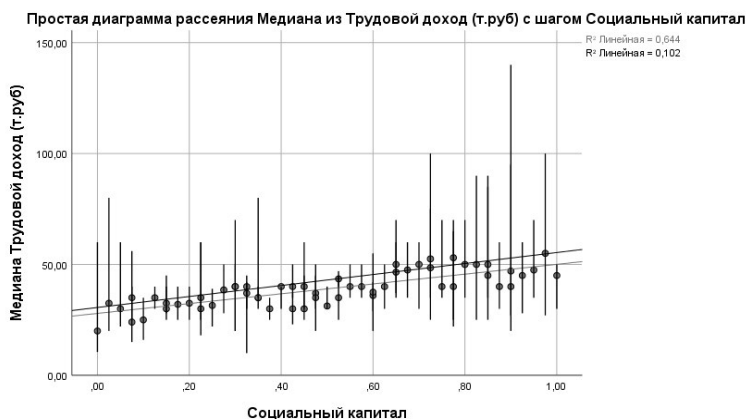
Второй сюжет связан с изучением вариации компонентов социального самочувствия. Компоненты социального самочувствия мы измеряли в рамках социокультурного портрета региона под научным руководством Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, по согласованной с ЦИСИ ИФ РАН методике с 2006 г. [Лапин, Беляева, 2010]. Главный вопрос — можно ли считать социальное самочувствие результатом (или, наоборот, фактором) накопления человеческого капитала? Были рассмотрены индекс социального самочувствия и его субиндексы — социальный оптимизм и удовлетворенность жизнью в целом.

Ресурсы человеческого капитала (в широком смысле) значительно более четко объясняют вариацию трудового дохода, чем социальное самочувствие, см. рис. 3. Предположение, что более обеспеченные граждане показывают более высокие оценки социального самочувствия, в целом релевантно эмпирическим данным, но ошибки таких оценок весьма высоки.

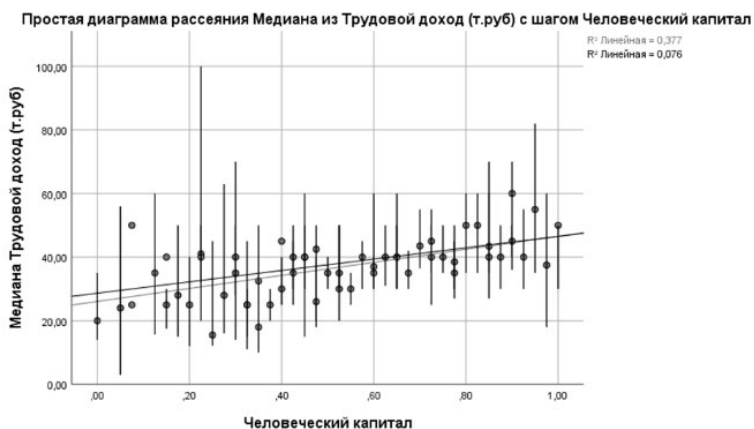
Социальное самочувствие в целом для индивидуума очень слабо и неустойчиво связано с медианой самооценок трудового дохода чело-

века и компонентами человеческого капитала. Социальный оптимизм и социальный капитал взаимодействуют значительно более устойчиво, что вполне объясняется социальной природой соответствующих оценок. Удовлетворенность жизнью в целом очень слабо связана с ресурсами человеческого капитала и практически утрачивает связь при измерении медианы трудового дохода.

Рис. 2. Вариация медианного дохода по индексам человеческого и социального капитала

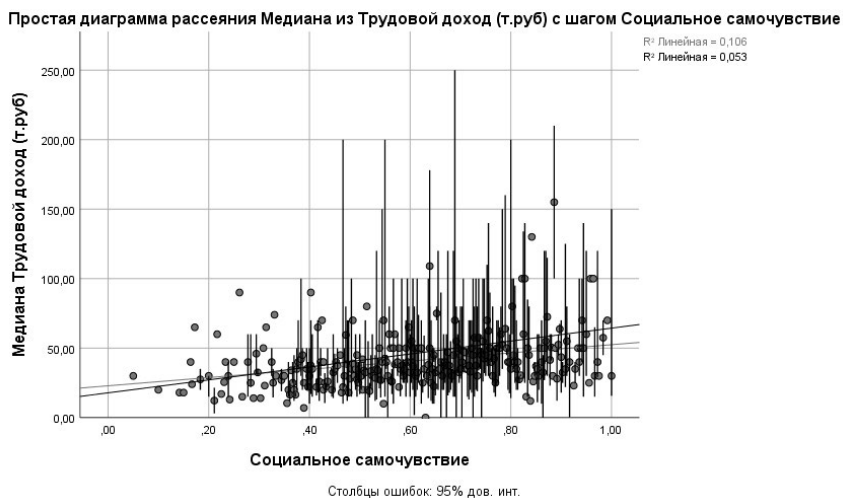

Столбцы ошибок: 95% дов. инт.

Столбцы ошибок: 95% дов. инт.

Рис. 3. Взаимосвязь социального самочувствия и медианы трудового дохода, 2021 г.

Было показано, что существенных противоречий в самооценках ресурсов человеческого капитала (в широком смысле), измеренных социологическими методами, невзирая на известные ограничения социологического подхода как такового, не наблюдается. Однако имеется ряд противоречий, например, практически полное элиминирование вариации социального самочувствия через ресурсы человеческого капитала. Социальный капитал демонстрирует существенно более устойчивые взаимосвязи с социальным самочувствием, чем непосредственно уровень образования и самооценки общих и специфических компетенций, навыков и умений.

Список литературы

1. Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России». М.: Институт философии РАН, 2010.
2. Латов Ю. В., Тихонова Н. Е. Новое общество — новый ресурс — новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2. С. 6—27. <https://www.doi.org/10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27>.
3. Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Андрианова Е. В. Взаимовлияние компонентов человеческого, социального и психологического капиталов (на примере Тюменской области) // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 33—43. <https://www.doi.org/10.31857/S013216250017012-6>.

4. Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Андрианова Е. В., Худякова М. В., Печеркина И. Ф. Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической проверки комплексного инструментария // *Siberian Socium*. 2020. Т. 4. № 3. С. 8—32. <https://www.doi.org/10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32>.
5. Ромашкина Г. Ф., Худякова М. В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 6. С. 232—251. <https://www.doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.14>.
6. Becker G. S. (1994) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. 3rd edition. Chicago: University of Chicago Press.
7. Crocker A. (2019) Social Capital and Human Capital Co-emergence: A Socialized View of Emergent Human Capital Resources. In: *Handbook of Research on Strategic Human Capital Resources*. Isenberg School of Management, University of Massachusetts Amherst. P. 215—235.
8. Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. P. 281—302.
9. Moses A. R. (2012) *Understanding the Relationship of Job Embeddedness with Social and Human Capital: The Importance of Organizational Identification*: Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. URL: <https://rc.library.uta.edu/uta-ir/handle/10106/11535>.
10. Ployhart R. E., Nyberg A. J., Reilly G., Maltarich M. A. (2014) Human Capital Is Dead; Long Live Human Capital Resources! *Journal of Management*. Vol. 40. No. 2. P. 371—398. <https://www.doi.org/10.1177/014920631351215243>.
11. Putnam R. (2001) Social Capital: Measurement and Consequences. *Canadian Journal of Policy Research*. Vol. 2. No. 1. P. 41—51. URL: <https://smg.media.mit.edu/library/putnam.pdf>.
12. Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. P. 1—17. URL: <https://www.jstor.org/stable/1818907>.

**Общество в условиях кризиса:
результаты и перспективы исследований**

А. С. Нода, О. А. Чибисова

ШОК ОТ БУДУЩЕГО УСМИРЯЕТ, НО НЕ УСПОКАИВАЕТ

НОДА Александр Сергеевич — директор агентства «СВОИ», член правления ПО «Российское общество социологов», Пермь, Россия

E-MAIL: noda@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8962-6795

ЧИБИСОВА Оксана Андреевна — старший аналитик агентства «СВОИ», Пермь, Россия

E-MAIL: o.lebedeva@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0040-4139

Аннотация. В статье рассматривается проблема социального самочувствия и протестных настроений в обществе в современных кризисных условиях. Эмпирическую базу составили результаты мониторингового опроса жителей города Перми. Анализируются такие показатели социального самочувствия, как чувства, испытываемые в отношении своего ближайшего будущего, восприятие будущего своей семьи и готовность участвовать в протестных акциях, характеризуются особенности социального самочувствия в различных социальных группах, выделены основные типы социального самочувствия, а также рассматривается изменение уровня социального самочувствия под влиянием новых социальных условий. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о разобщенности общества в восприятии будущего, росте беспокойства и тревожности на фоне роста надежд, снижении декларируемой готовности участия в протестных акциях и росте скрытой протестности, возникновении новых интересных активных групп в протесте.

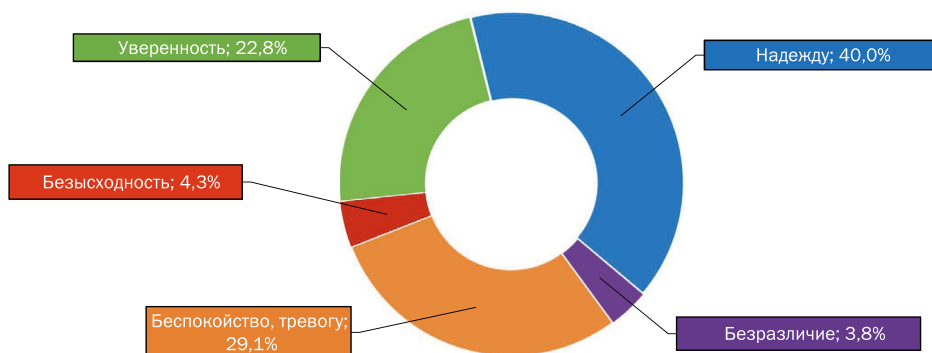
Ключевые слова: социальное самочувствие, протест, ожидание, будущее, настроения

Изменившиеся социально-экономические и социально-политические условия требуют дополнительного внимания, измерения и типологизации социального самочувствия населения. Прямые вопросы о спецопера-

ции, о поддержке президента в текущих настроениях и информационной повестке могут быть использованы только в динамике, чтобы понять, куда движется общественное мнение и насколько эффективно медийное просвещение масс (в т. ч. пропаганда). Более тонким инструментом для определения палитры социального самочувствия жителей крупного города в кризисных условиях остается замер эмоций, настроений, ожиданий от будущего. Мы использовали результаты мониторингового опроса жителей города Перми, очередной этап которого был проведен агентством «СВОИ» в апреле 2022 г. Число респондентов составило 1259 человек. Основные показатели социального самочувствия:

- 1) чувства, испытываемые в отношении своего ближайшего будущего,
- 2) восприятие будущего своей семьи,
- 3) готовность участвовать в протестных акциях.

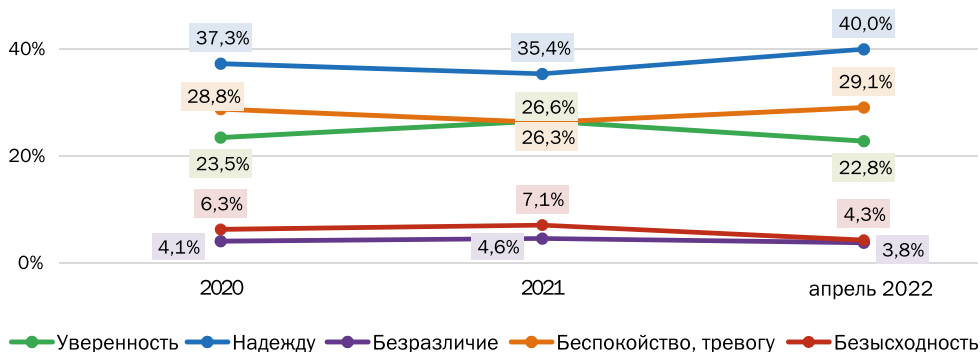
Рис. 1. Какие чувства вы испытываете, думая о своем ближайшем будущем?

Две трети опрошенных пермяков (62,8%) проявили позитивные чувства в отношении своего будущего: *надежду* испытывают 40,0% респондентов, 22,8% отмечают *уверенность*. По сравнению с результатами исследования 2021 г. в апреле 2022 г. доля тех, кто испытывает уверенность, снизилась на 3,8%, а чувствующих надежду — выросла на 4,6%.

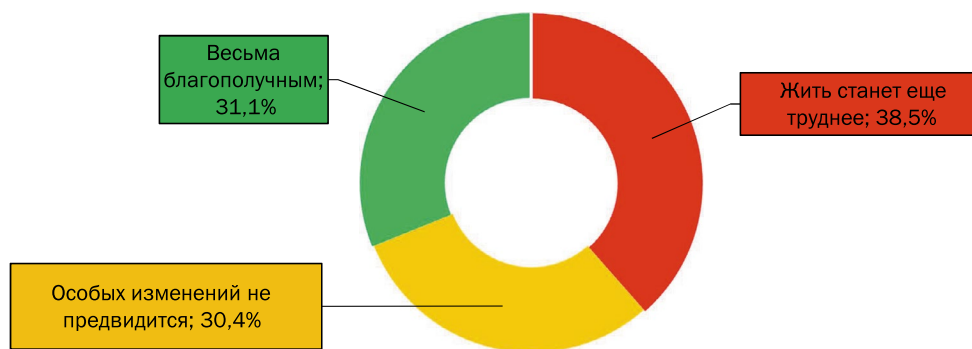
Доля респондентов, испытывающих негативные эмоции, в целом составила 37,2%: испытывают *беспокойство, тревогу* — 29,1%, *безысходность* — 4,3% и *безразличие* — 3,8% респондентов. В сравнении с предыдущим годом беспокойство и тревогу стали испытывать на 2,8% больше опрошенных жителей Перми, а безысходность — на 2,9% меньше.

Рис. 2. Динамика чувств в отношении будущего

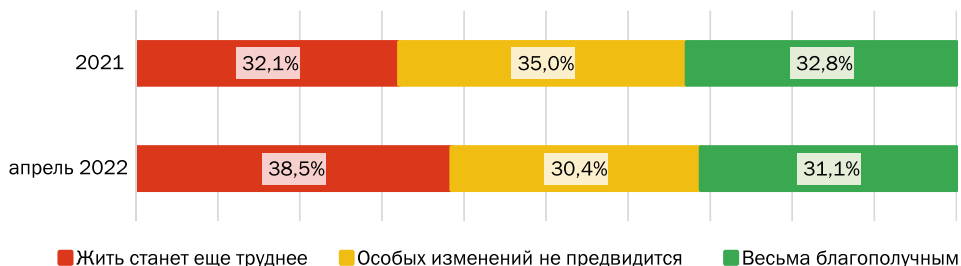
По социально-демографическому профилю наиболее высокий уровень беспокойства и тревожности в отношении своего ближайшего будущего проявляют женщины (37,0%), лица с высоким уровнем образования (32,4%), работники бюджетной сферы (35,7%), люди с низким уровнем материального положения (33,7%), респонденты с несовершеннолетними детьми (32,8%). Иными словами, больше всего стали волноваться учителя и матери.

Рис. 3. Каким Вы видите будущее Вашей семьи, семей других жителей города?

Доля респондентов, пессимистично настроенных в отношении будущего своей семьи и других жителей города, в сравнении с 2021 г. в апреле 2022 г. увеличилась на 7,4 п. п. и превысила долю тех, кто настроен оптимистично (38,5% против 31,1%).

Рис. 4. Динамика восприятия будущего

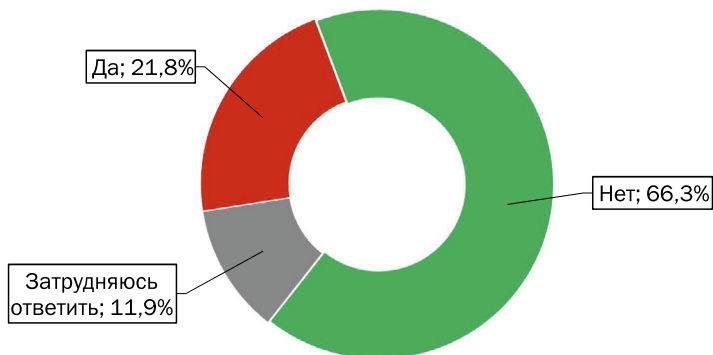

Растет надежда, но при этом растет и понимание, что жить станет еще труднее. Ожидают трудностей в большей мере опытные и привыкшие к трудностям граждане нашей страны — лица от 46 до 60 лет (41,7%), пенсионеры (42,9%), респонденты с высоким уровнем образования (42,8%), безработные (43,4%), люди с низким уровнем материального положения (51,5%).

Если говорить о протестной активности, то две трети опрошенных жителей Перми (66,3%) не готовы принять участие в акциях протеста. Допускают для себя возможность участия в акциях протеста 21,8% респондентов.

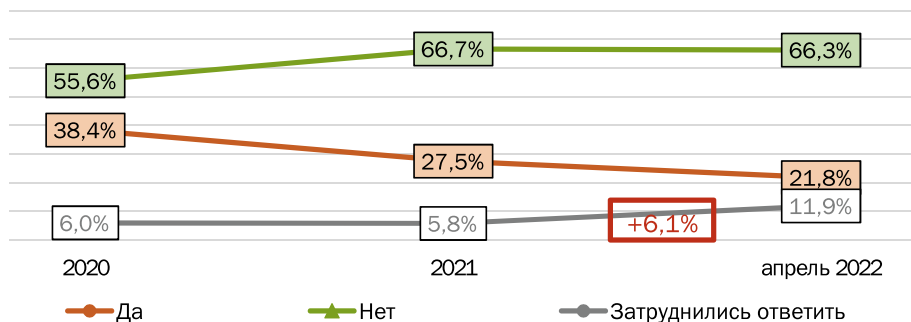
Чаще, чем в среднем по выборке, говорили о готовности принять участие в акциях протеста мужчины (26,0%), лица с низким уровнем образования (27,9%), респонденты с низким уровнем материального положения (31,3%).

Рис. 5. Готовы ли Вы принять участие в протестных акциях для защиты своих прав и интересов?

Показательна динамика готовности участвовать в протестных акциях. На первый взгляд, мы видим снижение уровня явно выраженной протестности (от 27,5% в 2021 г. до 21,8% — в апреле 2022 г.), однако наблюдается увеличение доли затруднившихся с ответом на вопрос о своем протестном поведении (+6,1%). То есть протест никуда не ушел, он затаился — как мы полагаем, из-за понимания изменившихся условий для реализации протеста.

Рис. 6. Динамика готовности участвовать в протестах

Следующие диаграммы показывают, что заметная часть людей во всех возрастах стала латентно протестной.

Рис. 7. Динамика уровня протестных настроений в возрастных группах

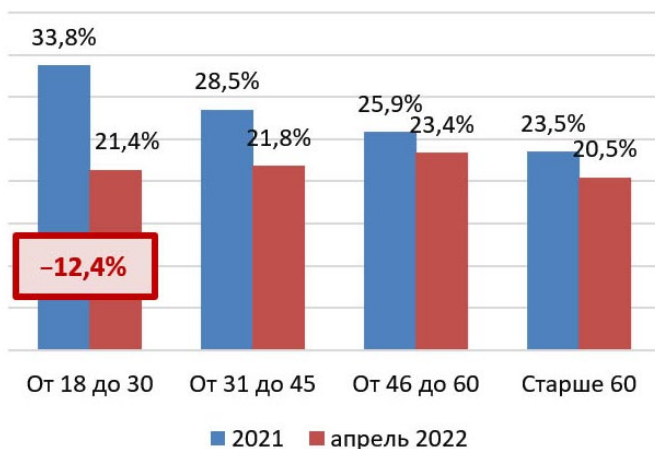
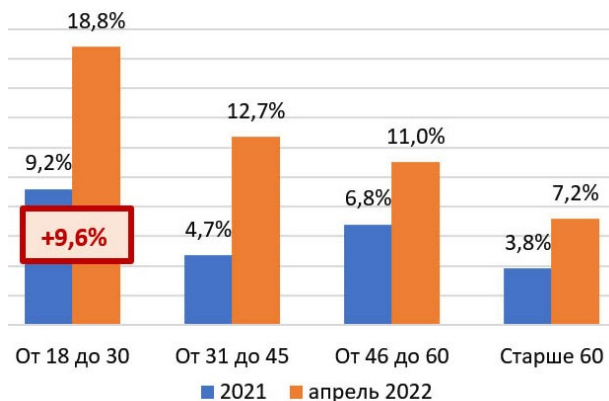

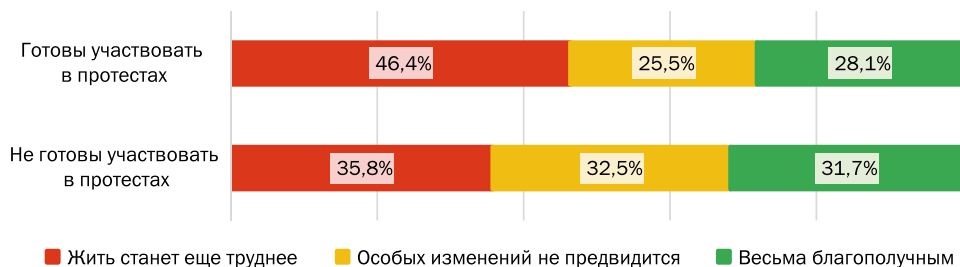
Рис. 8. Динамика доли затруднившихся ответить о готовности участвовать в протестах в возрастных группах

Наиболее отчетливо это проявляется в группе молодежи 18—30 лет, где мы видим значительное (–12,4%) сокращение доли тех, кто выразил готовность участвовать в протестах, при этом на 9,6% увеличилась доля затруднившихся с ответом.

Ожидаемо уровень пессимизма в отношении будущего среди протестных респондентов выше, чем в группе непротестных респондентов (46,4% против 35,8%).

Рис. 9. Восприятие будущего в протестных и непротестных группах

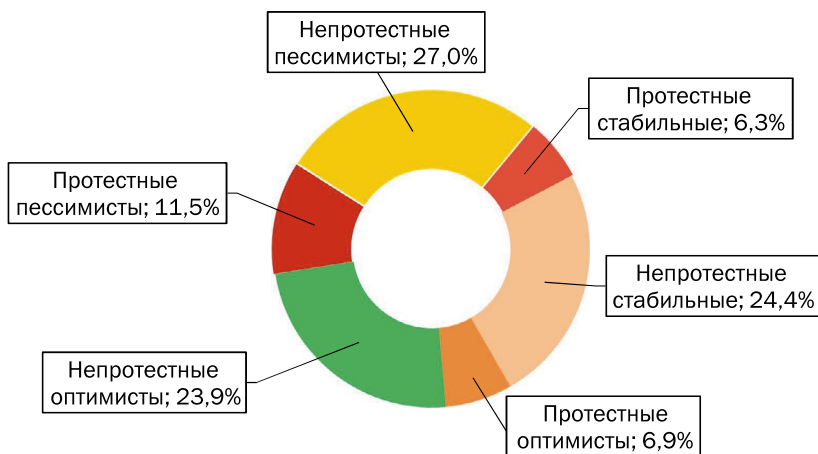
С учетом восприятия будущего и готовности участвовать в протестах нами были выделены следующие типы:

- *Протестные пессимисты* — ожидают ухудшений и готовы протестовать.

- *Непротестные пессимисты* — ожидают ухудшений и не готовы протестовать.
- *Протестные стабильные* — не ожидают изменений и готовы протестовать.
- *Непротестные стабильные* — не ожидают изменений и не готовы протестовать.
- *Протестные оптимисты* — ожидают улучшений и готовы протестовать.
- *Непротестные оптимисты* — ожидают улучшений и не готовы протестовать.

Что за люди протестные оптимисты? Это активные молодые мужчины-патриоты: мы полагаем, это они наклеивают на свои машины буквы V и Z и готовы выразить свою активность на улицах. За этой интересной группой стоит понаблюдать. Вероятно, ее доля будет расти (за счет протестных стабильных), а активность должна использоваться государством в акциях поддержки на постоянной основе — если, конечно, государство сможет ими управлять.

Рис. 10. Типы социального самочувствия, в % от всех опрошенных

По типу социального самочувствия респонденты распределились на три примерно равные (около 25 %) непротестные группы и значительно меньшие протестные группы: доля протестных оптимистов составила 6,9%, протестных стабильных — 6,3%, а протестных пессимистов — 11,5%.

В социально-демографических группах доля протестных пессимистов максимальных значений достигает среди мужчин (15,0%), а также в возрастных группах 31—45 лет (13,1%) и 46—60 лет (13,2%). При этом преобладающим типом социального самочувствия среди мужчин являются непротестные оптимисты (25,4%), среди женщин — непротестные пессимисты (32,1%), среди молодежи 18—30 лет — непротестные стабильные (26,9%), в возрастной группе 31—45 лет — непротестные оптимисты (26,7%), в старших возрастных группах — непротестные пессимисты — 29,5% и 30,2% соответственно.

Таблица 1. Типы социального самочувствия в гендерных и возрастных группах (в % по строке)

	Протестные пессимисты	Непротестные пессимисты	Протестные стабильные	Непротестные стабильные	Протестные оптимисты	Непротестные оптимисты
Мужчины	15,0%	19,7%	7,8%	24,7%	7,4%	25,4%
Женщины	9,0%	32,1%	5,2%	24,2%	6,6%	22,8%
От 18 до 30 лет	8,6%	24,2%	9,1%	26,9%	8,6%	22,6%
От 31 до 45 лет	13,1%	23,5%	5,2%	24,7%	6,7%	26,7%
От 46 до 60 лет	13,2%	29,5%	5,8%	22,9%	7,4%	21,3%
Старше 60 лет	10,0%	30,2%	6,2%	24,0%	5,9%	23,7%

Таблица 2. Чувства в отношении своего будущего в группах по типу социального самочувствия (в % по столбцу)

	Протестные пессимисты	Непротестные пессимисты	Протестные стабильные	Непротестные стабильные	Протестные оптимисты	Непротестные оптимисты
Уверенность	7,1%	10,4%	20,0%	27,7%	33,8%	38,1%
Надежду	33,9%	34,1%	55,7%	40,6%	42,9%	42,6%
Безразличие	3,9%	5,7%		4,8%	5,2%	2,6%
Беспокойство, тревогу	40,2%	42,8%	21,4%	24,7%	16,9%	16,2%
Безысходность	15,0%	7,0%	2,9%	2,2%	1,3%	0,4%

Если рассмотреть преобладающие в различных типах социального самочувствия настроения, то протестные пессимисты чаще других испытывают крайне негативные чувства (*безысходность*) в отношении своего ближайшего будущего (15,0%), среди непротестных пессимистов отмечается максимальная доля испытывающих *беспокойство и тревогу* (42,8%), для протестных стабильных в большей мере, чем для других, характерна *надежда* (55,7%), а для непротестных оптимистов — *уверенность* (38,1%).

В целом на примере Перми можно говорить, что в сложившихся социальных условиях мы наблюдаем разобщение общества по восприятию будущего. Есть скрытый протест. Есть матери, которые пока скрыто выражают беспокойство о семье. Есть молодые патриотичные мужчины с потенциалом реализации протестной активности (нужен контроль и управление). Массовая поддержка спецоперации не дает представления о том, как чувствует себя население. Необходимо глубже погрузиться в типологизацию социального самочувствия, чтобы спрогнозировать социальные процессы в российском обществе, вынырывающем из пандемии в ситуацию СВО.

МОДЕЛИ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО АБСУРДА

ИЛЬИН Владимир Иванович — доктор социологических наук, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: ivi-2002@yandex.ru

ORCID: 0000-002-3658-8112

Аннотация. Цель исследования — конструирование объяснительных моделей поведения людей в ситуациях социального абсурда на основании обзора литературы и обобщения эмпирических данных.

Социальный абсурд — это ситуация, участники которой осознают, что действия социальных субъектов (индивидов и институтов) приводят к результатам, существенно отличающимся от поставленных целей или даже противоположным им. Мир (локальный и/или глобальный) воспринимается как не поддающийся контролю и осмыслению в рациональных терминах. Абсурд — это не состояние объективного мира, а диагноз.

Ситуация, которую люди определяют как абсурдную, принуждает их к выбору адекватной ей модели выживания. Определение ситуации объективируется в поступках и практиках. Можно выделить ряд наиболее распространенных моделей: христианства, гражданской религии, веры в экспертов, утопии, героизма, конструирования островка смысла в море абсурда, локализации смысла в мгновении, смены оптики, высокомерного остранения, смирения, самоубийства и др.

Ключевые слова: социальный абсурд, экзистенциальная ситуация, модели выживания, смысл жизни

Постановка проблемы

В общественной мысли уже несколько веков господствует рационализм. С одной стороны, мир, в том числе социальный, представляется подчиненным рациональной логике. Формулой такого рационализма является вывод Гегеля о том, что «все действительное разумно». Миром

рационально управляют либо Бог, либо абсолютная идея, либо закономерности развития общества.

С другой стороны, рационально организованный мир доступен познанию рациональными методами и, следовательно, управлению им (Гегель: «все действительное разумно»). Капиталистическая и социалистическая формы индустриального общества представлялись их апологетами максимальным приближением к рационально управляемому миру.

Однако в рационалистическом тренде четко прослеживались многочисленные оговорки, подчеркивающие ограничения и парадоксы рациональности. Она имеет пределы, за которыми легко переходит в свою противоположность — иррациональность. К. Маркс писал, что рациональная организация предприятия сосуществует с анархией рынка, М. Вебер отмечал, как рациональная бюрократия создает «железную клетку», Дж. Ритцер показал, как макдональдизация общества порождает парадокс «иррациональности рационального» [Ритцер, 2011].

Из осознания ограниченной рациональности социального порядка вполне логично возник тезис об абсурдности социального мира, являющейся не исключением или сбоем в работе рациональных институтов, а принципом его организации. Абсурдизм получил распространение в литературе и театре [Эслин, 2010], философии [Камю, 1990]. Начиная с последней четверти XX в. была сделана попытка включить в него и социологию абсурда [Lyman, Scott, 1970; Schoham, 2006].

Социальный абсурд — это ситуация, участники которой осознают, что действия социальных субъектов (индивидов и институтов) приводят к результатам, существенно отличающимся от поставленных целей или даже противоположным им.

Модели жизни в ситуации абсурда

Мир (локальный и/или глобальный) воспринимается как не поддающийся контролю и осмыслению в рациональных терминах. Абсурд — это не состояние объективного мира, а его диагноз. Одна и та же ситуация разными людьми может определяться и как рациональная, и как абсурдная. Социальный абсурд как субъективный диагноз объективируется в поступках и практиках. Ситуация, которую люди определяют как абсурдную, принуждает к адекватным ей действиям.

Индивид, осознающий абсурдность социальной ситуации микро- или макроуровня, выбирает из «энциклопедии» доступной ему культуры подходящую для него модель поведения.

Христианская модель. Средневековому богослову Тертуллиану приписывается афоризм, выражающий суть этой модели: «Верю, ибо абсурдно». С. Кьеркегор тоже видел выход из осознания абсурдности мира в религиозной вере. Я не понимаю логики происходящего, но Бог все знает и понимает и к тому же любит нас. Как писал Л. Шестов, христианин «ищет покровительства не у разума, <...> а у Абсурда, то есть у веры, которую разум квалифицирует как абсурд» [Шестов, 1992: 19].

Модель гражданской религии. Ее логика близка к христианской, но место бога в ней занимает мудрый вождь, государство, правящая элита. Я не понимаю смысла происходящего, но тем, кто на самом веру, известно то, чего не знаю я, они лучше понимают, что нужно стране и людям. Такова логика верующего в государство гражданина.

Иррациональное доверие экспертам. Индивид не понимает логики, смысла происходящего, но списывает все на ограниченность своих знаний, что компенсируется доверием к экспертам (менеджерам, экономистам, юристами, врачам, инженерам и т.д.), поскольку «они лучше знают, как надо».

Социальные утопии как бегство от нынешнего абсурда. Социальный мир здесь и сейчас абсурден, однако есть надежда движения к исправлению его пороков и построению идеального общества. Верующие в разные идеологии выбирают из арсенала доступной им культуры свои варианты маячащего на горизонте «светлого будущего». Вера в него выполняет роль анестезии, позволяющей пережить абсурд настоящего.

Героическая модель. Герой борется с абсурдом, даже если не видит шансов на победу. В основе героической модели лежит формула: «Делай что должно, и будь что будет!» Моральное удовлетворение обеспечивается мыслью: «Я сделал все что мог». И это перевешивает страх смерти и потери свободы.

Конструирование островка смысла в мире абсурда. «Поскольку мир абсурден, каждый человек ответственен за то, чтобы придать ему смысл и выделить в нем острова смысла в море бессмысленности» [Jacobsen, 2009: 296]. Такими островками могут быть семья, круг друзей и коллег.

Смысл в мгновении. Эта модель предполагает отказ от бесперспективного поиска смыслов в больших масштабах биографии, истории, социального мира. Смысл есть лишь в мгновении. «Есть только миг, за него и держись»⁶. Сизиф затащил камень на вершину. Это ли не повод порадоваться победе?

⁶ Стихи Л. Дербенева.

Модель периодической смены оптики. Если эти линзы не позволили увидеть смысл происходящего, надо надеть другие! Так, коммунисты, понявшие абсурдность проекта строительства коммунизма, вдруг стали верующими православными или мусульманами, поверили в идеал общества, основанного на принципах неолиберализма.

*Высокомерное остранение*⁷. Люди, выбирающие такую модель, ведут себя в мире социального абсурда как странники, с любопытством или иронией смотрящие на происходящее. Социальный мир напоминает дурдом, но такова жизнь. Дурдом не перестроишь на принципах разума, поэтому надо учиться жить в нем, сохраняя благодаря остранению свою нормальность.

Модель смирения. Сторонники этой модели отказываются от поиска смысла социального мира. Они о нем просто не думают, принимая жизнь такой, какова она есть. Они не стремятся определить свое отношение к абсурду. А если нет вопроса, то не предвидится и ответ.

Самоубийство. Индивид, который не может найти смысл в мире абсурда, но в то же время не желает по тем или иным причинам принять его как естественное состояние, вопрошает словами Гамлета: «Быть или не быть, вот в чем вопрос». И один из вариантов ответа — «И в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними? Умереть. Забыться».

Заключение

Люди, в силу тех или иных причин определяющие социальный мир как абсурдный, где «благими пожеланиями умощена дорога в ад», пролистывают страницы доступной им в это время и в этой социальной реальности «энциклопедии культуры», выбирая подходящий вариант совладания с абсурдом. Нет правильного или ложного выбора. Разные культуры подталкивают к тем или иным вариантам. И в ситуации, которую индивид определяет как абсурдную, он выбирает модель поведения. Определение ситуации как абсурдной объективируется в реальных поступках и практиках совладания с ней.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек. М.: Издательство политической литературы, 1990.
2. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.

⁷ Термин В. Шкловского.

3. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс-Гнозис, 1992.
4. Эслин М. Театр абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. СПб.: Балтийские сезоны, 2010.
5. Jacobson M. H. (2009) The Sociology of Absurd. In: Encountering the Everyday. An Introduction to the Sociology of the Unnoticed. Houndmills: Palgrave MacMillan.
6. Lyman S. M., Scott M. S. (1970) A Sociology of the Absurd. New York: Appleton-Century-Crofts.
7. Schoham S. G. (2006) Sociology and the Absurd: A Sociology of Conflictual Encounters. London: Sussex Academic Press.

А. С. Неунылова

137

СУБКУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ — КУЛЬТУРА УЛИЦ В УСЛОВИЯХ ЧЕТЫРЕХ СТЕН

НЕУНЫЛОВА Анастасия Сергеевна — аспирант факультета гуманитарных и социальных наук кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: nastenka15_94@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6272-3878

Аннотация. Работа посвящена исследованию трансформаций коммуникативных каналов творческого элемента в субкультурной среде, а именно хип-хоп танца, в условиях пандемии и иных условиях, ограничивающих пространственную коммуникацию. Рассматриваемая субкультура была сформирована «на улице» посредством живой коммуникации и передавалась при физическом взаимодействии «здесь и сейчас» через социальные танцы в кругах. Новые реалии диктуют новые условия пространственных ограничений, а значит — и отношений. Невербальные творческие практики стали транслироваться онлайн, а субкультурные группы теперь представлены отдельными членами сетевого пространства. Опираясь на публикации в области изучения социологии пандемии, а также на ряд собственных работ по описанию социологического изучения невербального контента танца как элемента субкультуры хип-хопа, автор выделяет ряд особенностей коммуникативной среды представленного элемента субкультуры, его развития и передачи в новых условиях. Используя каналы передачи, свойственные более ранним периодам субкультуры хип-хопа, вместе с проявленной способностью трансформироваться подобные невербальные практики не только не потеряли жизнеспособность, не перестали быть активными, а даже не взяли паузу. Если у невербального творческого элемента есть вербальная теория и интеллектуальная составляющая, то каждое новое обстоятельство внешней среды способно еще более расширять границы данной субкультуры.

Ключевые слова: хип-хоп субкультура, социологическое рассмотрение, невербальный контент танца, элемент субкультуры, информационная среда, пандемия COVID-19, канал передачи, сетевая креативность, условия ограничений

Насколько возможно транслировать онлайн основные культурные ценности субкультуры, которая родилась и возникла «на улице»? Какими инструментами нужно обладать субкультуре, чтобы быть способной перестраиваться в соответствии с новой плоскостью информационной среды?

В 1960-х годах в эмигрантских кварталах Южного Бронкса зародилась андеграундная субкультура, в основе которой лежит самосознание темнокожего населения и его желание заявить о себе и уйти от агрессии через творческие активности. Художественные интересы и ценности выступают деятельными структурообразующими субкультуры хип-хопа. Они выражены в пяти проявлениях: граффити, брейкданс, «диджеинг», «эмси» и знания. Совершенно разные по способу выражения, они в то же время сильно взаимосвязаны и представляют многомерный комплекс творческой активности в рамках одной субкультуры. Автором данной работы на протяжении ряда исследований изучается танец [Неунылова, 2019: 360].

Как элемент субкультуры хип-хопа танец, фристайл — это действие, происходящее одномоментно и неповторимо. Он существует только «сейчас». И, казалось бы, его невозможно зафиксировать, а значит — и передать.

Преимственность культур предполагает не просто воспроизведение в качестве обучения в реальном времени, но и впитывание культурных моделей родоначальников. Поэтому перенимать визуальный образ посредством видео — практика скорее в рамках нормы, нежели эволюционная. Естественным путем развития является и эволюция каналов передачи. Исходя из этого неудивительно что реальные физические культурные практики переходят без особых травм в другую информационную плоскость.

Интересным моментом является включенность и активность танцоров высокого уровня в информационном поле. Быть иконой на видео оказалось мало. То есть поддержание своей востребованности требует и достаточно активной «блогерской» позиции. В нынешних реалиях понятие «цифровой разрыв» предстало в новой форме как цифровой разрыв второго рода, что уже говорит не просто о технологической доступности, а о включенности в виртуальные активности [Асочаков, 2021: 76].

Профессиональная граница в виртуальном пространстве может быть размыта. Если ранее существовала своя субкультурная иерархия передачи опыта, то в новых реалиях передает опыт тот, кто творит контент. Хотя бы только потому, что у него есть свои «поставщики внимания» — «виртуальный пролетариат» [Артамонова, 2021: 83].

Роль производящего символический продукт заключается в том, что «интенсивные обмены в сетях открывают доступ к социальным и культурным ресурсам, которых нет в непосредственном окружении индивида» [там же: 77]. Примечательно, что теперь цифровой разрыв связан не с имущественным положением, а «со стилем жизни и ценностными ориентациями, укорененными в опыте поколения, к которому они принадлежат» [там же: 78].

К тому же если культура возникла в определенных неблагоприятных социальных условиях, то очередные неблагоприятные условия могут спровоцировать эволюционный рост субкультуры с подобным историческим прошлым. Результатом этого роста будет возможность заниматься у преподавателей в любой точке мира. Заметно возрос интерес к «public talk» — видеотрансляциям дискуссии с большим участием слушателей (в данном случае представителей субкультуры разных стран), что способствует стиранию всяких политических, конфессиональных, национальных границ между участниками субкультурного движения. Характерная особенность сетевого события — отсутствие географической локализации (не имеет значения), деперсонализация присутствующих (а значит, и снисхождение к точному количеству), может даже не иметь вес точная тематика сетевого «собрания», но зато четко виден хронометраж — цифровой след имеет длину и вес.

П. Штомпка утверждал, что социум является скорее динамическим процессом, нежели статическим объектом, в его основе — события [Штомпка, 2005]. Разумеется, динамика есть свидетельство жизни, функционирования, а возможно — даже развития того или иного института. Мир все более предстает в процессах, то, что можно потрогать и воспринять в реальности, находится в пределах квартиры. Все общественные движения предстали в их функциональной, а не структурной деятельности, так как в условиях изоляции действие обрело новую ценность.

Опираясь на концепцию У. Бека об обществе риска на основе трех видов реакции на риск (отрицание, апатия и трансформация), именно трансформация в виде коллективных преобразующих действий обеспечивает единственный способ сохранения и развития того или иного общественного образования [Асачков, 2021: 24].

То есть деятельность тех или иных групп обрела большее влияние, нежели их факт существования как таковой, что выявилось в условиях пандемии. Те столпы культуры, чья деятельность снизилась в силу перемещения действий в сетевое пространство, отодвинулись, в новых реалиях

перестали быть доступными, а те элементы системы, которые продолжили активно вести деятельность и строить новую субкультурную реальность, вышли как передовые единицы формирования нового культурного слоя и его элементов. Кто действует — тот и создает культуру, таков негласный закон творческой деятельности и пространства.

Будь то стены квартиры или закрытые границы государств — новые ограничения, как показывает рассмотрение хронологического развития субкультуры, только лишь способствуют ее росту, обращая внимание на то, что на первый план выходит не новый, а скорее уже использованной ранее на этапе становления механизм коммуникации. Как результат — при полном изменении естественной среды подобные субкультурные «культуры» выживут, претерпев очередную трансформацию.

Список литературы

1. Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 87—97.
2. Асочаков Ю. В., Богомяккова Е. С., Иванов Д. В. Новое измерение социального развития: активность и креативность в интернет-коммуникациях // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 75—86.
3. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 17—32.
4. Неунылова А. С. Социологический анализ символического контента танца как элемента субкультуры // Социальная инженерия: как социология меняет мир, 20—21 марта 2019 г. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 359—363.
5. Шипилов А. В. Возвращение домой. Заметки из самоизоляции // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 135—144.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

Ж. В. Пузанова, А. Г. Тертышникова

ФЕНОМЕН МОРАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ)

ПУЗАНОВА Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: puzanova_zhv@pfur.ru

ORCID: 0000-0002-7405-3303

ТЕРТЫШНИКОВА Анастасия Геннадьевна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: tertyshnikova_ag@pfur.ru

ORCID: 0000-0001-5873-9850

Аннотация. Эксклюзия — это объективно существующее явление, которое присутствует всегда, в любой стране и любом обществе. На различных этапах развития общества оно приобретает свои специфические черты и особенности. Академический интерес к феномену морального исключения основан на недостаточной освещенности темы в отечественной социологии. Основной целью работы стало определение наличия или отсутствия и степени моральной эксклюзии социальных групп. Исследование базируется на результатах опроса студентов московских вузов, в который была включена адаптированная версия шкалы социальной желательности Марлоу — Крауна. На основе предварительно проведенных фокус-групп для исследования был выделен ряд групп, а именно: представители ЛГБТ, педофилы, наркоманы, люди с расстройством пищевого поведения, ВИЧ-инфицированные, люди, занимающиеся сэлфхармом, и феминистки. В процессе анализа был проведен факторный анализ потенциально влияющих признаков, среди которых выделены основные, и ранжирование выбранных групп по степени морального исключения: от наиболее эксклюзивированных к низкой степени исключения. Наивысшая степень эксклюзии наблюдается относительно педофилов, в то время как наименее подвергнуты моральному исключению носители ВИЧ-инфекции.

142 Результаты исследования подчеркивают тот факт, что в студенческой среде отношение к исследуемым группам амбивалентно, и это является культурным продуктом общества, в котором мы живем.

Благодарность. Тезисы подготовлены в рамках НИР № 100929-0-000 «Феномен эксклюзии в современном обществе (на основе мнений студентов московских ВУЗов)».

Ключевые слова: моральная эксклюзия, моральное исключение, анкетный опрос, ЛГБТ, ВИЧ-инфицированные

Актуальность выбранной темы обусловлена низкой степенью научной разработанности. Изучение моральной эксклюзии насчитывает практически двадцатилетнюю историю, однако как в отечественной, так и в западной социологии наблюдаются существенные пробелы в данной области. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и материалы могут использоваться учеными и аналитиками, чтобы узнать отношение студентов московских ВУЗов, и разработать программы, повышающие уровень толерантности.

По определению итальянского социолога С. Пассини, моральное исключение — это рассмотрение других как находящихся за пределами границ, в которых применяются моральные ценности и действуют правила справедливости. По мнению исследователя, процессы включения и исключения являются общим способом рассмотрения межгрупповой реальности и морального сообщества и не обязательно вызваны конкретным контекстом или группами [Passini, 2017: 1195].

Теоретическое значение анализа морального исключения состоит в том, чтобы выявить различные проявления нетолерантности людей к социальным группам. В демократических обществах нашего времени различные формы дискриминации стали неполиткорректными и нежелательными, но не исчезли, поэтому важно изучить, скрываются ли предсудки за более тонкими формами морального исключения.

В качестве метода исследования был выбран опрос, так как моральная эксклюзия — социальное явление, малодоступное для непосредственного наблюдения. Использование опроса обусловлено выраженной чувствительностью темы, способной привести к сильному искажению данных при личном контакте исследователя с опрашиваемыми. Опрос был проведен с 1 июля по 1 октября 2021 г. среди студентов МГУ им. М. В. Ломоносова,

НИУ ВШЭ и РУДН. Всего в нем приняли участие 1500 человек, по 500 человек от каждого учебного учреждения. Опросу предшествовал ряд фокус-групп для выявления эксклужируемых студентами групп.

На основе полученных данных было проведено ранжирование выбранных групп по степени моральной эксклужии. Шкала, используемая в рамках каждого вопроса (100 % в абсолютном выражении), была разделена на пять равных промежутков, в соответствии с которыми исследуемым группам назначалось от 0 до 4 баллов. На основе полученных баллов рассчитывался процент степени морального отчуждения (количество полученных баллов от количества возможных для данной группы). Всего было выделено три степени:

- 1) Низкая степень эксклужии, в которую попали ВИЧ-инфицированные с самым небольшим процентом и люди с РПП.
- 2) Средняя степень, которая включает феминисток и представителей ЛГБТ-сообщества с одинаковым процентом степени исключенности, а также людей, занимающихся сэлфхармом.
- 3) Высокая степень эксклужии включает самые отвергнутые группы, а именно наркоманов и педофилов.

Высокая степень моральной эксклужии по отношению к педофилам и наркоманам достаточно очевидна, так как подкреплена российским законодательством. Поэтому с точки зрения морального исключения наиболее интересно рассмотреть его скрытые формы по отношению к феминисткам, членам ЛГБТ-сообщества и людям, занимающимся сэлфхармом.

В современном мире к числу резонансных тем относятся вопросы о представителях ЛГБТ-сообщества [Осин, 2019], в отношении которых российский социум склонен ориентироваться на традиционные культурные ценности: нравственность, духовность, коллективизм. На основе полученных результатов можно сделать вывод, что, несмотря на тенденцию к проявлению более лояльного отношения к данной группе в западных обществах, российская молодежь склонна к отвержению данной группы.

Феминизм в российском обществе зачастую воспринимается как радикальное течение [Геворкова, 2008], направленное на установление матриархата, что не соотносится с набором фундаментальных ценностей русского народа. Вопреки мнению о том, что феминистки не подвергаются дискриминации, особенно со стороны молодежи, установлено, что в их отношении наблюдается скрытая институционализируемая форма моральной эксклужии, преимущественно среди респондентов мужского пола.

Сэлфхарм, в соответствии с международной классификацией болезней, представляет собой явление, включающее в себя спектр психических заболеваний. Однако студенты московских ВУЗов исключают данную группу из своего морального сообщества, что может быть связано с оценкой их поведения как демонстративного.

Респонденты не проявили негативного отношения к людям с РПП и ВИЧ-инфицированным. Это может быть обусловлено тем, что люди с данными диагнозами не склонны привлекать внимание к себе (это не противоречит культурным коллективистским ценностям российского общества). Тем не менее можно отметить, что мужчины менее лояльно относятся к представителям данных групп, нежели женщины.

Также один из разделов исследования был посвящен социальной желательности как фактору. Из шкалы Дугласа Крауна и Дэвида Марлоу для проведения исследования была отобрана серия вопросов, в большей степени отражающих потенциальное стремление респондентов скрыть от общества свою склонность к социальному и моральному исключению индивидов. В ходе работы было выявлено, что ответы респондентов с высокой и низкой социальной желательностью практически не различаются в процентном соотношении, что может быть обусловлено институционализированной склонностью к эксклюзии упомянутых групп.

По результатам исследования установлено, что все рассматриваемые социальные группы подвержены моральному исключению, степень которого была определена с помощью ранжирования. Подводя итог, можно сделать вывод, что моральная эксклюзия представляет собой всепроникающее культурное измерение. Амбивалентное отношение к группам, подверженным ей, является культурным продуктом общества, в котором мы живем.

Список литературы

1. Abrahamson P. Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 158—166.
2. Колесникова А. А., Семенова А. В. Психологические причины и особенности проявления расстройств пищевого поведения в подростковом возрасте // *Педагогика: история, перспективы*. 2021. Т. 4. № 4. С. 54—61.
3. Божков О. Б., Протасенко Т. З. О проблемах гомосексуальных отношений: социологический аспект // *Петербургская социология сегодня*. 2019. № 12.

4. Бохан Н. А. и др. Обзор исследований несуицидальных форм самоповреждений по шкалам и опросникам NSSI // Суицидология. 2020. Т. 11. № 1 (38). С. 70—83.
5. Вартанян Г. А. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних: судить или лечить? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 3. С. 140—150.
6. Вовк Е. ВИЧ/СПИД в России: образ проблемы и стратегии поведения // Социальная реальность. 2006. Т. 11. С. 7—24.
7. Геворкова К. В. Феминизм как экстремизм // Философия права. 2008. № 2. С. 55—58.
8. Звоновский В. Б. ВИЧ и стигма // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 4. С. 505—522.
9. Осин Р. В. Отношение к образу ЛГБТ-сообщества у представителей различных социально-демографических групп в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 11.
10. Пантюхина Г. А. Наркомания в России в конце XX-начале XXI в.: причины возникновения и распространения // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 4—2. С. 66—74.
11. Петрулевич И. А. Проблема молодежной наркомании в контексте культурно-правового подхода // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 2 (139). С. 110—113.
12. Пронкина Е. С. Особенности ЛГБТ-дискурса в российских медиа, инициированного дискуссиями о регулировании сексуальности // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 1. С. 71—86.
13. Сизоненко А. Ю. Современные причины развития наркомании в России // Вестник науки и образования. 2019. № 18 (72). С. 70—72.
14. Тихонова Н. Е. Социальная эксклюзия в российском обществе // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 5—17.
15. X60-X84. Преднамеренное самоповреждение // МКБ 10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=20001>.
16. Opatow S. (1995) Drawing the Line: Social Categorization, Moral Exclusion, and the Scope of Justice. In: Conflict, Cooperation, and Justice: Essays Inspired by the Work of Morton Deutsch. Ed. by B. B. Bunker, J. Z. Rubin. Jossey-Bass/Wiley. P. 347—369.

- 146
17. Passini S. (2010) Moral Reasoning in a Multicultural Society: Moral Inclusion and Moral Exclusion. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 40. No. 4. P. 435—451.
 18. Passini S., Morselli D. (2017) Construction and Validation of the Moral Inclusion/Exclusion of Other Groups (MIEG) Scale. *Social Indicators Research*. Vol. 134. No. 3. P. 1195—1213.
 19. Psychometric Properties of the PTSD Checklist for Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders — Fifth Edition (PCL-5) in Veterans. *Psychological Assessment*.

О. В. Епархина

ТРОПОФОБНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЕПАРХИНА Ольга Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

E-MAIL: gelaq@mail.ru

Аннотация. Цель работы — выявление содержания термина «тропофобия» и его существенных признаков применительно к российскому социуму 2019—2022 гг. Исследование предполагало воссоздание и применение на практике исследовательского конструкта «тропофобные настроения и установки». Методологической основой стала теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Исследование проведено путем вторичного анализа данных количественных исследований, а также с помощью техник глубинного интервью в рамках допандемийного, пандемийного и постпандемийного периодов. В результате выявлен ряд характеристик респондентов, позволяющих квалифицировать их социальные настроения и установки как тропофобные, в частности, как присущие футурофобии, технофобии, неофобии. К проявлениям тропофобии можно отнести отрицание/преувеличение значимости традиций, рост консервативных и реакционных настроений, отрицание значимости изменений, рост интереса к конспирологическим теориям. Также тропофобные настроения могут выражаться в отказе от киберсоциализации, искажении детерминант принятия технологий. Страх и тревожность становятся неизменными спутниками современного россиянина. О подобных проявлениях говорят свыше половины опрошенных, причем, по их оценкам, интенсивность и число таких проявлений за три последних года возросли более чем вдвое. Полученные данные могут представлять интерес для изучения поведения индивидов и групп в условиях неопределенности.

Ключевые слова: тропофобия, футурофобия, будущее, социальные изменения, технологии, социальные установки

Термин «тропофобия» вошел в социологический словарь и занимает в нем все более важное место, в частности, мы встречаем его не только в эмпирических социологических исследованиях, но и в словарях и теоретических работах отечественных и зарубежных авторов. Тропофобия определяется как страх перемен, который особенно усиливается, когда стремительные технологические изменения ведут к социальным и психологическим переменам [Киселева, Семенова, 2021: 22]. На сегодняшний день имеются все основания говорить о распространении тропофобных настроений и установок в различных слоях российского общества.

Тропофобные настроения и установки проявляются в футурофобиях разного рода, отрицании или, напротив, преувеличении значимости традиций и обычаев как попытке укорениться в быстро меняющейся реальности, росте консервативных и реакционных настроений, отрицании значимости изменений как таковых, росте интереса к конспирологическим теориям в попытке снять социальную и психологическую напряженность и найти психологически комфортную схему объяснения мира. Также тропофобные настроения могут выражаться в отказе от киберсоциализации, искажении детерминант принятия технологий (преимущества технологии, усилия для ее использования, социальное влияние и т. п.), неофобиях и технофобиях, то есть во внутреннем сопротивлении, возникающем при использовании или даже обсуждении технологий, страхах и тревогах, связанных с ними.

Целью работы является выявление содержания термина «тропофобия» и его существенных признаков применительно к российскому социуму 2019—2022 гг. Задачами исследования выступают: реконструкция и воссоздание, а также использование на практике исследовательского конструкта «тропофобные настроения и установки», выявление проявлений тропофобных настроений в различных социальных слоях. Методологической основой исследования стала теория конструирования социальной реальности П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995; Якимова, 1999].

Эмпирическое исследование осуществлялось путем вторичного анализа количественных данных методами непараметрической статистики, а также с помощью техник глубинного интервью в рамках допандемийного, пандемийного и постпандемийного периодов.

Для вторичного анализа количественных данных были использованы три массива, сформированных соответственно весной 2019, 2020 и 2021 годов ($N = 800$ ежегодно, респонденты старше 18 лет, равные

доли мужчин и женщин, стратифицированная выборка с элементами случайного отбора) в рамках опросов, посвященных социальному самочувствию, проведенных кафедрой политологии и социологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Массивы количественных данных в качестве неосновной информации содержали ответы на вопросы о представлениях респондентов о будущем, его восприятии, страхах и надеждах на будущее, сопоставлении с текущей ситуацией. Для вторичного анализа данных использовались методы непараметрической статистики, различные корреляционные модели с использованием сконструированных переменных.

Для качественного анализа использовались серии глубинных интервью, реализованные автором в Ярославской, Костромской и Московской областях весной 2020, 2021, 2022 гг. ($N=86$, $N=100$, $N=80$ интервью соответственно). Респонденты сгруппированы по возрасту (18—30 лет, 31—50 лет, старше 50 лет), уровню образования, с равным распределением по полу; также при отборе респондентов учитывались семейное положение и тип занятости. Метод исследования — реконструктивный перекрестный анализ. Метод сбора материала — трехчленная структура интервью, гайд-ориентир содержал девять тематизаций: от общих схем восприятия себя, окружения и социума в контексте настоящего и будущего до восприятия общественных, медийных и властных институтов в указанных контекстах. Техники и методы обработки материала можно свести к следующим: реконструктивный анализ П. Томпсона, многоступенчатые техники анализа В. Лабова и К. Риссмен, тематизация по Е. Ярославской-Смирновой, процедуры последовательного кодирования А. Страусса и Дж. Корбина.

Как показывают данные проведенных нами исследований, свыше половины респондентов в той или иной степени подвержены тропофобным настроениям и установкам, причем три волны опросов показали последовательный рост таких настроений почти вдвое за 2019—2021 гг. Особый интерес представляет тот факт, что они практически одинаково интенсивно проявляются как у респондентов зрелого возраста, так и у молодежи в возрасте 18—25 лет. Более выражены подобные настроения у женщин, нежели у мужчин; а вот уровень образования может формировать совершенно различные схемы отношения к новой цифровой реальности: так, респонденты с низким уровнем образования и высоким уровнем образования, как правило, испытывают менее выраженные тропофобные настроения и установки, в то время как респонденты со средним, средним профессиональным образованием — более выраженные.

Основной причиной формирования таких настроений и установок можно назвать информационное неравенство, то есть ситуацию, когда по ряду причин у больших групп населения отсутствует доступ к современным технологиям и ресурсам. Это провоцирует людей конструировать реальность, исходя лишь из имеющегося набора стереотипов и понятий, который является явно редуцированным применительно к реальности действительной. Информационное неравенство во всех его аспектах (различная способность людей к восприятию нововведений, неравномерность формирования информационной среды функционирования личности, лингвистический и когнитивно-семантический аспекты, то есть языковые и понятийные барьеры, неравенство инфраструктурных возможностей, мировоззренческий и пр.) способствует конструированию определенных образов информационного общества, цифровизированного общества, образа человека и его антропологических характеристик исходя из упрощенных моделей, неспособных объяснить значительную долю картины реальности. В то же время, не обладая механизмами стабилизации сознания, либо имея в наличии устаревшие механизмы адаптации, большая часть респондентов проявляет тропофобные реакции на любые значимые события общественной, политической, экономической жизни.

Результатом проведенных эмпирических исследований стало воссоздание и применение на практике исследовательского конструкта «тропофобные настроения и установки». Было выявлено содержания термина «тропофобия», определены его существенные признаки применительно к российскому социуму 2019—2022 гг.

В результате проведенных исследований можно сделать следующие выводы. Исследовательский конструкт «тропофобные настроения и установки» вполне релевантен в современной исследовательской практике при условии проработанности его содержания. С помощью этого конструкта выявлен ряд характеристик респондентов, позволяющих квалифицировать их социальные настроения и установки как тропофобные, в частности, как присущие футурофобии, технофобии, неофобии. К проявлениям тропофобии можно отнести отрицание/преувеличение значимости традиций, рост консервативных и реакционных настроений, отрицание значимости изменений, рост интереса к конспирологическим теориям. Также тропофобные настроения могут выражаться в отказе от киберсоциализации, искажении детерминант принятия технологий. Страхи и тревожность становятся неизменными спутниками современ-

ного россиянина. О подобных проявлениях говорят свыше половины опрошенных. Факторами интенсификации тропофобных настроений могут выступать пол, уровень образования, информационное неравенство респондентов, а также наличие или доступность адаптационных моделей и схем действия в личном или групповом репертуаре.

В ходе исследования были выявлены некоторые ограничения для использования количественных методов, связанные преимущественно с затруднениями респондентов при выборе и обосновании своих мировоззренческих позиций в рамках опросника. В то же время качественные методы при общей своей информативности показали некоторую уязвимость в силу склонности респондентов старших групп к воспроизводству социальных стереотипов в объяснительных моделях. В целом исследование показало как ограничения, так и возможности использования конструкта «тропофобные настроения», а также дало первичный материал для изучения поведения индивидов и групп в условиях неопределенности.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995.
2. Киселева Л. С., Семенова А. А. Цифровое общество. Словарь-справочник. М.: Проспект, 2021.
3. Якимова Е. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М.: ИНИОН, 1999.

Г.Д. Гриценко

ЭТНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ЭКСПЕРТЫ О РИСКАХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Россия

E-MAIL: dissovet@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8281-7409

Аннотация. В публикации на основе анализа результатов опроса экспертного сообщества Северного Кавказа исследуется функциональное назначение этнизации общественной жизни в регионе. Большинство экспертов оценивают процесс этнизации как результат политико-управленческих просчетов, обуславливающих конфликтогенность этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Актуализации этнизации социально-политической жизни в регионе способствуют риски «принятия решения», среди которых выделяются абсолютизация национально-территориального принципа государственного устройства, несбалансированность социально-экономических программ и проектов, мифологизация истории этносов, непродуманность языковой политики. Часть экспертов указывают на другое функциональное назначение этнизации общественно-политической жизни. Утверждается, что это процесс закономерный и объективно детерминированный, имеющий прогрессивный тренд, но и оказывающий дестабилизирующее воздействие. Соотношение между данными характеристиками исследуемого процесса определяется качеством «принятия решения». Двойственность оценки этнизации политической сферы сводится к результатам субъективно-управленческой деятельности современной политической элиты российского общества, а именно к рискам «принятия решения», к рискам неопределенности. Уровень конфликтогенности этнизации общественно-политической жизни, делают вывод эксперты, зависит от адекватности принимаемых решений, эффективности политики управления в целом, от качества политических элит.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе», грант РФФИ № 20-011-00132.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнизация общественно-политической жизни, рискогенные факторы, риски принятия решений, неопределенность

Положительные изменения в этнополитической ситуации на Северном Кавказе, проявляющиеся в наметившемся переходе от негативного конфликтологического сценария развития региона к умеренному, как показывает социальная практика, не носят устойчивый характер [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко, 2021; Авксентьев и др., 2019]. По-прежнему сохраняются риски, снижающие уровень стабильности и безопасности в северокавказском сообществе [Avksent'ev et al., 2020]. Кроме того, имеют место процессы, характеризующиеся противоречивостью функционирования, среди которых чаще всего называется процесс этнизации общественной жизни [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко, 2020]. Сложность, противоречивость, нестабильность общественной жизни на Северном Кавказе дают основание определять северокавказское сообщество как общество неопределенности [Гриценко, 2020]. В этих условиях важно регулярно проводить мониторинг этнополитических процессов с целью определения тенденций, преобладающих в этнополитической сфере северокавказского макрорегиона, и понимания последствий, к которым они могут привести.

В ходе исследования использовалась методология, ориентированная на конфликтологический и рискологический анализы. Обращение к конфликтологическому подходу дает возможность рассматривать этнополитическое противостояние как столкновение при реализации своих интересов этнических антрепренеров, опирающихся на политическую мобилизацию этнических групп [Аклаев, 2008: 25] и использующих некое иррациональное начало, кроющееся в этнокультурных стереотипах, мифологизированных представлениях, исторических травмах и т.д. [Тишков, Шабаетов, 2011: 205]. Опора на рискологическую парадигму обеспечивает понимание процесса нарастания рискогенности как неотъемлемой черты современной эпохи [Веск, 1999: 135] и осознание сосредоточенности рисков в организационно-управленческой сфере современного общества как рисков «принятия решений», рисков неопределенности

и, следовательно, ответственности субъекта, принимающего решение [Luhmann, 1993; Яницкий, 2001].

В качестве эмпирического метода использовался опрос экспертов, применение которого расширяет исследовательскую базу за счет включения аналитического материала, предоставленного экспертами. Экспертный анализ продуктивен как уникальными оценками сегодняшнего дня, проблем и достижений современного этапа этнополитического развития северокавказского общества, так и прогнозами возможных управленческих решений по снижению латентной этнополитической напряженности на Северном Кавказе и его дальнейшей интеграции в российское политическое и социокультурное пространство.

Экспертный опрос, в котором приняли участие 20 экспертов, представляющих Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область, Адыгею, Дагестан, Карачаево-Черкесию и Северную Осетию-Аланию, проводился в ноябре 2020 г.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов относительно этнополитических процессов на Северном Кавказе. Этнополитические процессы характеризуются различными тенденциями в столь полиэтничном, многоконфессиональном, традиционном сообществе, в общественном сознании которого актуальны исторические мифы, исторические травмы, что поддерживает потенциал протестного настроения. Наиболее значимой тенденцией в современных условиях на Северном Кавказе является процесс этнизации, в результате которого реальностью общественной жизни северокавказского сообщества стала политизированная этничность. Такую оценку дало абсолютное большинство экспертов (18 аналитиков из 20).

Прежде чем раскрыть всю палитру точек зрения экспертов на причины мощности процесса этнизации, озвучим мнение тех двух экспертов, кто считает неактуальным вопрос об этнизации политики и политизированной этничности. Так, один из экспертов полагает, что *«политизированная этничность в конце 1990-х и в начале нулевых была единственно эффективным инструментом этнополитических элит в их борьбе за передел власти и собственности. Это была яростная, бескомпромиссная, беспрецедентная по своей жестокости схватка не на жизнь, а на смерть! <...> Сегодня, когда передел власти и денег завершен, а отношения между элитами все больше становятся цивилизованными, уже нет необходимости „политизированную этничность“ воспроизводить»*. Другой аналитик видит выход на первый план в борьбе определенных политических элит

за свои интересы конфессионального фактора, а к использованию политизированной этничности этнические антрепренеры прибегают сегодня крайне редко.

Среди аналитиков, придерживающихся мнения о значимости в настоящее время процесса этнизации политической сферы региона, следует выделить ту часть из них (15 экспертов из 18), кто полагает, что данный процесс есть непосредственный источник конфликтов. При этом, как подчеркивают участники опроса, *«сама по себе этничность и этническое многообразие не конфликтогенны»*; этничность становится конфликтной в результате *«мобилизации определенной группы людей, идентифицирующей себя с той или иной этнокультурной общностью, на достижение политических целей. <...> Включение в политические процессы и постановка политических целей перед этнической группой обязательно вызовет презентацию интересов данной группы с помощью этнической риторики, что канализирует борьбу за политические цели в плоскость межэтнических взаимодействий, в том числе и конфликтных»*. По оценкам экспертов, *«мобилизация этнических масс превращается в продукт этнического национализма, который порождает сепаратизм, территориальные и статусные претензии к государству, региону, соседним этническим сообществам»*.

Представители экспертного сообщества, придерживающиеся конфликтологического подхода, полагают, что этнизация общественной жизни и функционирование политизированной этничности есть результат субъективно-управленческих просчетов, «ошибок» в принятии решений политической элитой или этническими антрепренерами, результат сосредоточенности рисков неопределенности в организационно-управленческой сфере. Актуализация этнизации политики на Северном Кавказе, вызвана рядом рискогенных факторов. К ним прежде всего была отнесена абсолютизация национально-территориальной организации государственной власти. Вот что говорят эксперты по этому поводу: *«этнические административно-территориальные образования, отождествление с которыми способствует развитию у населения „регионально-этнического“ уровня национальной идентичности»*, поддерживают этнизацию на Северном Кавказе; этнизация социально-политической жизни *«воспроизводится самой структурой региональных субъектов федерации, представленной республиками»*. К наиболее ярким высказываниям можно отнести следующее: *«в федерализме России с учетом присутствия административно-территориальных и национально-территориальных субъектов изначально*

заложен принцип этнизации политики. Это проявляется, в частности, в дискуссиях по поводу „титულიности-нетитულიности“ этносов, неся в себе конфликтогенность».

Предсказуемо среди рискогенных факторов этнизации региональной политической жизни названы «неразрешенность многих, прежде всего социально-экономических, проблем в регионе» из-за «недостаточного внимания центра» к данному аспекту жизнедеятельности жителей региона, а также исторически сложившиеся этнотерриториальные споры внутри республик и между ними.

Далее эксперты к рискогенным факторам причислили активизацию мифотворчества, а именно мифологизацию истории тех или иных этносов, нередко ведущую к «войне историй», дополненную актуализацией исторических травм, что служит манипуляции общественным сознанием.

В качестве рискогенных факторов называют также непродуманность языковой политики, что проявляется, в частности, во «внесении изменений в законодательство России о языках, предполагающих добровольное изучение национальных языков».

Некоторые эксперты высказали иную точку зрения на процесс этнизации политической сферы, рассматривая его в качестве закономерного, объективно детерминированного процесса:

«На практике все функциональные проекции этничности невозможны вне политики, вне политико-административного управления, политического позиционирования. <...> Этничность в рамках общественно-политических процессов не может не быть политизированной». Это обусловлено, по утверждению экспертов, тем, что «любой этнокультурный, этнотерриториальный вопрос, например, сохранение родного языка, обрядов, традиций или <...> реализация конфессиональных интересов <...> можно решать только в контексте государственной национальной политики политико-управленческими методами» и с помощью таких феноменов и институтов политики, «как политическое решение, политическая воля, политическое принуждение, политический дискурс, политические сети, политический PR и GR и др.»

Этнизация общественно-политической жизни на Северном Кавказе несет с себе как положительный, так и негативный аспекты, что характерно для любого закономерного процесса. Собственно поэтому, убеждены эксперты, важно отслеживать баланс «плюсов» и «минусов», чтобы вовремя корректировать процесс этнизации политики, не доводя до на-

копления критической массы рискогенных факторов, дестабилизирующих этнополитическую ситуацию в регионе: качество «реализации» закономерного процесса этнизации обуславливается качеством принятия решения политической элитой. Так, согласно точке зрения данных экспертов, негативные аспекты этнизации социально-политической жизни накапливаются в результате принятия неадекватных решений политическими элитами и, следовательно, концентрации рисков «принятия решений», рисков неопределенности в организационно-управленческой сфере.

Таким образом, в ходе экспертного опроса была зафиксирована этнизация общественно-политической жизни на Северном Кавказе как одна из значимых тенденций региональных этнополитических процессов. С таким взглядом на региональную этнополитическую ситуацию согласны практически все эксперты. Однако в оценивании роли этнизации аналитики не единодушны. Большая часть представителей экспертного сообщества рассматривает этнизацию политики как результат ошибок в организационно-управленческой сфере и называет приоритетные рискогенные факторы, активизирующие этнизацию в качестве непосредственного источника конфликтности и нестабильности в регионе. Некоторые эксперты расценивают данный процесс как закономерность, для которой характерны и позитивные, и негативные проявления. Разность экспертных оценок этнизации осложняет процесс принятия решений по стабилизации этнополитической ситуации в регионе, следовательно, множатся риски принятия решений, риски неопределенности в северокавказском сообществе.

Список литературы

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // Конфликтология. 2021. Т. 16. № 2. С. 81—93. <https://www.doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93>.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Г., Иванова С. Ю., Шульга М. М. Интеграционный потенциал полиэтничного региона в контексте укрепления социокультурной безопасности // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 10. С. 14—21. <https://www.doi.org/10.24158/spp.2019.10.1>.
3. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74—97. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>.

4. Аклаев А. Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2008.
5. Гриценко Г. Д. Общество риска в эпоху нарастающей неопределенности: антропологическое измерение // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 2. С. 143—158. <https://www.doi.org/10.12731/2077-1770-2020-2-143-158>.
6. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
7. Яницкий О. Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия реформирующаяся. 2001. № 1. С. 21—44.
8. Avksent'ev V.A., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shulga M. M. (2020) Risks in the North Caucasus: Deescalation or Potential Escalation of the Ethnopolitical Situation. *Science Journal of VoISU. History. Area Studies. International Relations*. Vol. 25. No. 3. P. 1—15. <https://www.doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.10>.
9. Beck U. (1999) *World Risk Society*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press.
10. Luhmann N. (1993) *Risk: A Sociological Theory*. New York, NY: Walter de Gruyter, Inc.

Ш. Р. Шакурова, Г. Р. Камалова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ ПРАКТИК (СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА)

ШАКУРОВА Шаура Рашитовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Ресурсного центра цифрового проектирования внеурочной деятельности, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
E-MAIL: sh-shaura@mail.ru

КАМАЛОВА Гульдар Рашитовна — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии, социологии и философии, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия
E-MAIL: guldar@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ результатов проведенного исследования «Исследование и разработка методических рекомендаций по применению современных цифровых и интернет-технологий на примере сельских и малокомплектных школ в части обеспечения качественного образовательного процесса» в рамках Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации. Реализовано социологическое исследование сельского учителя в контексте цифровизации школьного образования.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-03-2022-009/3 от 11 апреля 2022 г. на выполнение научно-исследовательских работ (далее — НИР) по теме «Исследование и разработка методических рекомендаций по применению современных цифровых и интернет-технологий на примере сельских и малокомплектных школ в части обеспечения качественного образовательного процесса».

Ключевые слова: цифровые технологии, сельские школы, образовательные платформы, информационные технологии, количественные и качественные методы, фокус-группа, пилотажное исследование

Научно-исследовательский институт стратегии образования ФГБОУ ВО «БГПУ им. Акмуллы» реализует научно-исследовательский проект

«Исследование и разработка методических рекомендаций по применению современных цифровых и интернет-технологий на примере сельских и малокомплектных школ в части обеспечения качественного образовательного процесса». С января по май 2021 г. в рамках проекта было проведено количественное исследование: опрошено 2336 респондентов, что составляет 10% от генеральной совокупности сельских учителей республики [Асадуллин и др.: 7]. Это был первый этап исследования, который позволил сделать замер процессов, происходящих в среде сельских учителей в контексте цифровизации образования.

В целях мониторинга функционирования цифровой образовательной среды в сельской школе и выявления запроса учителей сотрудники Научно-исследовательского института стратегии образования планируют второй этап исследования на основе качественных методов (сентябрь-декабрь 2022 г.). В марте-апреле 2022 г. было проведено пилотажное исследование на базе Кармаскалинского района РБ: проведено две фокус-группы, в которых участвовало 20 респондентов (учителя сельских школ, в том числе малокомплектных). Также было взято два глубинных интервью у библиотекарей школ Кармаскалинского района⁸.

Как показало исследование, респонденты высоко оценивают возможности цифровизации, особо отмечают плюсы бесплатных образовательных платформ: доступность как для сельских детей, так и для сельских учителей. Учителя особо обращают внимание на возможность мотивировать детей с помощью образовательных платформ.

«В Яндексе-учебнике там же бесплатно. Олимпиады выполняли по математике, по русскому, получили грамоты, дипломы».

«Дети любят соревноваться, а вот эти платформы типа Учи.ру как раз дают такую возможность».

В то же время респонденты обращают внимание и на минусы образовательных платформ, а именно необходимость платить за их использование после окончания бесплатного периода.

«Чтобы пользоваться интерактивной доской, ее нужно скачивать, к сожалению, платно, мы не скачиваем поэтому».

⁸ По сути, глубинные интервью по мониторингу электронных библиотек можно считать несостоявшимися, поскольку в этих школах электронных библиотек нет.

«Учи.ру вначале приучает детей, а потом требуют денег, а это — минус для развития сельской школы».

«Навязывание платного периода тормозит формирование навыков самостоятельной работы школьников».

«Дети занимаются до платного — и все, они не растут. Откуда в деревне деньги?»

Участники фокус-групп в целом положительно оценивают ИТ в образовательном процессе, однако считают, что некоторые нерешенные проблемы (отсутствие или плохая работа интернета в школе, нехватка технического оборудования, платные платформы, устаревшая техника и т. п.) не позволяют учителям быть эффективными в полной мере. Как оказалось, в некоторых школах интерактивные доски есть только в начальных классах, иногда вместо интерактивной доски используется телевизор. Учителя средних и старших классов в этих школах также хотели бы использовать интерактивные доски в образовательном процессе: *«Мы умеем работать, мы очень хотим с ней работать»*; *«Пожалуйста, я все изучу, только дайте нам ее»*. Интересно, что учителя физической культуры на разных фокус-группах говорили об одном и том же касательно своих уроков — о необходимости использования информационных технологий во время обучения в целях сохранности здоровья детей, предотвращения травм: *«В конце концов, это и безопасность детей: я бы мог сразу показать детям на этих досках, как делать упражнения, детально проработать»*.

Учителя других школ, в которых имеется вся необходимая техника (ноутбуки, интерактивные доски), жалуются, что их техника морально и физически устарела: *«доски старые, поставили в 2013 году»*, *«ноутбуки с 2000-х годов, куда годится»*, *«сломалась доска, и все лежит, никто не чинит»*, *«интернет никакой, бегаем с флешками»*.

По мнению учителей, использование технологий (видеоуроков) особенно удобно во время удаленного обучения и в работе с *«надомниками»* (ОВЗ; *«и те, кто на справке больше месяца»*).

Информационные технологии, считают респонденты, необходимы в образовательном процессе, однако их использование осложнено устаревшей техникой или ее отсутствием.

Учителя высоко оценивают инновационные среды, полагая, что они формируют у школьников изобретательское, креативное, критическое и про-

дуктовое мышление. В школах имеются «Точки роста», которые школьники посещают по расписанию: *«Замечаем, что помогает детям учиться»*. Как оказалось, есть и особо любознательные школьники, которые не ограничились тем, что предлагает им школа: *«Дети даже сами ездили в Технопарки в Уфу»*. Учителя отмечают положительное влияние использования информационных технологий в образовательной деятельности, так как ученики овладевают определенными навыками: *«В четвертом классе уже могут презентацию делать»*; *«Могут найти любую информацию»*.

Высоко оценивая ИТ, учителя все же считают, что ими подменить урок нельзя: *«Использование разных платформ, можем на уроке минут 10 только»*; *«От силы 15 минут»*, *«Они лучше запоминают, когда им говоришь и пишешь на доске»*. Учителя отмечают специфику преподавания в младших классах: *«В книжном магазине беру себе книжечки, и игрушки беру, чтобы детям было можно потрогать, у меня младшие классы, для них еще тактильное восприятие важно»*; *«Доска доской, а детям потрогать же надо. Опять-таки мелкая моторика должна развиваться»*.

Учителя озабочены наличием деструктивного контента и пытаются противодействовать ему различными способами: *«На родительских собраниях говорим, чтобы они проверяли, чтобы подходили к своим детям, следили, в каких группах, чем он занимается вообще»*. Большинство учителей полагают, что в целом все зависит от семьи, а по-настоящему увлеченные дети будут пользоваться ресурсами для своего развития: *«И от ребенка зависит. Вот мы осенью, когда прописи писали, проходили букву В, этот ребенок пришел домой, пока мамы дома нет, попросил Алису показать пропись буквы В. 1 класс!», «Если в семье занимаются ребенком, то никакой зависимости развиваться не будет»*. Таким образом, учителя считают, что родители должны больше общаться со своими детьми, тогда интернет-ресурсы станут полезными в интеллектуальном развитии и дети не будут уходить в виртуальный мир: *«Общение обычное — на первом месте. А то уже общаться не умеем, все в телефонах. Мама и папа сами такой пример показывают»*.

Высокая мотивация учителей в плане повышения квалификации и ИТ-компетенции связана с современными реалиями, поскольку заинтересовать детей непросто.

Учителя посещают курсы, направленные на формирование ИТ-компетенций, так как обязаны повышать квалификацию раз в три года. При этом они предпочитают попасть на бесплатные курсы: *«Если видим бесплатное повышение — проходим сразу. Нам даже сказали: все что бесплатно — берите»*. Интересно, что большинство учителей отдают пред-

почтение тренингам, полагая, что они более эффективны и приближены к практике: *«Тренинги лучше, научимся хоть»*. Респонденты считают заочную форму обучения в большей степени «профанацией», они хотят обучение на практике: *«Учат нас учат, а сами то умеют уроки проводить? Пусть покажут, как проводить, а то так мы тоже умеем с бумажки читать»*; *«По ОБЖ проходил курсы, и что? Нет же никакой практики, случись что — как я буду спасать? Для галочки проводят»*.

Большинство респондентов не видят перспективы своей профессии, поскольку таким образом ответили на вопрос «Каким видят учителя свое будущее?»: *«Сложный вопрос, даже боимся представить. Считается, что вымирающая профессия»*, *«Останется на весь район один человек, будет модерировать уроки у всех»*. Некоторые респонденты хотят поскорее уйти из школы: *«Через год уйду на пенсию»*. Но были и оптимисты, которые считают, что учителя будут нужны всегда: *«Мы не вымрем, врачи и учителя всегда будут»*. Респонденты просят освободить их от *«писанины и отчетов, а еще от дежурств с термометрией. Можно мы вам пожалуемся?»*. Отдельные респонденты надеются, что в школах все же будет выстроена система своевременного оснащения современным оборудованием и будет адекватный интернет.

В результате проведенного исследования был сформулирован запрос учителей:

- 1) техническое оснащение сельских школ, особенно малокомплектных (интернет с хорошей скоростью; современное оборудование);
- 2) тренинги для учителей (интерактивные, с выездом в школы и с выездом в Уфу, должно стать событием, а не рутинной) или другие интересные образовательные программы;
- 3) выезд в Уфу со специальной программой для учителей при посещении инновационных сред, культурная программа;
- 4) участие в мероприятиях, поднимающих статус учителя;
- 5) профориентация: встреча с представителями интересных профессий на базе школы; профориентационные поездки выходного дня (или в дни каникул) с посещением факультетов, инновационных площадок, развлекательных мероприятий, с ночевкой в общежитии — это дает ученикам возможность определиться с выбором вуза.

Список литературы

Асадуллин Р. М., Антошкин В. Н., Левина И. Р., Сергиенко И. В., Фаткулова Д. Р., Мониторинг методического обеспечения применения современного цифровых и интернет-технологий в сельских и малокомплектных школах. Уфа, 2021.

ЯЗЫКОВОЙ ВКУС КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ПАНОВА Марина Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности, Институт бизнеса и делового администрирования, РАНХиГС, Москва, Россия

E-MAIL: pmnaka@mail.ru

Аннотация. Без учета взаимодействия внешних и внутренних факторов изучение языка в социолингвистическом аспекте не имеет перспективы. Результаты проведенного исследования языкового существования государственных служащих, их языкового вкуса, предпочтений в выборе лексических и грамматических единиц, коммуникативных стратегий и тактик показали, что демократизация общественной жизни привела к «раскрепощению» языка. Причем государственные служащие, которые являются влиятельной частью общества, сознательно деформируют привычные для официального языка правила и традиции. Можно наблюдать случаи семантического переосмысления некоторых слов, используемых в значении, не отмеченном в лингвистических словарях (озвучить, обсчитать, артикулировать, прописать и др.), и в этом, новом значении они становятся модными. В терминологическом фонде языка государственного управления появляется также актуальная лексика, связанная с переустройством этого социального института (механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов и т. д.). Оказывая влияние на язык СМИ, активно тиражирующих его, язык госуправления играет значительную роль в формировании языкового вкуса общества.

Ключевые слова: административно-политический дискурс, языковая мода, языковой вкус как социолингвистический феномен

Современную лингвистику характеризует внимание к процессу взаимодействия человека как представителя определенного социума с языком, которым он пользуется. Объектом интереса качественной социологии также «становится прежде всего локальное, специфическое в образе жизни отдельных малых групп. Она исходит из того, что каждая

из локальных ситуаций по-человечески уникальна, содержит особый социальный опыт, который в совокупности складывается в „жизненный мир“ со своей социальной практикой, со своими нормами» [Ядов, 2009: 349]. Результаты исследования «языкового существования» современных чиновников, их языкового вкуса, который представляет собой «принятые в определенное время определенной языковой общностью нормы и стандарты языкового поведения» [Культура русской речи, 2003: 812], дают представление об особенностях этого мира.

«Взаимодействие внешних и внутренних факторов — главный закон в развитии языка, и без учета этого взаимодействия изучение языка в социологическом аспекте не имеет перспективы» [Валгина, 2001: 8]. В 1994 г. в книге «Языковой вкус эпохи» В. Г. Костомаров на обширном фактическом материале описал изменения в речевом поведении современников, связанные с социальными процессами России в конце XX в. Демократизация общественной жизни привела к демократизации языка, активному употреблению просторечия, жаргонизмов, разговорных конструкций в коммуникативных ситуациях, которым раньше оно не было свойственно. Эти процессы «раскрепощения языка», «снижения стиля» затронули и сферу государственного управления. Результаты проведенного исследования показали, что в публичной речи современных чиновников и в наши дни активно используется стилистически сниженная лексика: разговорная, просторечная, специальная (*сопроводилочка, нефтянка, пробуксовывать* и др.) [Панова, 2004: 29].

«Мы посчитали, что металлурги нас (государство, бюджет) — извините за это слово — нахлобучили в части госкапиталовложений и гособоронзаказа примерно на 100 млрд руб.» (А. Р. Белоусов. «Коммерсант», 31.05.2021.)

Рассуждая о понятиях «языковой вкус» и «языковая мода», В. Г. Костомаров связывает их с изменениями в психологической установке людей, их «чутье языка». Понятие языковой моды как «одного из регуляторов языкового поведения, обеспечивающего дифференциацию языковых средств по признаку престижности» [Культура русской речи, 2003: 805], — явление чрезвычайно интересное. Насчет тенденций развития русского литературного языка В. Г. Костомаров еще в 1990-х годах писал, что его черты складываются «...в силу именно осознанной установки, желания следовать определенным вкусам, задаваемым влиятельной частью общества, в целом достаточно образованной и весьма неплохо знающей,

но сознательно деформирующей нормы и стилевые закономерности литературно-языкового стандарта» [Костомаров, 1997: 274].

Часто подобные слова и выражения отсутствуют в толковых словарях, например любимые госслужащими и политиками слова *одномоментно* (в значении «сразу», «одновременно») и *в разы* (в значении «значительно», «существенно», «в несколько раз»), но чиновники и журналисты постоянно используют их. Иногда такие слова характеризуются семантическими и синтаксическими особенностями употребления в сравнении с литературным языком. Глагол *прописать*, например, в административно-политическом дискурсе употребляется обычно в словосочетаниях *прописать в документе, законе* и т. п. в значении «сформулировать», «включить в текст». Глагол *обсчитать* в административно-политическом дискурсе используется в значении «рассчитать», «составить калькуляцию».

«Если правительство в целом эту идею обсчитало и готово приступить к ее реализации, я думаю, что можно действовать» (Д. А. Медведев. «Комсомольская правда», 04.04.2012).

«Можно было четко прописать полномочия федеральные, областные <...> Четко их прописать, как они сейчас есть, и обсчитать их деньгами...» («РБК Дейли», 12.2011).

В наши дни можно наблюдать семантическое переосмысление некоторых слов, которые в речи наших современников все чаще используются в значении, не отмеченном в лингвистических словарях, приобретают новый смысл. Причем именно в этом новом значении они становятся необычайно популярными благодаря СМИ, которые способствуют их распространению в обществе. Некоторые слова, активно используемые в рассматриваемом дискурсе, также становятся модными в обществе. «Языковая мода — одно из проявлений моды как социального явления во всей его сложности и прихотливости» [Культура русской речи, 2003: 806], она существует на всех уровнях языка, но больше всего влияет на словоупотребление.

Например, широко распространенный в речи государственных служащих, а также в современных СМИ глагол *озвучить* употребляется, как правило, в значении «произнести, назвать, сформулировать, сообщить» (например: *озвучить точку зрения*). Вместе с тем в авторитетных толковых словарях его значение — «записать звуковое сопровождение

(фильма) отдельно от съемки», «произвести запись фонограммы к кинофильму (музыки, дикторского текста, шумов» (*фильм озвучен на студии*). В словарях этот глагол сопровождается пометой «проф.» и «спец.» [Панова, 2015: 35].

В связи с оценкой качества городской среды, характеризующего степень ее приспособленности для пешеходов, стало модным выражение *в шаговой доступности*, которое тоже в последние десятилетия используется, например, в выступлениях руководителей префектур, докладывающих о строительстве станций метро, магазинов и школ рядом с жилыми домами (до них можно дойти пешком, сделав, фигурально выражаясь, несколько шагов). В последнее время используются и варианты *в пешей* или *в пешеходной доступности* (англ. Walkability). Эти и другие слова и словосочетания, активно используемые в административно-политическом дискурсе, взяли на вооружение и журналисты.

Появление актуальной лексики, связанной с переустройством социальных институтов, в терминологическом фонде языка государственного управления (*система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета, оценка коррупционности государственных функций, пилотное внедрение стандартов государственных услуг, механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов*) свидетельствует о намерении государства ориентироваться на стандарты эффективного делового администрирования [Панова, 2010: 134].

Нередко новые термины появляются в сфере государственного управления в результате переосмысления значения узкоспециальных терминов, уже существовавших ранее. Так, в законопроектах появилось модное слово *кластер*. *Кластер* — термин, употреблявшийся и ранее в различных областях науки, включен в специальные терминологические словари в универсальном значении — «объединение в систему однородных единиц». В современных академических словарях иностранных слов в новом значении и с новыми иллюстративными примерами слово еще не представлено. Однако, судя по информации в СМИ и ряде документов, уже создаются *агропромышленный, фармацевтический, туристический* и другие *кластеры*. Получили распространение также словосочетания *кластерная концепция, кластерный подход*.

«Мы развиваем нашу промышленность по кластерному признаку» (А. Д. Беглов. «Известия», 13.06.2019).

В текстах ежегодных президентских посланий Федеральному собранию РФ проявляются основные тенденции развития современного русского языка, административно-политического дискурса, «языковой вкус эпохи». Анализ показал, что модные слова, часто заимствованные, встречаются и в них, например существительное *преференции*. В Послании 2010 г. оно используется в связи с законом, «*который устанавливает уникальные преференции*» для тех, кто будет заниматься проектом «Сколково», и в разделе о «*налоговых преференциях*» для многодетных семей. Также в упомянутом Послании употребляется модное заимствование *транспарентность* (речь идет о «*принципах взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости*») [Панова, 2011: 316].

Специфика языка государственного управления состоит в том, что, оказывая влияние на язык СМИ, активно тиражирующих его, и, следовательно, во многом определяя дух эпохи, языковую моду, на протяжении многолетней истории существования в России государственной службы как социального института он играет значительную роль в формировании языкового вкуса общества.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Изд-во Финского Института им. А. С. Пушкина, 1997.
3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003.
4. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. М.: Изд-во РУДН, 2004.
5. Панова М. Н. Модные слова в речи чиновников // Русская речь. 2015. № 6. С. 34—39.
6. Панова. МГУ. Язык государственного управления: тенденции современного административного дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический фак-т. 20—23 марта 2010 г.): Труды и материалы / сост.: М. Л. Ремнева и А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Мос. ун-та. 2010. С. 134.

7. Панова М.Н. Особенности языка и стиля текстов ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию РФ (лингвистический, коммуникативный и ортологический анализ) // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I. Сборник научных статей / сост.: В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова и др. М.: РУДН, 2011. С. 313—319.
8. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. 4-е изд., стер. М.: Омега Л, 2009.

А. В. Швецова

РОЛЕВЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ: БАЛАНС ИЛИ ЖОНГЛИРОВАНИЕ?

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник управления научных исследований, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3379-1959

Аннотация. Статья посвящена анализу противоречий социальной действительности, с которыми сталкиваются современные российские женщины в первые годы материнства. Показано, что попытки совместить надлежащее выполнение обязанностей по воспитанию детей с собственным профессиональным и личностным развитием напоминают скорее жонглирование практиками, чем принятое сравнение с балансом. Цифровая среда отчасти снимает эти противоречия, позволяя реализовывать свои потребности удаленно, однако онлайн-активности молодых матерей и их потенциальные риски слабо изучены. В статье приведены некоторые данные, полученные в результате исследования аккаунтов молодых матерей ($N = 720$, январь-март 2022 г.), свидетельствующие об активной социальной и профессиональной позиции женщин в период декретного отпуска. Основным результатом работы является классификация онлайн-практик на основе доминирующего типа агентности (виртуальной или реальной) и определение их рискогенности.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные „нематеринские“ практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», <https://rscf.ru/project/22-28-00636>.

Ключевые слова: гендерный анализ, материнство, экономическое поведение; интернет, цифровая среда, онлайн-практики, социальные сети

Поиск компромисса между семейными и профессиональными ролями в жизни современной женщины является одной из наиболее актуальных задач повседневной практики и научной рефлексии. Как аспект повсе-

дневной практики он представляет собой перманентный труд по поддержанию «нормального», социально приемлемого уровня хозяйственных и материнских компетенций в сочетании с трудовой активностью. Как область научной рефлексии — концептуализацию изменений в системе гендерных отношений и анализ механизмов, позволяющих совмещать ранее несовместимые ролевые модели.

Академический интерес к теме жизненного баланса отражает «поле напряжения» [Тартаковская, 2019: 165], ощущаемое представителями разных социальных групп как необходимость быть включенным в разноуровневые процессы в один и тот же временной промежуток. Значительная часть исследований имеют гендерную составляющую, фиксируя неизменный дисбаланс и двойную занятость женщин [Савинская, 2013; Чернова, 2017]. Ученые доказали взаимосвязь между уровнем профессиональной удовлетворенности женщин и количеством детей в возрасте до шести лет [Neale-McFall, 2018], выявили специфику стрессовой констелляции работы и жизни при реализации различных жизненных сценариев в том числе в семейной системе с одним родителем [Van Gasse, 2020] и при ведении семейного бизнеса [Day, 2013]. Последнее свидетельствует о том, что термин «баланс», имеющий положительную коннотацию, иногда слишком оптимистичен для описания практик совмещения материнства и работы. Чтобы подчеркнуть экстремальность состояния современных матерей, ученые стали использовать сравнение с жонглированием [Bradshaw, 2002; Powell, 2022], предполагающее случайность и хрупкое равновесие.

Материнство сопряжено с отменой привычного ритма жизни, в том числе изменением в коммуникативных практиках и возможностей самообеспечения. Оптимальной средой для восполнения этих потребностей являются социальные сети, позволяющие реконструировать круг общения и найти возможность для онлайн-заработка, однако мы имеем минимум информации об этих значимых для современных женщин практиках. С целью восполнить пробел в данных о характере онлайн-практик, позволяющих матерям балансировать (или жонглировать) между заботой о детях и возможностями заработка, мы исследовали порядка 720 профилей в социальных сетях (январь-март 2022 г.). Мы собирали только открытые данные и не использовали цитаты, позволяющие идентифицировать пользователя. В выборку были включены женщины, имеющие детей дошкольного возраста и предлагающие на своих страницах услуги и товары разного характера либо коммерциализирующие свой аккаунт

(мамы-блогеры). В каждом случае был выявлен основной тип экономической активности и зафиксированы некоторые количественные данные (детность, количество подписчиков и постов). На основании наблюдения, что исследуемые аккаунты имеют выраженную доминирующую агентность (реальную или виртуальную т. е. аккаунт либо поддерживает и рекламирует реальные практики, либо сам по себе является средством экономической деятельности), мы предложили классификацию видов онлайн-практик.

Особенностью первой группы является выбор практик, направленных на создание продукта или оказание услуг в непосредственном взаимодействии с потребителем (преобладают производство продуктов питания, изготовление одежды, парикмахерские и косметологические услуги, образование и творчество), причем социальная сеть выступает как способ продвижения товара или услуги. Вторая группа сосредотачивается на непосредственном использовании цифровой среды как экономического ресурса (блогерство, онлайн-консультации, сетевой маркетинг) и характеризуется высокой рискогенностью.

Основными факторами, снижающими эффективность онлайн-среды как механизма совмещения материнских и профессиональных практик, являются отсутствие компетенций в области организации бизнес-процессов и высокие риски оказаться жертвой мошеннических схем. Молодые мамы, находясь в ситуации личностной и социальной трансформации, испытывают потребность во внесемейной в том числе профессиональной активности, но не всегда обладают адекватными инструментами ее реализации. Отсутствие концептуального понимания развивающихся нематеринских практик молодых матерей определяет пробелы в соответствующей области социальной политики и делает жизнь многих российских женщин больше похожей на жонглирование, чем на баланс.

Список литературы

1. Савинская О. Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2. С. 142—167.
2. Тартаковская И. Н. Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 163—178.

3. Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1. С. 93—113.
4. Bradshaw D. (2002) Juggling Motherhood and Training Is Tough. *Nursing Standard*. Vol. 17. No. 6. P. 30.
5. Day A. (2013). Balancing the Business of Family: Family Business Daughters' Tensions Between Motherhood and Work. *Atlantic Journal of Communication*. Vol. 21. P. 125—148.
6. Neale-McFall C., Eckart E., Hermann M., Haskins N., Ziomek-Daigle J. (2018) Counselor Educator Mothers: A Quantitative Analysis of Job Satisfaction. *Counselor Education and Supervision*. Vol. 57. No. 2. P. 205—220.
7. Powell K. (2022). The Superhero Skills Needed to Juggle Science and Motherhood. *Nature*. No. 602 (7898).
8. Van Gasse D., Mortelmans D. (2020). Single Mothers' Perspectives on the Combination of Motherhood and Work. *Social Sciences*. Vol. 9. No. 5. P. 85.

Т. И. Ларина

РИСКИ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ЛАРИНА Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-MAIL: larina-ti@rudn.ru

ORCID: 0000-0001-6167-455X

Аннотация. Современная социально-политическая повестка актуализирует вопросы социального самочувствия молодежи, в том числе ее протестного потенциала. Особенно важна в данной связи самая реактивная группа молодежи — студенчество. В тезисах приведены результаты социологического опроса московского студенчества (Московского государственного университета, Российского университета дружбы народов и научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», $N = 1437$, квотная выборка, квоты по направлению обучения), которые демонстрируют некоторые коллизии протестного потенциала студенчества, а также данные исследования по зависимости диспозиций экстремизма от уровня эмпатии. В заключение приводится ряд рекомендаций по минимизации протестного потенциала студенчества.

Благодарность. Тезисы подготовлены в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук «Разработка социологической методики диагностики группы риска экстремистского поведения среди молодежи» (МК-1466.2022.2).

Ключевые слова: протестный потенциал, студенчество, эмпатия, консерватизм, либерализм, опросы

Протестный потенциал — социальный индикатор, к которому приковано особое внимание политологов, социологов и других ученых, исследующих общество и занимающихся прогнозами. В последние годы молодых людей стала больше интересовать политическая жизнь нашего

государства [Вардикян, Николаева, Савченко, 2021], в молодежной среде наблюдается определенная степень недовольства и фрустрации, вызванная как конкретными социально-экономическими причинами, так и повышенным уровнем тревожности [Керимов, Эбзеев, 2022], связанной с ситуацией вокруг пандемии коронавируса и с общей внешнеполитической ситуацией в 2022 г. Молодежный протест может стать непредсказуемым и малоуправляемым процессом, поэтому недооценивать эти риски нельзя.

В статье кратко описаны результаты исследований московского студенчества, связанных с протестным потенциалом.

В мае-сентябре 2021 г. был проведен анкетный опрос, в ходе которого опрошены студенты трех классических вузов Москвы — МГУ им. М. В. Ломоносова, РУДН и НИУ ВШЭ — с целью изучения специфики социально-политического поведения студенческой молодежи. Тип выборки — квотный. В основу выборочной совокупности положены следующие критерии: направление специальности (социально-гуманитарные, естественные, технические и медицинские), а также ступень обучения. Всего опрошено 1360 московских студентов.

Первый аспект, который мы рассмотрим, касается дихотомии «консерватизм — либерализм». Студентам было предложено выбрать между гражданством двух стран: консервативной (N), но с силовыми методами по сохранению порядка, или либеральной (L), где больше свобод и существует вседозволенность (ответы на вопрос: «Представьте, что у Вас есть выбор между гражданством двух стран. Страна N — консервативная, в ней царит порядок и стабильность, но иногда власть прибегает к силовым методам по сохранению порядка, и страна L — либеральная, где у граждан больше свобод, но царит вседозволенность. Гражданство какой страны Вы бы выбрали?») (рис. 1). Данные показали, что выбор между двумя этими странами неочевиден и примерно равное количество студентов выбирают и тот, и другой варианты ответов. Однако студенты НИУ ВШЭ гораздо более либеральны, чем остальные, что подтверждает устоявшиеся стереотипы об этом вузе и актуализирует дополнительное изучение гражданско-политической позиции вуза.

Переходя непосредственно к протестной активности, студентам был задан вопрос, затрагивающий восьмью шкалу в методике диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова [Давыдов, Хломов, 2017]. Высокой протестной активностью обладают 27 % опрошенных студентов, в то же время показатели либеральности

оказались в обратной связи с показателями протестной активности: в НИУ ВШЭ самое меньшее количество студентов с высокими показателями протестной активности (12,6%), больше же таких студентов среди студентов РУДН (47%) (см. рис. 2). Однако следует учитывать, что ответы на вопросы не указывают напрямую на то, что студенты на самом деле продемонстрируют протестные действия, — это всего лишь высказанное мнение в актуальный момент. Учитывая парадокс Ла Пьера, высказанные мнения далеко не всегда соотносятся с реальным поведением индивида, в чем и заключается болевая точка многих социальных наук.

Рис. 1. Выбор студентами гражданства одной из стран. Распределение по вузам

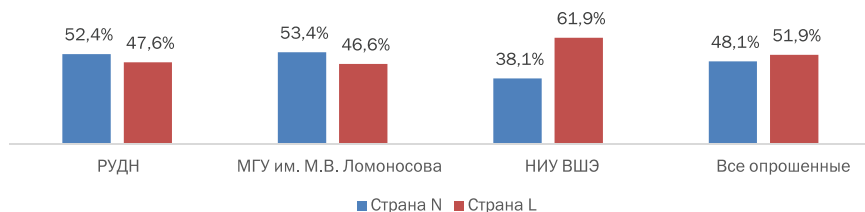
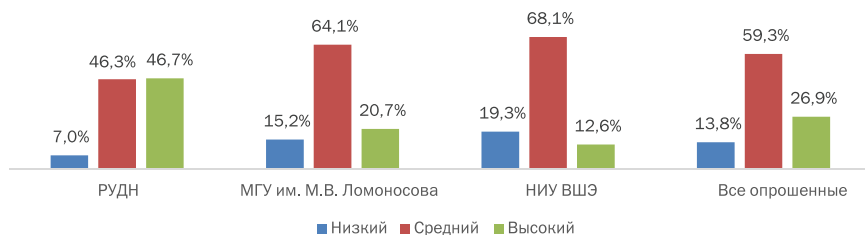

Рис. 2. Уровень протестной активности. Распределение по вузам

Почти половину студентов на протесты могут побудить нечестные выборы (45%), несогласие с их итогами, на втором месте — протест против власти (39%), на третьем — гражданский долг (37%), далее желание общественных перемен (33%), далее — коррупция на государственном уровне (29%), каждый десятый отметил настроенность против определенной партии, еще 8% интерес или любопытство, и только 7% будут протестовать за компанию с друзьями. При этом нечестные выборы гораздо более волнуют студентов из РУДН (58%), а желание общественных перемен будет двигать студентами из МГУ и НИУ ВШЭ (41% и 36%

соответственно). Коррупция возмущает студентов из НИУ ВШЭ и МГУ больше, чем студентов из РУДН.

В январе-феврале 2022 г. был проведен другой опрос, имеющий целью проверку гипотезы о наличии взаимосвязи между уровнем эмпатии и склонностью к насильственному экстремизму. Опрошено 300 студентов московских вузов от 17 до 22 лет, по 25 мужчин и 25 женщин в каждой возрастной группе. Данный возраст выбран ввиду наибольшей подверженности экстремистскому риску. Основные выводы, которые можно сделать:

- Чем ниже уровень эмпатии, тем выше склонность к конвенциональному принуждению и мистичности, деструктивности и цинизму среди юношей.
- По всем диспозициям у девушек обратная тенденция: чем выше уровень эмпатии, тем выше склонность к насильственным диспозициям (если не учитывать группу девушек с высоким уровнем эмпатии, которая немногочисленна).

Данные результаты показывают разницу в рисках быть вовлеченными в экстремистские группировки по полу.

Рассмотрев полученные результаты, можно прийти к ряду рекомендаций по минимизации протестного потенциала студенчества:

- 1) В дальнейшем планируется продолжение исследования с использованием полной методики диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д. Г. Давыдова и К. Д. Хломова с учетом всех диспозиций: культ силы, допустимость агрессии, интолерантность, конвенциональное принуждение, социальный пессимизм, мистичность, деструктивность и цинизм, нормативный нигилизм, протестная активность, антиинтрацепция, конформизм. В ходе опроса, который будет реализован в 2022 г., планируется выявление взаимосвязи между склонностью студенческой молодежи к экстремистскому поведению и ее психотипом, уровнем внушаемости и эмпатии.
- 2) В ходе реализации образовательной политики в вузах необходимо сочетать образовательные инициативы с предоставлением возможности проявления гражданской активности молодежи, что минимизирует ее потенциальную склонность к агрессии.
- 3) Необходимо продолжение мониторингов качества образования в российских вузах на государственном уровне.
- 4) Акцент на ценностях безопасности во время реализации образовательных мероприятий внеучебной работы.

5) Необходима разработка комплексной социологической методикой с применением знаний из области психологии, профайлинга, социологии эмоций на основе социологических методов (эксперимент, фокус-группы, опросы), которая может быть использована в вузах при проведении воспитательной работы, а также ряда рекомендаций по противодействию вовлечения молодых людей в потенциально опасные социальные группы (экстремистского риска). В частности, стало понятно, что при проведении воспитательной работы нужно уделить особое внимание молодым людям с низкими показателями эмпатии и девушкам — с высокими. Работа над методикой уже ведется.

Список литературы

1. Вардикян М. С., Николаева А. А., Савченко И. А. Социологическое исследование протестных настроений современной молодежи // Власть. 2021. № 1.
2. Керимов А. А., Эбзеев А. А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 104—123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104.
3. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78—98.

Т. В. Игнатова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ИГНАТОВА Татьяна Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, сотрудник, Академия федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия

E-MAIL: tign57@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается молодежная политическая культура как сложный феномен. Обосновывается ее место в политической культуре общества. Эмпирическую основу исследования составили данные анализа количественных и качественных данных. Анализируются вторичные данные исследования центров изучения общественного мнения. Выявлены основные причины невключенности в молодежи политическую сферу.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура, элементы политической культуры, виды политической культуры

В связи с трансформационными процессами в российском обществе актуализируется вопрос о доминирующей тенденции развития политической культуры населения. Проблемы политической культуры являются предметом исследования многих наук: политологии, социологии, философии, конфликтологии и других. Однако содержание термина «политическая культура» уточняется с развитием и изменениями, происходящими в обществе. Вопросы исследования данной проблемы настолько многогранны, насколько и подходы к ее пониманию.

Основу ориентационного подхода к пониманию политической культуры и анализу элементов ее структуры в своих трудах заложили Г. Алмонд и С. Верба [Алмонд, Верба, 1992].

Несмотря на то, что вопросы политической культуры разрабатываются на протяжении длительного времени, в поле зрения отечественных социологов это понятие попало не так давно. Специфика предметной области социологического подхода к исследованию, анализу и объяснению политической культуры проявляется в двух взаимосвязанных положениях: с одной стороны, внимание социологов направлено на микроуровень, на котором происходит понимание индивидов и их действий

в сфере политики; с другой стороны, социологи акцентируют внимание на политической культуре как на внеприродной детерминанте действий, которые осуществляют индивиды в процессе своей политической жизни. Для России исследование данной проблемы имеет свою специфику и имеет особую значимость. Благодаря прямому или косвенному воздействию различных детерминант составляющие политическую культуру элементы, как в целом и ее облик, могут меняться.

Совокупность политических ценностей, установок и образцов социальных практик политической деятельности выступают основой политической культуры постсоветской России. Молодежная политическая культура является сложным феноменом и выступает составной частью базовой культуры общества, культурной подсистемой внутри нее. Однако она имеет характерную для нее систему ценностей, установок, ориентаций, модели поведения и т. д.

Молодежную политическую культуру как совокупность ценностных ориентаций и сформировавшихся позиций рассматривают О. М. Карпенко, И. А. Ламанов [Карпенко, Ламанов, 2006], О. Б. Шульчева [Шульчева, 2011]. Авторы представляют ее в следующих видах:

- эффективная (сопричастность молодежи к политическим событиям);
- оценочная (оценочная деятельность политических событий);
- познавательная (недостаточно знаний о тех или иных политических действиях, трудности при оценке политических идей, лозунгов, призывах).

Знания о политике, оценка политических явлений, эмоциональная сторона политических позиций, образцы политического поведения, характерные для данного общества, выступают основными элементами политической культуры.

Анализ результатов вторичных данных исследований ВЦИОМ⁹, ФОМ¹⁰ и «Левада-Центра»^{11*} показывают небольшой интерес молодого поколения к политической сфере жизни общества, растет негативизм и оппо-

⁹ Карьера российской молодежи: перспективы и трудности // ВЦИОМ. 17.09.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karera-rossijskoj-molodezhi-perspektivy-i-trudnosti>; Молодежь ломает стереотипы // ВЦИОМ. 22.03.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002>; Формирование тревог и страхов среди молодежи под влиянием пандемии и кризиса // ВЦИОМ. 27.10.2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-10-27_doklad.pdf.

¹⁰ Политические взгляды и протестный потенциал молодежи // ФОМ. 25.10.2016. URL: <https://fom.ru/Politika/13045>; Протесты: отношение и представления об эффективности // ФОМ. 02.09.2020. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14445>.

¹¹ * Организация, выполняющая функции иностранного агента. Более 80% молодежи равнодушны к политике // Левада-Центр. 30.04.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike>.

зиционность молодых людей, возрастает одобрение протестных акций, теряется доверие ко многим государственным институтам. Рассматривает политику как профессиональную сферу самореализации лишь незначительная часть этой социальной группы.

Основными причинами невключенности в политическую сферу, которые отметили молодые респонденты, выступили незаинтересованность, отсутствие результативности, неверие в возможность влиять на ситуацию. В ходе проводимых автором фокус-групп молодые люди также выделяли такие причины, как «нет партий и политиков, подвигающих актуальные идеи», «принижение значимости молодежи в политике» и даже «страх».

Однако стоит заметить, что в то же время молодежь спокойнее относится к проводимой политике, более положительно оценивает свое самочувствие, чем старшие респонденты. В период пандемии эти показатели снизились, но незначительно по сравнению с трудоспособным населением и группой пенсионного возраста.

Таким образом, облик политической культуры определяет связь между государством (макроуровень) и политическим поведением, политическим сознанием отдельных групп граждан (микроуровень). Процесс формирования политической культуры молодежи имеет непрерывный, сложный характер и должен быть целенаправленным, а не хаотичным. Мы поддерживаем позицию С. И. Никулиной [Никулина, 2008], А. В. Селезневой [Селезнева, 2022] и других авторов, что «эффективная политическая социализация молодого поколения является необходимым условием устойчивого развития общественно-политической системы Российской Федерации и во многом определяет облик будущего страны. Перспектива дальнейшего развития общества связана, прежде всего, со спецификой формирования политической культуры молодежи, ее политических ценностей, социально-политическими ориентациями, политическим выбором и отношением к власти, которые обусловлены спецификой ее политической социализации» [Никулина, 2008].

Список литературы

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122—135.
2. Игнатова Т. В. Политическая активность как основная форма политического участия российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 3—12.

3. Карпенко О. М., Ламанов И. А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Современный гуманитарный университет, 2006.
4. Никулина С. И. Политическая культура молодежи Российской Федерации и ее развитие в условиях реформ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2008.
5. Российское «Поколение Z»: установки и ценности // Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>.
6. Селезнева А. В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон. 2022.
7. Шульчева О. Б. О проблемах формирования ценностных основ политической молодежной субкультуры // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2. С. 66—68.

В. В. Иванова, А. В. Шишкин

ИЗМЕНЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИК ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

ИВАНОВА Василина Васильевна — старший преподаватель кафедры общей социологии экономического факультета, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Россия

E-MAIL: ivanovavasilina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2235-0576

ШИШКИН Алексей Владимирович — магистрант кафедры общей социологии экономического факультета, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: a.shishkin2@g.nsu.ru

ORCID: 0000-0002-3726-1031

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в реализации интернет-практик молодежи, проживающей в Новосибирске, в условиях пандемии. Актуальность и научная новизна исследования вызвана пандемией коронавирусной инфекции, в результате которой произошли изменения в использовании интернета молодежью. В условиях пандемии появились новые и трансформировались старые интернет-практики. Кроме того, в последнее время увеличилось число социологических исследований, изучающих жизнь людей до и после пандемии и роль интернета в изменившихся условиях жизни под влиянием пандемии, поскольку это одна из актуальных и важных тем для обсуждения в научном сообществе. На материалах данных опросов ВЦИОМ за 2018 и 2020 гг. был описан контекст изучаемой ситуации. Благодаря серии личных и онлайн-интервью (проведенных в 2021 г.) с молодежью в возрасте 18—24 лет, проживающей в Новосибирске, были выявлены аспекты реализации интернет-практик, наиболее подверженные изменению в условиях пандемии. Результаты исследования подтверждают тезис о появлении «новой реальности» и показывают способы адаптации молодежи к ней.

Ключевые слова: интернет, реализация интернет-практик, пандемия коронавирусной инфекции, городская молодежь

В условиях пандемии коронавирусной инфекции произошло значительное изменение интенсивности использования интернета среди многих людей всех возрастов. Помимо адаптации уже перешедших в виртуальное пространство сфер жизни общества, появляются и абсолютно новые, ранее нехарактерные для повседневности, возможностей использования интернета. Поэтому такие изменения сказались прежде всего на повседневных, каждодневных практиках людей, которые со временем были вынуждены подстраиваться под новую реальность. В условиях пандемии произошло изменение интенсивности использования интернета в различных целях, что постепенно привело к трансформации интернет-практик, уже ставших повседневными. Многие исследования подтверждают тот факт, что, находясь постоянно дома, люди начали больше времени проводить в интернете в различных целях [Тагиев, 2020]. В результате происходит освоение новых для них практик в поисках альтернативы повседневным действиям. Помимо этого, можно говорить о появлении новых возможностей использования интернета, в то же время многие повседневные практики, которые совершают люди исключительно в реальном мире, стали плавно адаптироваться и переходить в онлайн-пространство. Под интернет-практиками мы понимаем «конкретную деятельность, состоящую из привычных, повторяющихся действий, содержание которых составляет обмен информацией, реализуемый посредством инструмента — компьютера, подключенного к глобальной компьютерной сети и открывающего доступ к разнообразным базам данных и массивам информации (интернет контенту)» [Суханова, 2017]. Интернет-практика включает в себя: цель использования интернета, степень вовлеченности и количество проводимого времени в интернете за реализацией той или иной цели и использование технических устройств и интернет-ресурсов.

Эмпирическим объектом исследования является молодежь в возрасте 18—24 лет, проживающая в Новосибирске и использующая интернет в различных целях. Выбор возрастной границы эмпирического объекта вызван тем, что «последствия ограничительных мер для молодежи в значительной степени отличаются от последствий для других социальных групп в силу особенностей образа жизни» [Андреенкова, 2020]. В качестве метода сбора данных использован метод глубинного слабоструктурированного и неформализованного интервью. Интервью проводились лично и в онлайн-формате в феврале-марте 2021 г. Было опрошено 25 человек в возрасте 18—24 лет, из них 12 женщин и 13 мужчин; в официальном браке состоят только трое из опрошенных; 4 из опрошенных

работают, 10 учатся, 10 работают и учатся и один не учится и временно нигде не работает. Исследование дополняется результатами телефонных опросов ВЦИОМ за 2018 и 2020 гг., которые также помогают описать изменения целей использования интернета. По данным ВЦИОМ, в 2020 г. относительно 2018 г. увеличилась доля тех, кто использует интернет более четырех часов ежедневно, и доля тех, кто использует интернет для общения¹². Интернет на протяжении 2020 г. стали чаще использовать для получения новостей, но в конце декабря 2020 г. этот показатель оказался ниже, чем в 2018 г. Прослушивают музыку, читают книги и просматривают фильмы все опрошенные респонденты в 2018 г., в то время как в 2020 г. такое значение было достигнуто лишь в апреле, и к декабрю эта доля уменьшилась и стала ниже показателя февраля, поведение пользователей в течение 2020 г. значительно изменилось в совершении банковских операций и в сфере обучения и самообразования.

До пандемии молодежь чаще всего использовала интернет для развлечения, общения и учебы, это три основные цели, которые отмечают в интервью и информанты. Можно сказать, что время, проводимое в интернете в условиях пандемии, увеличилось в несколько раз. Изменился и характер использования интернета, к целям его использования добавилась новая — заказ доставки еды. Казалось бы, не произошло никаких серьезных изменений, но это не так, изменение произошло внутри самих практик, изменился способ их реализации. Учеба и работа во время пандемии (2020—2021 гг.) перешли в режим дистанционного формата, студенты и сотрудники начали осваивать новые способы реализации данного процесса. Студенты стали чаще обращаться к учебным платформам (например, Moodle), платформам для конференций (Zoom, Google.Meet), электронным библиотекам. Появилась возможность пройти бесплатные онлайн-курсы для личного развития и для повышения квалификации. Изменилось и общение людей, поскольку были ограничены личные контакты как с людьми из зоны риска, так и со сверстниками, поэтому пришлось искать новые способы для поддержания коммуникации. Общение постепенно перешло в мессенджеры, например в Telegram, замещая при этом использование «ВКонтакте». Открылись новые возможности для общения через видеозвонки. Увеличилась частота

¹² Просторы интернета: для работы или развлечений? // ВЦИОМ. 20.09.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prostory-interneta-dlya-raboty-ili-razvlechenij>; Цифровой детокс: зачем, как и почему? // ВЦИОМ. 04.02.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10149>; Сеть как спасение // ВЦИОМ. 07.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221>; Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечения // ВЦИОМ. 16.12.2020. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10668>.

заказов доставки еды. Если раньше это были в основном заказ пиццы и суши, то сейчас это уже заказ доставки продуктов и еды из более обширных ресурсов, например, Delivery Club, «Яндекс.Еда», молодежь начала осваивать новые ресурсы, такие как «Самокат». Увеличение количества используемых ресурсов развлекательного контента можно объяснить появлением пробных бесплатных периодов платных подписок и появлением свободного времени, поскольку не нужно тратить время на поездки на учебу и работу. Помимо этого, пандемия открыла новые возможности использования интернета в различных повседневных целях — онлайн-тренировки, электронные ежедневники. В использовании технических устройств было выявлено замещение использования телефона на компьютер или ноутбук, это связано с тем, что телефон используется преимущественно вне дома, а поскольку обучение и работа перешли в дистанционный формат, то использование технических устройств было ограничено компьютером.

Изучив изменение целей интернет-практик, можно сказать, что альтернативная замена повседневных практик с помощью предлагаемых интернет-ресурсов не возникает спонтанно, как и сами практики. В России до пандемии уже существовало такое явление, как удаленная работа, в некоторых вузах даже применялись технологии для дистанционного обучения. Кроме того, онлайн-курсы, которые набирали популярность среди молодежи во время пандемии, существовали также и до принятия ограничительных мер. Поэтому практики реализации учебного и рабочего процесса в условиях пандемии приобрели более массовый характер. До пандемии молодежь 18—24 лет активно использовала интернет в развлекательных целях, однако в условиях пандемии увеличилась частота реализации данной интернет-практики, а также изменились предпочтения в использовании различных ресурсов.

Список литературы

1. Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов А. В. среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403—426.
2. Суханова А. Ш. Интернет-практики как вид социальных практик: теоретический обзор // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 31—33.
3. Тагиев Р. Аудитория интернета в России // CEO Mediascope. 2020. URL: <https://mediascope.net/news/1209287>.

И. Н. Воробьева, А. А. Мехова

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ МОЛОДЕЖИ КАК РЕСУРС ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

ВОРОБЬЕВА Ирина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
E-MAIL: Vorobyova-i-n@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5970-051X

МЕХОВА Альбина Анатольевна — кандидат философских наук, зав. кафедрой социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
E-MAIL: albina_mehova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6377-3404

Аннотация. Потенциал социальной активности населения предопределяется ценностными ориентирами и уровнем развития компетенций. Среди всех остальных основополагающими являются цифровые компетенции. В статье авторы эмпирическим путем доказывают взаимосвязь развития цифровых практик подростков, их гибких навыков и уровня социального участия. Эмпирической базой исследования стал опрос учащихся 9—11 классов Череповца, проведенный в апреле 2022 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета. Авторы разбили всех опрошенных на четыре уровня по количеству используемых цифровых практик от наименее отстающих до наиболее продвинутых. Анализ показал, что у подростков с большим арсеналом цифровых практик ярко выражен внутренний локус ответственности, более высокий уровень адаптации к изменениям внешней среды. Высокий уровень компетенций положительно связан и с уровнем социальной активности, который показан через практики добровольного общественного участия.

Ключевые слова: цифровые практики, уровень адаптации, внутренний локус ответственности, социальное участие, молодежь, социально-экономическая активность

Уровень развития цифровых компетенций населения является одним из важных факторов его социальной активности, это подтвержда-

ется выводами как отечественных, так и зарубежных ученых [Dezuanni, 2019; Соколов, Барский, 2021; Батова, 2021; Зайцева, 2021]. Более того, цифровые практики зачастую становятся базой для формирования так называемых гибких навыков, которые включают коммуникативные навыки, высокий уровень адаптации, ответственности, креативность. Данные компетенции важны не только как конкурентное преимущество индивида на рынке труда, но и выступают важным деятельностным ресурсом развития территории.

В данной ситуации в более выгодном положении оказываются подростки, которые уже рождены в цифровом мире и более легко адаптируются к цифровым практикам, социализируются в них. Но возникает вопрос, действительно ли высокий уровень овладения цифровыми практиками ведет к более высокому уровню социальной активности.

В апреле 2022 г. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета в рамках работы над грантом Благотворительного Фонда «Дорога к Дому» по теме: «Жизненные стратегии и социальные ориентиры одаренных детей Череповца» был проведен опрос школьников Череповца. Всего было опрошено 650 подростков 9—11 классов. Как показывают результаты исследования, цифровые компетенции широко развиты у современных подростков (см. рис. 1). Для них является нормой работа в интернете, более 90 % школьников ищут информацию в интернете, пользуются электронной почтой, работают за компьютером. Благодаря цифровым практикам подтягиваются и расширенные потребительские практики: больше 70 % в последние год-два заказывали доставку товаров на дом, покупали товары через интернет. Чуть слабее выражены цифровые практики для обучения и научной деятельности: 54 % проходили обучающие курсы через интернет, 70 % искали научно-исследовательскую информацию, 53 % скачивали программное обеспечение.

Подростки существенно дифференцированы в своих компетенциях. Из всего перечня в 20 практик до 10 практик использовало 20 % школьников, от 11 до 14 практик 26 %, от 15 до 17 практик 26 % и самых продвинутых пользователей, которые использовали более 17 практик, 28 %. Рассмотрим, как взаимосвязаны цифровые практики с так называемыми гибкими компетенциями. Подростки, у которых более широко представлены цифровые навыки, более адаптивны и быстрее приспособляются к новым условиям. Из школьников, которые имеют в своем арсенале из общего списка более 17 практик, 64 % согласились с суждением, что

«Мне нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе», тогда как среди отстающих цифровых пользователей, использовавших до 10 цифровых практик, таких 38 %. Из последних 33 % согласились с суждением «Я с трудом привыкаю к изменениям в жизни, в школе» (см. рис. 2).

Рис. 1. Распределение ответа на вопрос:
«Что из перечисленного Вам приходилось делать за последние год-два?»

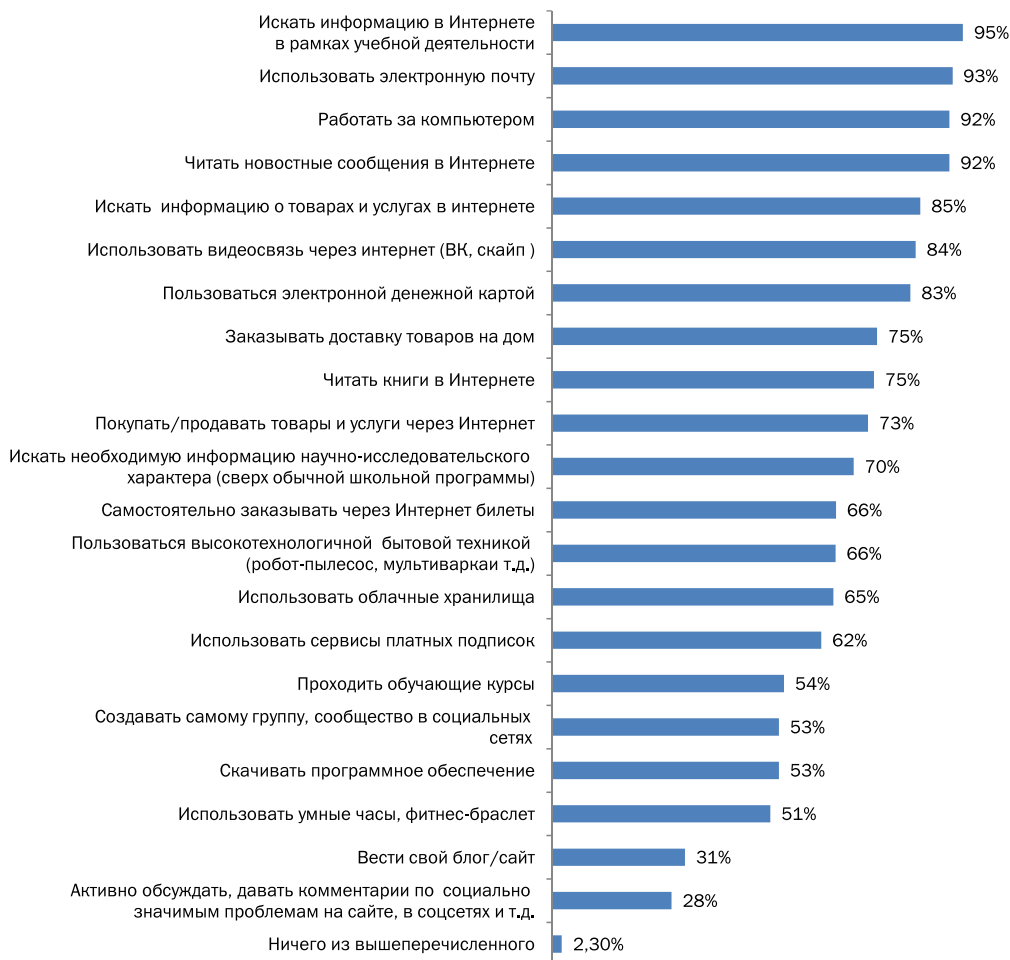
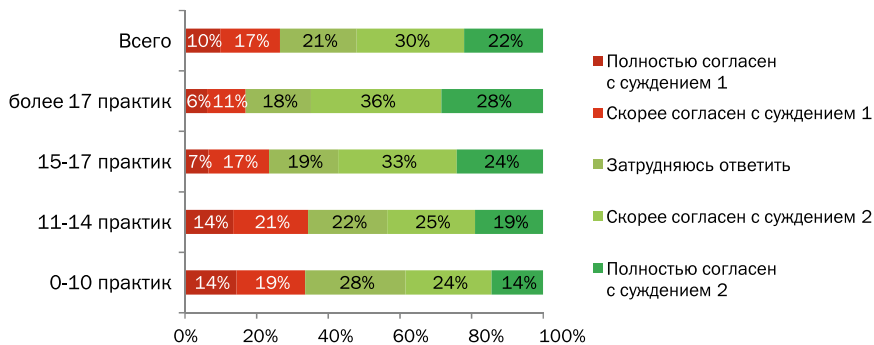

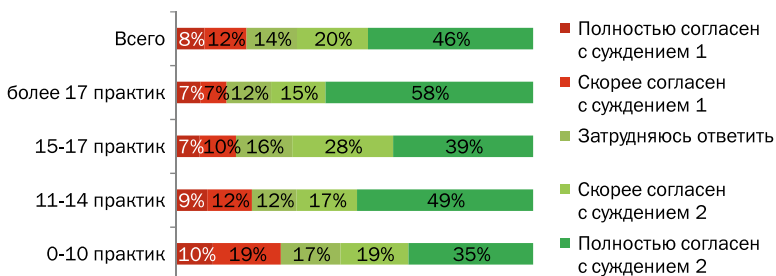
Рис. 2 Распределение ответа на вопрос:
«С каким из двух суждений Вы больше всего согласны?»

Примечание. Суждение 1 «Я с трудом привыкаю к изменениям в жизни, в школе» или суждение 2 «Мне нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе», в зависимости от владения цифровыми практиками.

Среди продвинутых цифровых пользователей ярко выражен внутренний локус ответственности. Среди них 73% согласились с суждением, что «мое материальное положение в будущем зависит от меня самого, от моих усилий», и только 14% — что «материальное положение определяется внешними обстоятельствами». Среди отстающих в цифровых навыках согласных, что материальное положение зависит только от них, всего 54%, а тех, кто считает, что зависит от внешних обстоятельств, уже 29% (см. рис. 3).

Рис. 3 Распределение ответа на вопрос:
«С каким из двух суждений Вы больше всего согласны?»

Примечание. Суждение 1 «Мое материальное положение в будущем определяется внешними обстоятельствами» или суждение 2 «Мое материальное положение больше зависит от меня самого, от моих усилий», в зависимости от владения цифровыми практиками».

Самое главное, что уровень развитости цифровых компетенций действительно отражается на социальной активности. В школьном возрасте

арсенал практик социального участия пока еще достаточно узок, но, тем не менее, позволяет дифференцировать подростков по уровню участия. Школьникам был задан вопрос: «В каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?» Среди всех опрошенных наиболее развиты практики общественных работ в городе, дворе, школе — в них принимал участие 41 % учащихся. Заметно развиты практики участия в благотворительных акциях — 24 % принимали в них участие и 17 % работали волонтерами, добровольцами. В массовых мероприятиях принимал участие каждый пятый (22 %), в публичных дискуссиях — каждый десятый школьник 9—11 класса (10 %). Среди наиболее продвинутых цифровых пользователей только 30 % не использовали ни одной из перечисленных практик, тогда как из отстающих — 51 %. Среди цифровых пользователей заметно выражено участие в благотворительных акциях — 30 % (у отстающих только 18 %), работали волонтерами 24 % (среди отстающих только 10 %). Активная включенность в цифровое пространство предопределяет и активное отслеживание событий города, региона, участие в публичных дискуссиях о социальных проблемах — 17 % среди продвинутых и только 5 % среди отстающих.

Таблица 1. Распределение ответа на вопрос: «В каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?» в зависимости от количества цифровых практик

	0—10 практик	11—14 практик	15—17 практик	Более 17 практик	Всего
Общественные работы в городе, дворе, школе (субботники, мероприятия по благоустройству)	32 %	41 %	43 %	46 %	41 %
Благотворительные акции (включая денежные пожертвования нуждающимся)	18 %	20 %	26 %	30 %	24 %
Массовые мероприятия (городские праздники и т. п.)	14 %	19 %	20 %	33 %	22 %
Работал волонтером, добровольцем	10 %	14 %	16 %	24 %	17 %
Публичные дискуссии, акции о социальных проблемах, в том числе в интернете	5 %	5 %	13 %	17 %	10 %
Уход за животными в приютах, охотничьих хозяйствах, ипподроме	7 %	8 %	9 %	11 %	9 %
Поиск пропавших людей, работа поисковых групп	1 %	1 %	2 %	1 %	1 %
Ничего из перечисленного	51 %	40 %	38 %	30 %	39 %

Таким образом, можно констатировать факт, что цифровые практики тесно связаны и общими компетенциями, такими как уровень адаптации, ответственность, креативность, инициативность. Обладание данным набором компетенций является ценностным ядром и ресурсом подростков для высокой социально-экономической активности.

Список литературы

1. Батова М. М. Формирование цифровых компетенций в системе «образование — наука — производство» // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 4. С. 1573—1584.
2. Зайцева А. С. Влияние цифровых компетенций субъектов малого и среднего предпринимательства на развитие бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 313—322.
3. Римская О. Н., Анохов И. В., Кранбихлер В. С. Человеческий капитал в Индустрии 4.0. Настоящее и будущее // Экономика науки. № 7. С. 275—289.
4. Соколов А. В., Барский Я. В. Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. № 2. С. 68—74.
5. Dezuanni M., Foth M. (2019) Digital Participation through Social Living Labs. Valuing Local Knowledge, Enhancing Engagement.

Р.Э. Галиуллин

ВЛИЯНИЕ КИНЕМАТОГРАФА НА ЦЕННОСТИ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

ГАЛИУЛЛИН Эдуард Эдуардович — студент третьего курса бакалавриата, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: ermak01@inbox.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению влияния кинематографа на современную молодежь. На основе анализа научных работ по данной теме автор выполнил эмпирическую проверку выдвинутых им гипотез посредством фокусированного группового интервью. В работе представлены анализ полученных результатов исследования и выводы о характере влияния кинематографа на современную молодежь. В рамках исследования был применен качественный метод исследования — фокусированное интервью среди студентов Новосибирского государственного технического университета. Цель исследования — рассмотреть взгляды респондентов на то, как на них влияет кинематограф и какие особенности кинообразов может перенимать зритель.

Ключевые слова: кинематограф, ценности, модели поведения, влияние кинематографа, архетипы героев, подражание, влияние медиа, тренды

Появившись еще в XIX веке, кинематограф исполнял разные функции: развлекательную, информационную, пропагандистскую. Но более того, кино было отражением времени и, в частности, общества. Оно показывало устои в нем, поведение людей, моду, культурный пласт, язык и манеру общения, а в нашей стране российская и советская классика кинематографа подарила архетипы, которые сформировали образы людей и заложили определенные ценности¹³. Изучению этих вопросов были посвящены следующие научные работы [Лубашова, 2011; Набокин, 2018; Тищенко, 2014; Троцук, Субботина, 2018]. В данном исследовании изучаются кинообразы, которые могут представлять собой привлекательные модели поведения для молодых зрителей. Несмотря на ряд посвященных этим вопросам работ, недостаточно изучено, как современная

¹³ Остасы Бендеры и Кати Тихомировы: Герои фильмов среди нас // ВЦИОМ. 29.12.2010. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ostapy-bendery-i-kati-tikhomirovy-geroi-filmov-sredi-nas>.

молодежь обосновывает особенности этого влияния на свое поведение и свои ценности [Азадова, Хисматудинова, 2016; Мазурицкая, 2016; Плотникова, Болотин, 2017; Поздина, 2014; Скрипкарь, 2009].

Для сбора данных был использован метод фокусированного группового интервью. В марте и апреле 2021 г. были проведены две фокус-группы, в которых участвовали 7 и 11 человек, обучающиеся на факультете гуманитарного образования НГТУ. Время проведения каждой — 1 час 15 минут.

Большинство респондентов признались в том, что они перенимали, брали, не всегда заметно для себя, некоторые черты персонажей из кино, их манеры, поведение или подобные детали. Также респонденты указали, что им было свойственно подражание, но в основном в детстве: поскольку в кино задействуются яркие и запоминающиеся образы с ярко выраженными чертами, то они являются наиболее предпочтительной моделью для подражания у детей. Респонденты не отрицали такое влияние и во взрослом возрасте.

Участники исследования отметили, что фильмы могут показывать ситуацию с разных точек зрения, и это будет опытом, который вы получите не в своей жизни, а в кино. Некоторые вещи могут преподноситься по-разному, но в кинематографе присутствует воспитательная функция, и по большей части она зависит от создателей.

Также респонденты отметили, что кинематограф наглядно показывает, к чему может вести порочный образ жизни. Некоторые указали на то, что негативные кинообразы анализируются верным образом уже во взрослом возрасте, так как из-за романтизации подросток может не понять, что хорошо, а что плохо.

По поводу мотивационной функции кино респонденты выделили две возможные мотивации — долгосрочную и моментную, или единичную. Последняя мотивация возникает у молодого зрителя не под действием рефлексии, а как мотивационный порыв, вызванный грамотно показанным визуальным рядом и успешным преодолением героем трудностей. В свою очередь, долгосрочная мотивация связана с рефлексией индивида после просмотра фильма, сериала и аниме.

Респонденты признали, что они заимствуют некоторые черты киногероев, но в основном внешнего вида. Некоторые утверждали, что хотели точно такие же вещи, как у героя, на кого-то повлиял какой-то визуальный образ, и он примеряет его на себя в повседневности. Большинство отметили, что они не копируют внешний образ киногероев, но неосознанно

подмечают для себя красивые вещи на героях и могут купить похожую сумку или куртку подобного фасона или цвета. Респонденты указывали, что некоторые люди воспринимают фильмы с позиции реализма и им не хватает картин, где показывается именно неудача героя.

Все респонденты подтвердили влияние кинематографа как на них самих, так и в целом на общество. В пример приводились как тренды, которые респонденты видят в кинематографе сейчас, так и тренды десятилетней давности. Респонденты затруднились в оценке, с чем в действительности встречается зритель в современном кино — с пропагандой поверхностных или глубинных ценностей, недостоверной или реальной жизнью. В обеих группах вызвало недовольство наличие повестки в современном кино, респонденты указывают, что она показывается слишком навязчиво и безыдейно. Стоит отметить, что наибольшее влияние на респондентов оказывали в детстве мультфильмы: именно они формировали ценностно-моральный облик юных зрителей, по их мнению.

Из интересного можно выделить мнение, что кинематограф наиболее доступное в плане потребления медиа, в сравнении с, например, книгами.

Подводя итог, можно сказать, что кинематограф играет важную роль в жизни общества. Кинематограф — самое массовое, доступное в плане восприятия и потребления в сравнении с книгами современное медиа. Утверждение, что молодежь в большей степени подвержена подражанию и манипулятивному действию кино, не совсем оправдано, либо нужно больше информации по этому вопросу. Респонденты утверждали, что влияние кино более действенно в подростковом возрасте, но со временем влияние не прекращается. Характер данного влияния сложно оценивать, так как все зависит от индивида, но полученные данные позволяют отметить положительную тенденцию.

Список литературы

1. Азадова С. Н., Хисматудинова Р. Р. Влияние кино на жизненные ориентации Российской молодежи // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы III Международной научно-практической Интернет-конференции. 06—07 декабря 2016 г. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016.
2. Лубашова Н. И. Из истории социологии кино // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 146—149.

3. Мазурицкая М. А. Влияние российского кинематографа на формирование системы ценностей молодежи в 1920—2000-е гг. // Электронные научный журнал. Культура: Теория и практика. 2016.
4. Набокин И. И. Понятие культового кино в социологии // Новейшие и классические методы исследования социальных изменений. Сборник научных статей по итогам VII Социологической Школы СПбГУ / под ред. Е. С. Богомягковой. СПб. :ООО «Скифия-принт», 2018. С. 95—104.
5. Плотникова, С.О., Ю. Е. Болотин. Влияние киноискусства на мировоззренческие установки молодежи // Молодой ученый. 2017. № 1.1 (135.1). С. 95—97.
6. Поздина Д. В. Влияние многосерийных фильмов на формирование образцов поведения подростков. // XVII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 20—21 марта 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. С. 1080—1085.
7. Скрипкарь М. В. Кинематографические предпочтения молодежи и их влияние на процесс манипуляции сознанием // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2009. № 3. С. 145—149.
8. Тищенко Н. В. Развитие исследований кинематографа от «Языка кино» к «Языку социума» // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 89—91.
9. Троцук И. В., Субботина М. В. Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода // Communicology. 2018. Т. 6. № 4. С. 140—159.

М. Н. Желизнык

КОНЦЕПТ «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

*ЖЕЛИЗНЫК Мария Николаевна — старший специалист по исследованиям, АНО «Диалог Регионы» (Центр управления регионом. Ленинградская область), Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: marzhel@yandex.ru*

Аннотация. В статье формулируются проблемы, подходы к изучению темы, представлены результаты пилотажного фокус-группового исследования среди молодежи Ленинградской области, очерчиваются контуры будущих исследований. На основе контент-анализа индуктивного типа выделены шесть смыслов, инкорпорированных в концепт героя нашего времени в представлении молодежи (герой как культурный образец, герой как человек, совершающий доблестные поступки, подвиги, герой как «медийный интеллигент», герой-новатор, герой как достижение, «узконаправленные герои-мотиваторы»). Указаны причины, по которым молодежь затрудняется назвать героев нашего времени.

Ключевые слова: пилотажное исследование, молодежь, концепт героя нашего времени, структура представлений о герое нашего времени

Герой нашего времени — понятие, знакомое из школьной программы, пожалуй, каждому. Вместе с тем, как показывает анализ научной литературы и наше пилотажное исследование, в это понятие инкорпорировано много смыслов и значений. Понятие героя нашего времени выходит из понятия героя, которое включает в себя четыре интерпретации, две из них противоположны друг другу по смыслу, функциям (герой как человек, совершающий подвиги, и герой — тот, кто привлек к себе внимание (герой скандала, герой сенсации)) [Ожегов, Шведова, 2012]. Уже на стадии лексического анализа очевидна смысловая вариативность и оппозиция — герой может быть как положительным, так и отрицательным. Далее мы будем понимать под этим термином, вслед за Ю. С. Степановым, «ментальную единицу сознания», «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2004: 42—67].

Концепт героя и концепт героя нашего времени являются динамическими структурами, то есть для каждого этапа исторического развития

общества характерны свои герои (или их отсутствие). Для анализа прежде всего важна исследовательская, интерпретационная рамка. В целом можно выделить два подхода к изучению данной темы — позитивистский и феноменологический, если шире — социологию повседневности. В. Д. Плахов пишет о трех подходах: мифологическом, социологическом и философском [Плахов, 2008], но это деление условно, так как исследования пересекаются, на что также обращает внимание ученый. Предложенное нами деление позволяет очертить, обрисовать «два мира, две системы» — оптику исследования, методологические установки, которые обуславливают трактовку эмпирических данных.

Среди современных социологов, психологов при изучении данной темы преобладает позитивистский подход, в рамках которого исследователь детерминирует познание социальной реальности с помощью понятий и категорий, заданных и установленных им на старте. В этом смысле ряд ученых (О. А. Теряева, О. В. Гуторович, О. Е. Кузнецова и др.), анализируя эмпирический материал, апеллируют к денотативному, исходному значению слова «герой». Например, по мнению О. Е. Кузнецовой, выбор молодыми людьми Гитлера, Наполеона, Чингисхана «свидетельствует об отсутствии у современной молодежи четких представлений о героизме и героических поступках, об их значимости для личностного развития» [Кузнецова, 2018: 140]. С нашей точки зрения, такой подход к изучению проблематики оставляет за кадром ряд вопросов, проблемных зон — что молодежь вкладывает в понятие «герой»? Какие смыслы инкорпорированы в это понятие сегодня? Почему? Какие функции выполняют указанные молодежью герои? Как выбранные герои соотносятся с современной социокультурной реальностью? Репрезентируют ее? Вступают в конфронтацию? Выступают объектами потребления? Вопросы можно задавать дальше.

С другой стороны, есть исследования, сделанные в парадигме социологии современности. В частности, Фонд общественного мнения в 2002 г. провел всероссийский опрос в такой логике: респонденты сначала описывали, что они понимают под понятием героя нашего времени, затем называли черты героя нашего времени и приводили примеры¹⁴. Количественное исследование позволило зафиксировать тренды, дать интерпретационную оценку, но не прибавило понимания. Проводя наше пилотажное исследование, мы следовали логике ФОМ, при этом применили качественный метод сбора информации — фокус-группы. Для

¹⁴ База данных ФОМ: Герой нашего времени. Опрос населения. Выпуск 08, 23—24 февраля 2002 года. URL: https://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominant2002/364_2499/d020822.

нашего исследования было важным определить на эмпирическом уровне, как современная молодежь понимает концепт героя нашего времени, изучить те смыслы и значения, которые молодежь вкладывает в него, оценить степень вовлеченности юношей и девушек в дискуссию, проследить логику их размышлений и аргументацию.

Организация, метод исследования, полученные результаты

В 2021 г. мы провели поисковое, пилотажное исследование среди молодежи Ленинградской области. В каждом районе и одном городском округе было проведено по две фокус-группы — мужская и женская, всего 36 фокус-групп. Основной возраст участников — 18—23 года (не более 5 информантов были в возрасте 16 и 17 лет, два человека — 26 и 28 лет).

Как показало исследование, тема «герой нашего времени» вызывала затруднения у многих участников фокус-групп. С нашей точки зрения, это связано не с отсутствием понимания предложенного концепта, а с тем, что сложно назвать героев современности.

Анализ эмпирических данных позволил выделить четыре причины, по которым молодежь затрудняется назвать героев нашего времени. Во-первых, нет нового типа героя, объединившего разные возрастные группы («Ну, в 90-е был персонаж фильма Бодров. Его все любили, ассоциировали себя с ним. Сейчас так трудно назвать» (м., 23, Всеволожский р-н).

Во-вторых, «одноразовость героев»:

«На самом деле сложно сейчас ответить, я понимаю, что, наверное, проблема людей нашего времени, что у нас нет таких авторитетов. Если есть, то они временные, как время быстротечно. И интернет у нас. Люди в интернете быстро появляются, мы сначала посмотрели на одного человека, он нас зажег, потом на другого, он нас тоже зажег» (ж., 18, Выборгский р-н).

В-третьих, нехарактерный для молодежи дискурс:

«Мне кажется тяжело ответить на вопрос, потому что все мысли заняты вообще другими проблемами. И о таком, наверное, молодежь не задумывается» (ж., 23, Тихвинский р-н).

В-четвертых, отсутствие героев в значении идеалов, идентификационной модели: «У меня нет идеалов и конкретного человека» (м., 18, Киришский р-н).

Таким образом, даже среди тех, кто не назвал героя нашего времени, очевидно разное понимание данного концепта — это и авторитет, и культурный образец, и идеал. Дальнейшая категоризация понятия добавляет новые смыслы:

- 1) герой как культурный образец;
- 2) герой — человек, способный к подвигам и самопожертвованию (то есть исходное значение слова «герой»);
- 3) герой как образованный человек, нравственный ориентир, медийная личность — «медийный интеллигент»:

«Для меня герои — это образованные люди в своих сферах обязательно, это важно очень, чтобы была специальность, они по ней работали. И чтобы обязательно это медийные люди, вот. Как раз из образования будет вытекать то, что они будут нести в массы правильные мысли» (ж., 18, Гатчинский р-н).

- 4) герой-новатор;
- 5) герой как достижение:

«Я смотрю не на самого человека, а на достижение человека. Ну, для меня главное, ну, время заберет человека, а достижения останутся» (м., 18, Бокситогорский р-н).

- 6) «узконаправленные герои-мотиваторы», выполняющие функцию идентификационной модели:

«В это же время нет человека, который является примером для любого, есть только „узконаправленные герои“, например, в спорте это знаменитые спортсмены, можно привести пример Криштиану Роналду. Эти люди мотивируют. [...] Я считаю, что герой нашего времени — это человек, на которого ты хочешь быть похожим. Это может быть кто угодно» (м., 18, Тосненский р-н).

Предложенный материал показывает, что в представлениях молодежи концепт героя нашего времени включает в себя разные смыслы — это и хрестоматийное значение (культурный образец эпохи), и денотативное значение слова «герой», и новые интерпретации, толкования, демонстрирующие способы ориентации молодежи в социальном мире, порядок осмысления ими социальной реальности (герой — медийный интеллигент, герой-достижение, герой-новатор).

Проведенное пилотажное исследование — это «зондирование почвы». В будущих исследованиях мы предполагаем применить проективный метод, что даст возможность «схватить» иррациональные представления молодежи о героях, коллективное бессознательное. Мы также планируем сделать количественное исследование для школьников и студентов, чтобы оценить социокультурные тренды в молодежной среде.

Список литературы

1. Кузнецова О. Е. Социальные представления о «герое нашего времени» у студентов разной профессиональной направленности // Национальный психологический журнал. 2018. № 3. С. 139—147. URL: <http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=7770>.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование: ОНИКС, 2012.
3. Плахов В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб.: КАРО, 2008.
4. Степанов Ю. С. Константы // Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42—67.

Н. В. Любавина, О. В. Кораблева, Е. В. Пырова

ПАТРИОТИЗМ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

ЛЮБАВИНА Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, Тольяттинской государственной университет, Тольятти, Россия

E-MAIL: nvl-tlt@mail.ru

КОРАБЛЕВА Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Россия

E-MAIL: ol_kora@mail.ru

ПЫРОВА Екатерина Валерьевна — студент, Тольяттинской государственной университет, Тольятти, Россия

E-MAIL: verunya707@gmail.com

Аннотация. Тема патриотизма затрагивает каждого гражданина и во многом связана с политической ситуацией. Проблематика воспитания патриотов для нашей страны является одной из самых политически значимых. Ведь укрепление патриотических ценностей в молодежной среде в конечном счете содействует обеспечению национальной безопасности государства. Не секрет, что патриотическое воспитание молодежи — мощный инструмент укрепления межпоколенческих взаимодействий и формирования институциональной преемственности. В результате геополитических, социально-экономических и культурных преобразований в российском обществе уже произошли необратимые изменения ценностей, которые оказали существенное влияние на молодое поколение. Именно эти проблемы стали отправной точкой формирования новой российской системы патриотического воспитания молодежи и поиска эффективных механизмов ее реализации. С целью изучения патриотизма в системе ценностей современной молодежи авторами проведено социологическое исследование методом анкетного опроса. В опросе приняли участие 200 человек — студенты Тольяттинского государственного университета. В ходе исследования мы выяснили, что такое патриотизм для современной молодежи, проанализировали, какую часть россиян респонденты считают патриотами и как современные юноши и девушки оценивают значимость патриотизма для современного российского общества.

Ключевые слова: система ценностей современной молодежи, патриотизм, патриотическое воспитание молодежи, значимость патриотизма

Провозглашение ценностей западной демократии, навязывание нового формата жизни обусловили поворот в сторону человека-потребителя, не стремящегося к совершенствованию, занятого добычей материальных благ, не задумывающегося о собственных нравственных устоях. В эпоху глобализации ценности западной демократии получили активное распространение среди российских граждан. В иерархии ценностей россиян произошли трансформации: зарабатывание денег, личное материальное благосостояние переместились на первое место, а нравственные ценности спустились на более низкие позиции. Этому способствовал переход к рыночной экономике, который наложился на наступление цифровой эпохи. Такие изменения не могли не отразиться на системе норм и ценностей, особенно в молодежной среде, что сопровождалось обострением протестной активности и противостоянием общепринятым ценностям. Обозначенные изменения привели к появлению и развитию деструктивных идеологий, которые негативно влияют не только на жизнь, карьеру молодых людей, но и на все общество.

Для получения социологической информации, показывающей отношение молодежи к патриотизму, было проведено исследование с использованием метода анкетирования. В ходе исследования изучается выборочная совокупность в размере 200 человек. Выборка целевая, единицами отбора выступают индивиды двух групп: 100 женщин и 100 мужчин. В данной работе остановимся на наиболее важных результатах проведенного исследования.

Мы спросили у респондентов, что такое, на их взгляд, патриотизм. 35 % опрошенных отметили, что патриотизм — это вера в лучшее будущее страны. Причем женщины (24 %) реже выбирали данный вариант ответа, чем мужчины (46 %). Такой вариант ответа, как «готовность защищать Родину», отметили 44 % участников опроса. Этот вариант ответа реже выбирали мужчины (38 %), чем женщины (50 %). Знание и соблюдение законов государства считают патриотизмом 21 % респондентов. Гордость за свою страну, за достижения в науке, культуре, спорте относят к патриотизму 60 % участников опроса. Этот вариант ответа реже выбирали мужчины (54 %), чем женщины (66 %). 44 % опрошенных отметили, что патриотизм — это бережное отношение к природе. Такой вариант ответа, как «знание истории, обычаев, традиций», отметили 51 % участников

опроса. Поддержку политики правительства считают патриотизмом 4 % респондентов. Любовь к «малой» Родине, к месту, где родился и живешь, относят к патриотизму 61 % участников опроса. Вариант ответа «умение грамотно говорить и писать на родном языке» выбрали 14 % участников опроса. 36 % опрошенных отметили, что патриотизм — это чувство единства с народом, с настоящим, прошлым и будущим страны.

Мужчины чаще женщин относят к понятию «патриотизм» веру в лучшее будущее страны. Женщины, по сравнению с мужчинами, чаще понимают патриотизм как готовность защищать Родину, гордость за свою страну, за достижения в науке, спорте, культуре.

Также в ходе исследования нам было необходимо проанализировать, *какую часть россиян респонденты считают патриотами*. 42 % опрошенных отметили, что патриотами является меньшинство россиян. Вариант ответа «половина» отметили 32 % участников опроса. Данный вариант ответа реже выбирали мужчины (24 %), чем женщины (40 %). Что большинство граждан России являются патриотами, отметили 21 % респондентов. Мужчины (28 %) по сравнению с женщинами (16 %) чаще выбирали данный вариант ответа.

Далее нам было необходимо узнать, *считают ли участники опроса себя патриотами*. Около половины респондентов 51 % отметили, что скорее считают себя патриотами. Причем женщины (44 %) реже выбирали данный вариант ответа, чем мужчины (58 %). 21 % участников опроса считают себя патриотами. Женщины (30 %) чаще мужчин (12 %) выбирали данный вариант ответа. Респонденты, которые скорее не считают себя патриотами, составляют 13 %. Такой вариант ответа, как «затрудняюсь ответить», выбрали 13 % участников опроса. Женщины чаще мужчин уверенно относят себя к патриотам. Мужчины по сравнению с женщинами чаще оценивают себя как скорее патриотов.

Далее мы спросили у респондентов, *как они оценивают значимость патриотизма для современного российского общества*. Половина участников опроса (51 %) отметили, что патриотизм скорее важен. Женщины (46 %) реже выбирали данный вариант ответа, чем мужчины (56 %). Патриотизм имеет большое значение, по мнению 24 % респондентов. 14 % опрошенных отметили, что патриотизм скорее не важен. 3 % участников опроса считают, что патриотизм не имеет значения для современного российского общества. Такой вариант ответа, как «затрудняюсь ответить», отметили 8 % респондентов. Мужчины чаще, чем женщины, считают, что патриотизм скорее важен для современного российского общества.

Проанализировав блок вопросов об отношении молодежи к ценностям патриотизма, можно сделать вывод, что женщины чаще мужчин считают большинство россиян патриотами, а также уверенно относят себя к патриотам. Мужчины по сравнению с женщинами чаще оценивают себя как «скорее патриотов» и считают, что патриотизм скорее важен для современного российского общества. Наша гипотеза, что среди юношей больше респондентов, считающих себя патриотами, чем среди девушек, не подтвердилась: по данным опроса, 74 % женского пола и 70 % мужского пола считают себя патриотами. Гипотеза о том, что больше юношей считают патриотизм значимым для общества, чем девушек, не подтвердилась. 74 % женщин и 76 % мужчин отметили, что патриотизм для современного российского общества скорее важен и имеет большое значение. Таким образом, различий по ответам респондентов женского и мужского пола практически нет.

Список литературы

1. Воробьева Т. В. Сущность понятий «патриот», «патриотизм», «патриотическое воспитание» // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. 2016. С. 154—157.
2. Лоскутов М., Дорофеева Т. Г. К вопросу о патриотизме // Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса России: сб. статей Международной научно-практической конференции молодых ученых. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2018.
3. Тимофеев А. А. Патриотическая культура молодежи: расширение границ и точек роста // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. С. 30—35.

М. Г. Семерикова, Е. В. Резанова

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

СЕМЕРИКОВА Мария Григорьевна — кандидат социологических наук, заведующий лабораторией исследований государственной кадровой политики научно-исследовательского института теории и практики государственного управления, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

E-MAIL: smg_vit@tut.by

РЕЗАНОВА Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исследований государственного управления научно-исследовательского института теории и практики государственного управления, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

E-MAIL: ekaterina-rezanova@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению проблемы адаптации государственной молодежной политики к демографическим и технологическим вызовам в социально-экономической сфере в контексте создания условий для реализации социального потенциала молодежи и сохранению человеческого потенциала страны. Анализируются демографические вызовы, связанные с депопуляцией населения, сокращением числа занятого населения, ростом демографической нагрузки на трудоспособное население, а также увеличением числа разводов. Технологические вызовы, такие как автоматизация, роботизация, развитие информационно-коммуникационных технологий, исследуются с позиции их влияния на структуру занятости, рост молодежной безработицы и дисбаланс спроса и предложения на молодежном рынке труда. Делается вывод о слабости материальных механизмов стимулирования в решении проблем демографических вызовов и необходимости встраивания в ценностно-ориентационную структуру молодого поколения, а также о значимости создания гибкой модульной образовательной системы. Подчеркивается значимость межведомственного взаимодействия и развития Национальной рамки квалификации в процессе прогнозирования и стратегического планирования трудовых ресурсов для развития экономики знаний и подготовки востребованных специалистов на рынке труда.

Ключевые слова: социальный потенциал молодежи, государственная молодежная политика, депопуляция, ценностные установки, молодежная безработица, Национальная рамка квалификации

В концептуальных исследованиях молодежь, с одной стороны, выступает как объект, когда рассматривается влияние социальных институтов и подсистем в процессе социализации, освоения конкретных социальных ролей, развития личности и социальных групп молодежи. С другой стороны, молодежь рассматривается как субъект в процессе включения в трудовую деятельность, участия в преобразовании и трансформации всех сфер жизнедеятельности общества [Чередниченко, 2014]. *Социальный потенциал молодежи* представляет собой комплекс возможностей и способностей выполнять важную роль в обществе посредством активного и ответственного накопления и перехода к социальной субъектности.

Создание условий для развития социального потенциала молодежи выступает главной целью государственной молодежной политики. При этом стратегическими документами, определяющими цели и направления в сфере государственной молодежной политики в Беларуси, являются: Закон Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики»; Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2021—2025 гг.; Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г., в рамках которых делается акцент на формировании и поддержании созидательной активности молодого поколения. Вместе с тем реализация данной цели сопряжена с рядом трудностей и препятствий, которые являются следствием как исторически сложившихся условий, так и современной социально-экономической ситуации.

В контексте *демографических вызовов*, влияющих на социальный потенциал молодежи, можно выделить депопуляцию населения. Проблема депопуляции актуальна для Беларуси еще с 1993 г., с тех пор ежегодно смертность превышает рождаемость. За последние двадцать лет наблюдается постоянное снижение численности населения: с 10 млн человек в 2000 г. до 9,3 млн человек в 2021 г., за исключением незначительного увеличения за счет миграционного прироста с 2013 по 2014 г., который компенсировал естественную убыль населения [Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2021]. В ближайшие годы процесс снижения численности населения сохранится ввиду вступления в детородный возраст малочисленного поколения женщин, родившихся в 1990-е годы (так назы-

ваемая «демографическая яма»): если в 2016 г. коэффициент рождаемости составлял 12,6, то в 2019 г. — уже 9,3. Сокращение рождаемости происходит также по причинам увеличения возраста материнства, снижения количества заключенных браков и повышения уровня разводов.

Для стимулирования рождаемости в Беларуси реализуется ряд государственных программ:

- рост единовременных пособий при рождении второго и последующих детей;
- программа семейного капитала — единовременное предоставление безналичной — денежной выплаты при рождении (усыновлении) третьего или последующих детей;
- дополнительные выплаты из средств местных бюджетов при рождении двоих и более детей;
- предоставление услуг няни семьям, воспитывающим двоих и более детей, родившихся одновременно (двойни, тройни), в возрасте до трех лет и т. д.

Вместе с тем принятые на государственном уровне меры по улучшению демографической ситуации пока не дают устойчивого результата, не стимулируют все семейные пары на рождение детей. Это связано трансформацией ценностных установок современной молодежи — все больше молодых людей ориентируются на развитие карьеры, решение жилищных и материальных проблем прежде планирования рождения детей.

Экономические вызовы связаны с развитием инновационных производственных и информационно-коммуникационных технологий и определяют новые тенденции в структуре занятости молодежи. Процесс автоматизации и роботизации приводит, с одной стороны, к сокращению рабочих мест и отмиранию некоторых видов деятельности, а с другой — к увеличению спроса на высококвалифицированные кадры и появлению новых профессий. Проблема в том, что многими востребованными профессиями молодежь не может овладеть в рамках существующей системы образования, которая не всегда оперативно реагирует на инновационные изменения для подготовки специалистов современного наукоемкого производства. Ряд ученых отмечает феномен «инфляции» высшего образования: при своей субъективной привлекательности и престижности в общественном мнении оно начинает обесцениваться с точки зрения экономических показателей [Шарова, 2014: 119]. Высшее образование перестает выступать гарантом успешного трудоустройства и карьерного роста, а недостаточно инновационная экономика не может абсорбиро-

вать возрастающее количество специалистов с высшим образованием [Титаренко, 2016: 144].

Возникает дисбаланс между спросом на квалифицированную рабочую силу и специальностями, которые получают молодые люди в высших и средних специальных учебных заведениях. Сегодня не удовлетворяется спрос на многие инженерно-технические и рабочие технические специальности, многие предприятия ощущают острый недостаток квалифицированных рабочих. И в то же время ограниченный спрос не позволяет найти рабочие места многим юристам, экономистам, финансистам и другим специалистам. Несоответствие полученного образования требованиям работодателей, а также отсутствие опыта работы после окончания среднего специального или высшего учебного заведения являются основными причинами молодежной безработицы: самый высокий уровень безработицы отмечается в возрастной группе 20—24 года (13,5%) [Статистический бюллетень, 2021], то есть в тот период, когда молодые люди определяются с первым местом работы после окончания учебы в специальных средних или высших учебных заведениях. Рынок труда, выступающий фундаментом социально-экономического развития, ежегодно пополняется крупными отрядами выпускников высших и средних специальных учебных заведений, в то время как государство сталкивается с проблемой создания новых высокотехнологичных рабочих мест для удовлетворения потребности в трудоустройстве возросшей массы молодых специалистов.

Механизмом правового и институционального регулирования квалификаций работников с учетом потребностей рынка труда и возможностей системы образования является Национальная рамка квалификации, которая внедряется в Республике Беларусь с 2018 г. В соответствии с ней разрабатываются профессиональные стандарты, раскрывающие содержание профессиональной деятельности и требования к квалификации работников в рамках определенной отрасли [Постановление Совета Министров, 2018]. Планируется практическое апробирование новых элементов национальной системы квалификаций в пилотных секторах экономики страны: секторе информационных технологий и сфере управленческой деятельности. По мнению ряда ученых, построенная на принципах прозрачности получения квалификаций, объективности и независимости оценивания, рамка квалификации позволяет обеспечивать систематический мониторинг рынка труда и дает импульс к эффективному экономическому росту страны [Есенина, 2014: 51].

Таким образом, с целью нивелирования демографических вызовов развития социального потенциала молодежи представляется актуальным приоритетное влияние на ценностные ориентации молодого поколения, а не материальное стимулирование, поскольку государство выступает важным оплотом сохранения семейных ценностей. Экономические условия развития социального потенциала молодежи лежат в плоскости создания гибкой модульной образовательной системы, ориентированной на подготовку специалистов для экономики знаний, в которой акценты в профессиональной подготовке будут смещены на практико-ориентированность и формирование востребованных компетенций на рынке труда, а также дальнейшее развитие и внедрение Национальной рамки квалификации.

Список литературы

1. Чередниченко, Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М, 2014.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь: статистический сборник. Минск, 2021.
3. Шарова Е. Н. Молодежь и современный рынок труда: социологический анализ основных противоречий // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Вып. 3. Ч. I. С. 111—121.
4. Титаренко Л. Г. Ценности труда молодежи в белорусском обществе: потенциал инновационности и традиционности // Социологический альманах. 2016. Вып. 7. С. 134—145.
5. Статистический бюллетень «Занятость населения в Республике Беларусь в 2021 г.» URL: <http://www.belstat.gov.by>.
6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2018 г. № 764 «О стратегии совершенствования национальной системы квалификаций Республики Беларусь». URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C21800764_1540587600.pdf.
7. Есенина Е. Ю., Прянишников О. Д. Национальная рамка квалификации. Образовательная политика. 2014. № 1 (63). С. 49—54.

Е. А. Яковлева, Ю. В. Филоненко

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В КОНЦЕПЦИИ БАЛАНСА ЖИЗНИ И ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ)

ЯКОВЛЕВА Елена Андреевна — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: eyakovleva@sfedu.ru

ORCID: 0000-0003-1335-7888

ФИЛОНЕНКО Юлия Вячеславовна — кандидат экономических наук, руководитель направления «государственные и муниципальные закупки», ООО «Компания Фототех», Москва, Россия

E-MAIL: b2g@phototech.ru

ORCID: 0000-0002-9652-6052

Аннотация. Интерпретация 50 глубинных интервью научно-педагогических работников шести российских вузов в рамках моделей соотношения работы и личной жизни с учетом факторов баланса позволила сформулировать ряд выводов о субъективном благополучии и о степени его влияния на эффективное поведение в профессиональной деятельности, а также на ощущение баланса, связанное с высоким уровнем профессионального благополучия.

Ключевые слова: субъективное и профессиональное благополучие, баланс работы и жизни, научно-педагогические работники

Критерии субъективного благополучия существенно трансформируются в современных условиях высокой динамики и глубины общественных, социальных, экономических и политических изменений. В этой ситуации возникает необходимость не только выявления уровня субъективного благополучия населения страны с помощью известных и апробированных качественных и количественных методик от «приборной панели» до разнообразных рейтингов и индексов благополучия, но и анализа специфики взаимосвязи уровня субъективного благополучия и профессионального

212 благополучия особых социальных групп, генерирующих социальный капитал. Таковой группой являются научно-педагогические работники высших учебных заведений, взаимосвязь субъективного и профессионального благополучия которых в рамках концепции баланса жизни и труда обладает рядом особенностей, изложенных в данных тезисах.

Уточним важность этого направления: ряд исследований показывают, что профессия, профессиональная идентичность, самореализация, мотивация связаны с субъективным благополучием в трудовой сфере и отражают стремление индивида к росту и развитию, его компетентность, отношение к результатам труда [Rath, Harter; 2010; Warr, 2013; van Horn, 2004].

В научной литературе исследованы профессиональные компоненты субъективного благополучия представителей различных профессий (медицинских сестер, реанимационных работников, что связано с проблемами выгорания и эмоциональности, школьных учителей и педагогов, инкассаторов и работников охранных, спасательных служб как имеющих определенную специфику трудовой деятельности, спортсменов и др.), предпринимаются попытки выделить факторы профессиональной среды, способствующие повышению его уровня [Березовская, 2016; Творогова, 2017], что представляется чрезвычайно актуальным в специфической сфере российского образования.

Эмпирическое исследование субъективного благополучия научно-педагогических работников и взаимосвязи баланса между их работой и личной жизнью с особенностями профессии основано на проведенных в сентябре-декабре 2018 г. 50 глубинных интервью представителей академической профессии — научно-педагогических работников российских региональных, федеральных и опорных вузов [Скачкова, Яковлева, Филоненко, 2020; Филоненко, Яковлева, 2019].

Выявлено негативное влияние на профессиональное благополучие НПР современных реформ образования в условиях прекаризации социально-трудовых отношений в России вследствие роста административной нагрузки, увеличения отчетности, необходимости освоения новых формализованных стандартов работы. Респонденты указывали на растущую бюрократическую нагрузку, изменяющиеся «правила игры», неопределенность и влияние этих явлений на баланс работы и жизни: «постоянная включенность и субъективная вовлеченность в рабочие процессы нарушает чувство баланса, отсутствие уважения к часам личной жизни по профессиональным причинам» (проф., доктор экон. наук,

39 лет, женщина). Ряд респондентов оценивают ситуацию как критичную, но, стремясь сохранить работу, адаптируются к новым реалиям и меняют целевые установки, что приводит к разрушению позитивных профессиональных ценностей.

Нарушение баланса труда и отдыха, по мнению респондентов, одновременно препятствует как развитию научного профессионального роста, так и полноценной личной жизни. Однако отметим важность дискурса о любимой, вдохновляющей работе — те респонденты, которые его обозначили, имеют более высокую субъективную удовлетворенность от профессиональной деятельности и демонстрируют меньшую выраженность дисбаланса. Социальную значимость научно-педагогической деятельности отметили большинство респондентов, что позволяет выделить ее в отдельный дискурс: «наша профессия является социально значимой, поэтому главным фактором роста субъективного благополучия является профессиональная идентичность» (проф., доктор экон. наук, 47 лет, мужчина).

Выявленная удовлетворенность профессией или, в терминах позитивной организационной психологии, увлеченность работой (*work engagement*), понимаемая в концепции В. Шауфели и А. Бэккера как показатель позитивного, связанного с профессиональными обязанностями психологического состояния [Schaufeli, Bakker, 2010: 11], разумеется, не претендует на статус предиктора наличия баланса труда и личной жизни, однако такая взаимосвязь имеет место и выявляется нашими респондентами. Тем самым тестируется одна из моделей соотношения работы и личной жизни — модель побочного эффекта (*spillover model*) [Zedeck, Mosier, 1990; O'Driscoll, 1996], обосновывающая влияние одной сферы на другую в позитивном или негативном ключе. Подтвердилась также инструментальная модель, предполагающая, что одна сфера содействует успеху в другой сфере: «*те профессии, в которых люди чувствуют себя уверенно, делают их более счастливыми*» (доц., кандидат техн. наук, 57 лет, мужчина).

Таким образом, проверено предположение о наличии значимой связи баланса «работа — личная жизнь» с особенностями академической профессии (увлеченность работой, академические ценности) и субъективным благополучием жизни. Сделан вывод, что субъективное благополучие имеет значимую обратную связь с балансом: чем выше субъективная удовлетворенность жизнью, тем ниже степень выраженности дисбаланса. Выявленная связь баланса работы и личной жизни с академическими ценностями трудовой деятельности проявляется в следующем: чем выше уровень осознания ценности академической профессии, то есть позитив-

ные оценки преобладают над негативными, тем меньше дискомфорта ощущает человек в совмещении работы и личной жизни. Идентификация детерминант баланса между работой и личной жизнью и признание важности ценностей академической профессии и социального контекста в достижении баланса дает возможность расширить потенциал научных и управленческих практик повышения результативности труда персонала образовательных организаций.

Список литературы

1. Березовская Р. Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45.
2. Скачкова Л., Яковлева Е., Филоненко Ю. и др. Субъективное благополучие научно-педагогических работников (по материалам межрегионального социологического исследования 2018—2020 гг.). Ростов-н/Д; Таганрог: ЮФУ, 2020.
3. Творогова Н., Кулешов В. Преподаватель отечественного вуза перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2017. № 3. С. 3—21.
4. Филоненко Ю., Яковлева Е. Субъективное благополучие научно-педагогических работников современных университетов в рамках концепции баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.05>.
5. Greenhaus J. H., Collins K. M. (2003) The Relation between Work-Family Balance and Quality of Life. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 63. P. 510—531.
6. O'Driscoll M. (1996) The Interface between Job and Off-Job Roles: Enhancement and Conflict. In: C. Cooper, I. Robertson (eds.) *International Review of Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 11. P. 279—306.
7. Rath T., Harter J. (2010) *Wellbeing: The Five Essential Elements*. Gallup Press.
8. Schaufeli W., Bakker A. (2010) Defining and Measuring Work Engagement. In: A. Bakker, M. Leiter (eds.) *Work Engagement*. New York: Psychology Press. P. 5—24.
9. Warr P. (2013) How to Think About and Measure Psychological Well-being. In: *Research Methods in Occupational Health Psychology: Measurement, Design and Data Analysis*. New York: Psychology Press. P. 76—90.
10. Zedeck S., Mosier K. (1990) Work in the Family and Employing Organization. *American Psychologist*. Vol. 45. P. 240—251.

С. Д. Гусев

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАК ВОЗМОЖНОМ МЕСТЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА

ГУСЕВ Сергей Дмитриевич — студент третьего курса бакалавриата, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: gusev.seregi.u@gmail.com

Аннотация. Территории Севера много лет испытывают проблемы в трудовых ресурсах, прежде всего в молодых специалистах. Данная работа посвящена актуальной теме представления студентами Севера как возможного места трудоустройства. Трудоустройство на Севере — сомнительная перспектива для студенческой молодежи.

Ключевые слова: северные территории, трудоустройство, студенты, рынок труда, трудовая миграция, представления о Севере, вуз, трудовые ресурсы

По экспертным оценкам, северные территории в целом испытывают отток населения, нехватку трудовых ресурсов, в том числе молодых специалистов [Замятина, Гончаров, 2020; Мкртчян, 2021]. Как отмечают М. В. Иванова и Э. С. Клюкина, «Возникает своеобразный социально-экономический „оксюморон“: отток населения при высоком уровне экономического потенциала» [Иванова, Клюкина, 2017].

В большинстве городов Севера отсутствуют собственные вузы, поэтому поиск выпускников ведется в вузах других регионов, в том числе в Новосибирске. Эмпирическим объектом нашего пилотажного исследования стали студенты выпускных курсов НГТУ.

Цель данного исследования — изучить представления студентов НГТУ о рынке труда северных территорий и о возможностях трудоустройства там.

В рамках данного исследования было проведено три фокус-группы со студентами выпускных курсов.

По результатам исследования выявлено, что при выборе места будущего трудоустройства выпускники ориентируются прежде всего на крупные, престижные компании, исключая региональные компании, в которых иногда предлагаемые условия труда более выгодны. Также предпочитают трудоустройство в крупных городах, чаще всего называют Москву и Санкт-Петербург.

Большая часть респондентов-выпускников мобильны и не видят проблем для переезда с целью трудоустройства: «Пока молодые, можно попробовать. Надо пробовать, пока есть время». Но отмечают такие препятствия для переезда на Север для дальнейшего трудоустройства, как разлука с семьей и большое расстояние до родного региона. К примеру, респонденты отмечают, что «одна-единственная проблема, которая может быть, — это семья».

Среди стимулов переезда на Север выделяются заработная плата и получение опыта: «если будет предложение переехать в другой какой-нибудь северный город, но там будет достойная зарплата и достойная вакансия, то да — я, скорее всего, соглашусь, но в перспективе трех-пяти лет: чисто заработать денег и получить опыт», «ну, возможно, я бы поехала туда работать, если бы мне предложили там работу с хорошей заработной платой, которая будет в несколько раз превышать ту, которую могу получить в Новосибирске». Вместе с тем данные стимулы привлекают только в краткосрочной перспективе, молодые люди готовы «пожертвовать» несколько лет для того, чтобы заработать денег: «Все равно какое-то количество лет я могу там отработать, но в дальнейшем все равно перееду в более развитый город». Таким образом, только материальные стимулы неспособны стать средством для закрепления молодых специалистов на Севере. Города северных территорий кажутся им «некомфортными», неразвитыми с точки зрения инфраструктуры.

Часть респондентов отмечали плохую развитость городов, большие расстояния до больниц и школ («территории мало освоены из-за своего климата, там вечная мерзлота»), другие утверждали, что «регион развит», ссылаясь на природные богатства и помощь компаний, которые там расположены («наверняка это не деревня. Все это развито, но это очень малочисленные города, малую площадь занимают»). Данные представления не соответствуют реальности, так как существует большое количество федеральных программ развития северных регионов.

На вопрос об ассоциациях с Севером респонденты называли холод и красивую природу. Еще одной характерной чертой Севера, по мнению респондентов, являются высокие цены на продукты и соответствующие высокие заработные платы.

Респонденты считают, что «Северный колорит» специфичен: «По моему мнению, оно (население) сильно отличается от людей, живущих в нашей части России: у них немножко другое представление о жизни и немного другие мысли в их головах». Люди, живущие на Севере, кажутся им приспособленными к «суровым условиям».

Немаловажный дополнительный фактор при выборе места будущего трудоустройства студентами НГТУ — наличие мест для проведения досуга: «Должно быть организовано свободное время, чем ты себя можешь занять». При этом досуг в северном регионе сопряжен с природой и таким видом активного досуга, как рыбалка. Респонденты отмечают, что регион еще «не тронут человеком»: «большая часть Севера, этих всех мест, она человеком мало освоена, и хотелось бы посмотреть побольше вот таких мест, которые нетронуты никем».

Трудоустройство на Севере сегодня является сомнительной перспективой для студентов НГТУ. Важным шагом в решении проблемы привлечения и закрепления на местах молодых специалистов было бы не только создание и развитие социальной инфраструктуры и благоприятной городской среды, но и формирование имиджа региона, преодолевающего искаженные представления о Севере.

Список источников:

1. Иванова М. В., Ключкина Э. С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 180—198. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>.
2. Замятина Н. Ю., Гончаров Р. В. Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 4. С. 69—82.
3. Мкртчян Н. В. Баланс миграции населения российского Севера и Арктики в 2010-е годы и его структурные составляющие // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2021. С. 304—325.

Д. Н. Жиганова

СПЕЦИФИКА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

ЖИГАНОВА Дария Николаевна — студентка, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

EMAIL: zhiganovad5@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трудовой мотивации рабочих промышленных предприятий Череповца. Автор определяет различия в мотивации рабочих в сравнении с экономически активным населением в целом и прослеживает тенденцию изменения трудовой мотивации с изменением возраста. При помощи факторного анализа автор выделяет три основных типа трудовой мотивации, присущих рабочим: мотивация достижения, мотивация сохранения и коммуникативная мотивация. Для рабочих промышленных предприятий более характерна мотивация сохранения и существенно меньше выражена по сравнению с экономически активным населением мотивация достижения. Среди возрастных групп мотивация достижения заметна только среди молодежи, тогда как ей не свойственна коммуникативная мотивация. Неоднородность трудовой мотивации рабочих предопределяет сложную дифференцированную систему стимулирования работников с целью их закрепления на промышленных предприятиях, развития и повышения эффективности их работы.

Ключевые слова: рабочие, промышленность, моногород, трудовая мотивация, трудовые ценности, терминальность, инструментальность

На предприятии важно изучать трудовую мотивацию работников — от мотивационного ядра зависит эффективность работы человека. Существенный вклад в изучение мотивации трудовой деятельности внесли А. Маслоу, Д. МакГрегор, У. Оучи, Э. Мэйо, Д. МакЛелланд, В. Врум и др. В. А. Ядов с коллегами выяснил, что трудовая мотивация зависит от содержания трудовой деятельности: в группах с более простым содержанием труда ориентация на материальный достаток выше, а на интерес к работе — ниже [Ядов, 2013].

Вопросы изучения трудовой мотивации не потеряли актуальности сегодня. Для моногородов, городов с высокой долей промышленного

производства важно изучение мотивации рабочих с целью построения эффективной системы стимулирования работников, снижения текучести кадров, удержания наиболее эффективных работников в регионе. Особенно актуален данный вопрос для молодого поколения, для которого характерны миграционные настроения.

Для практического осмысления прикладного исследования интерес представляет модель А. Л. Темницкого. Специалист в области социологии труда пишет о терминальности и инструментальности в отношении к труду. Терминальность отражает самостоятельную значимость труда как важной цели в жизни. Работа рассматривается человеком как способ самореализации личности. Инструментальность в отношении к труду отражает вспомогательную роль труда по отношению к материальному благополучию. Работа — это средство удовлетворения потребностей [Темницкий, 2005].

Рассмотрим, в чем специфика трудовой мотивации рабочих промышленных предприятий Череповца. Эмпирическая база исследования — опрос кафедры социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, проведенный в марте 2022 г. Мы задавали респондентам вопрос: «Что для Вас является наиболее важным в работе?» Для выявления специфики мы сравнили трудовую мотивацию рабочих промышленных предприятий и экономически активного населения Череповца. Для обеих групп в работе важны заработная плата, безопасность (у рабочих этот пункт выражен ярче — 65 % рабочих против 53 % экономически активного населения — это связано с тяжелыми, а часто и опасными условиями труда на заводах), надежность и стабильность рабочего места. Отметим, что интересная работа, возможность проявлять инициативу и реализовать способности более выражены у экономически активного населения. Это подтверждает слова В. Ядова о том, что содержание профессии определяет трудовую ориентацию.

В таблице 1 представлена специфика мотивации трудовой деятельности рабочих промышленных предприятий в зависимости от возраста.

Вне зависимости от возраста доминирует заработная плата. По сравнению с другими возрастными группами для молодежи наименьшее значение имеет социальный пакет на предприятии. А отношения с руководством и коллегами не выбрал ни один респондент из представленной группы. Зато наиболее важны для молодежи возможность обучения и возможность реализации способностей. Отметим, что важность официального оформления на работу для молодого и наиболее пожилого поколения не представляет особой ценности. Для категории 55—64 это

связано с выходом на пенсию, а в категории 18—24 в целом наблюдается нежелание официального трудоустройства.

Таблица 1. Особенности трудовой мотивации в зависимости от возраста, в %

	18— 24	25— 34	35— 44	45— 54	55— 64	Общий
Заработная плата	88	83	88	89	91	87
Безопасность	75	52	78	61	64	65
Надежность, стабильность места работы	25	57	58	44	64	53
Хорошие условия труда	38	45	40	61	46	45
Отношения с коллегами	0	29	50	39	46	38
Официальное оформление на работу	13	45	28	39	18	33
Возможность обучения, повышения квалификации	50	36	40	22	0	33
Работа оставляет время для досуга, личной жизни	50	29	38	28	27	33
Удобный режим, график работы	13	31	43	22	27	33
Социальный пакет на предприятии	25	21	35	39	18	28
Отношения с руководством	0	33	25	33	18	27
Перспективы профессионального, служебного роста	25	33	28	17	9	26
Возможность реализовать свои способности	50	33	13	28	0	23
Работа пользуется уважением у окружающих	25	12	25	33	36	23
Работа должна быть интересной	25	21	25	28	0	22
Возможность проявлять инициативу	25	24	15	6	0	14
Возможность участия в принятии решений	0	12	8	17	0	9
Чтобы удобно было добираться	0	10	15	6	0	9
Чтобы работа была престижной	13	7	3	6	9	6

Для более глубокого анализа выделим основные типы мотивации рабочих. Используем факторный анализ. В целях упрощения интерпретации применим метод вращения переменных.

Таблица 2. Факторный анализ трудовой мотивации

	1	2	3	4
Безопасность	-0,083	0,04	0,059	0,67
Возможность обучения, повышения квалификации	0,54	0,094	0,044	0,459
Возможность проявлять инициативу	0,668	-0,048	0,095	-0,055
Возможность реализовать свои способности	0,657	-0,002	-0,05	-0,141
Возможность участия в принятии решений	0,687	0,166	0,298	-0,298
Отношения с коллегами	-0,041	-0,152	0,727	0,247
Отношения с руководством	0,046	0,095	0,631	-0,084
Работа должна быть интересной	0,236	0,219	0,537	0,147
Официальное оформление на работу	0,104	0,52	-0,043	-0,317
Хорошие условия труда	-0,144	0,644	0,162	-0,351
Удобный режим, график работы	-0,078	0,515	0,081	0,186
Чтобы удобно было добираться	0,243	0,547	-0,006	0,402
Социальный пакет на предприятии	-0,097	0,582	0,169	0,012

В первую группу входят рабочие с достижительной мотивацией труда. Для них важны возможности обучения и повышения квалификации, проявления инициативы и самостоятельности, реализации способностей и участие в принятии решений. Второй группе свойственна мотивация сохранения — они выбирают официальное оформление на работу, хорошие условия труда, удобный график, удобное расположение и социальный пакет. Рабочие третьей группы имеют коммуникативную мотивацию. Они отмечают важность отношений с коллегами, руководством, а также интересную работу. Четвертая группа рабочих размытая.

Исследование показало, что для рабочих Череповца характерно инструментальное отношение к труду. В среде рабочих выделяются три мотивационные группы: рабочие с мотивацией достижения, сохранения и коммуникативной мотивацией труда. Промышленным рабочим более присуща мотивация сохранения. Мотивация достижения заметна только

среди молодежи, при этом ей не свойственна коммуникативная мотивация. Мы понимаем, что для каждой из групп должна быть своя система мотивации на предприятии, строить единый производственный процесс для разных групп было бы неправильно.

Список литературы

1. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПИМ, 2013.
2. Темницкий А. Л. Отношение к труду рабочих России и Германии: терминальное и инструментальное // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 54—63.

О. С. Иванченко

223

ТРАНСПРОФЕССИОНАЛИЗМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

ИВАНЧЕНКО Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия.

E-MAIL: ivanchenko_os@npi-tu.ru

ORCID: 0000-0002-0173-1804

Аннотация. Статья посвящена феномену транспрофессионализма как перспективной траектории профессионального развития, позволяющей реализовать инновационный потенциал молодых ученых в научной сфере и снизить риск депрофессионализации. Цель исследования заключается в разработке теоретической концепции и соответствующего методологического инструментария исследования транспрофессионализма молодых ученых. Исследование опирается на концепцию социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности, которая позволила определить транспрофессионализм как социокультурный феномен, детерминируемый совокупностью установок, представлений и ценностей, артикулируемый детерминантами, условиями и механизмами формирования. Сделан вывод, что предложенная методологическая рамка дает возможность найти корреляты между методологическим и эмпирическим аппаратом и тем самым повысить степень достоверности и обоснованности результатов исследования транспрофессионализма. Основные положения статьи расширяют границы теоретико-методологической рефлексии данной проблематики и стратегии социологического изменения профессионального становления и развития молодых ученых.

Ключевые слова: молодые ученые, транспрофессионализм, концепция социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности

Сфера науки и научно-технологического развития является стратегическим приоритетом государства, выступая средством достижения экономического лидерства и обеспечивая национальную безопасность. Однако несмотря на активную государственную политику, развитость нормативно-правовой и методологической базы, регламентирующей

меры государственной поддержки развития науки, данная сфера не привлекает молодые научные кадры вследствие существующих институциональных барьеров и неразвитого рынка труда в научной сфере [Изотова, 2020]. Учитывая, что будущий инновационный потенциал страны зависит от креативности, образованности и желания связать свой профессиональный путь с наукой, молодые ученые заслуживают особого внимания.

Молодежь является открытой саморазвивающейся системой, на которую влияют как внешние, так и внутренние факторы, требующие рефлексии в непосредственной причинно-следственной взаимосвязи как со смысложизненными ценностями и убеждениями, переходящими в жизненные позиции, так и с социальными изменениями в обществе.

Феномен транспрофессионализма недостаточно изучен в зарубежной и отечественной литературе и требует введения категориального аппарата, отражающего основные константы и функционалы.

Транспрофессионализм как глубинная трансформация профессионализма — результат динамичности, непредсказуемости, изменчивости и нестабильности окружающей действительности вследствие ускоряющихся технологических и социальных процессов [Harden, 1998; Powell, 2005; Racko, Oborn, Barrett, 2017]. В таких условиях затруднительно однозначно определить жизненные ориентации и выстроить профессиональные стратегии, которые формируются в процессе жизнедеятельности индивида.

Наиболее адекватной методологической рамкой изучения транспрофессионализма молодых ученых выступает концепция социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности [Ученые записки..., 2020], в рамках которой саморегуляция жизнедеятельности осуществляется путем воздействия индивида и группы на самих себя для реализации желаемого, то есть на основании собственной системы ценностных ориентаций, убеждений, мотивов индивид самостоятельно конструирует свою жизнь, выбирая ту или иную профессию, стратегию профессионального развития [Зубок, Чупров, 2020: 7].

Выбранная методологическая рамка позволяет выделить структурные элементы изучения транспрофессионализма: детерминанты саморегуляции молодых ученых (институциональная, социокультурная, организационная и деятельностьная среда); условия (мотивы выбора научной карьеры, специфика профессиональной социализации, ориентация выбора профессиональной стратегии); уровни (целеориентированное, групповое или индивидуальное регулирование); механизмы саморегуляции (ценности, установки, этос и социальные практики) и определить

содержательную интерпретацию данного феномена, которая представляет собой социокультурный феномен, содержательно представляет собой стратегию профессионального развития личности, включающую ценностный, рефлексивный и поведенческий компонент и определяется институционально и социокультурной средой.

Исследование транспрофессионализма — сложная методологическая задача. Предложенная исследовательская рамка позволяет найти корреляты между стартовыми условиями транспрофессионализма, традициями и инновациями профессиональной социализации и условиями «перевода» указанных критериев в действующий дискурс транспрофессионализма на уровень группы транспрофессионалов как «организованной» группы, нацеленной на общий план действий, а также на формирование приоритетов транспрофессионализма в контексте государственной стратегии в сфере науки.

Методологическая модель исследования транспрофессионализма молодых ученых, в основу которой заложен социокультурный механизм саморегуляции жизнедеятельности, позволяет разработать эмпирическую методику, коррелирующую с методологическим аппаратом, снять амбивалентность достигнутых результатов и ориентироваться на совокупность критериев, позволяющих выявить степень достоверности и обоснованности полученных результатов. Дальнейшая перспектива исследования в предлагаемой интерпретации заключается в разработке индикаторов и показателей, которые позволят проанализировать параметры транспрофессиональных установок и практик молодых ученых на различных уровнях.

Список литературы

1. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020.
2. Изотова Г. С. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_disscusion/sp.pdf?ysclid=I3exkr7hz4.
3. Ученые записки ФНИСЦ РАН / отв. ред. М. К. Горшков. Выпуск 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.

4. Powell J. Professionalism, Multi-Professionalism, Inter-Professionalism and Transprofessionalism. URL: <http://www.atee2005.nl/download/papers>.
5. Racko, G., Oborn E., Barrett. M.I. (2019) Developing Collaborative Professionalism: An Investigation of Status Differentiation in Academic Organizations in Knowledge Transfer Partnerships. *The International Journal of Human Resource Management*. Vol. 30. P. 457—478.
6. Harden R. M. (1998) Effective Multiprofessional Education: A Three-Dimensional Perspective. *Medical Teacher*. Vol. 20. P. 409—416.

А. О. Аверьянов

МЕТОДИКА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КАДРОВОЙ ПОТРЕБНОСТИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

*АВЕРЬЯНОВ Александр Олегович — специалист Центра бюджетного мониторинга, Петро-
заводский государственный университет, Петрозаводск, Россия*

E-MAIL: aver@petsu.ru

Аннотация. Развитие сферы искусственного интеллекта — одна из стратегических задач российской экономики. Значимым элементом этого развития являются кадры, важно понимать состояние отрасли, знать текущую и перспективную численность работников. Цель нашего исследования — определить оптимальную методику расчета численности работников на рынке труда в сфере искусственного интеллекта и рассчитать перспективную кадровую потребность. В статье рассмотрен пример того, как на основе метода «по аналогии», используя в качестве бенчмарка состояние рынка труда США, можно рассчитать кадровую потребность в сфере искусственного интеллекта в России. В тексте статьи представлена расчетная численность работников с компетенциями в сфере искусственного интеллекта по видам экономической деятельности.

Ключевые слова: рынок труда, кадровая потребность, искусственный интеллект, прогнозирование

Для Российской Федерации искусственный интеллект представляет собой область стратегической важности¹⁵, и главной задачей является обеспечение российского рынка искусственного интеллекта квалифицированными кадрами. Основным источником обеспечения экономики кадрами — система образования, а инструмент — корректировка контрольных цифр приема по отдельным направлениям подготовки/специальностям. В свою очередь, планирование приема требует понимания текущего положения на рынке труда в сфере ИИ — объема ежегодной дополнительной кадровой потребности. Цель данного исследования — расчет

¹⁵ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946>.

прогноза кадровой потребности на российском рынке труда в сфере искусственного интеллекта.

Прогнозированию потребности российской экономики в кадрах посвящено большое количество работ отечественных ученых. Среди них можно отметить работы сотрудников Петрозаводского государственного университета [Симакова, 2019]. Примеры расчетов объемов кадрового обеспечения отдельной отрасли представлены в статьях Н. Ю. Анисимовой [Анисимова, 2019] и Л. Г. Большедворской [Большедворская, 2019]. Модель прогнозирования потребности экономики на уровне региона представлена в работе Н. Н. Муравьевой [Муравьева, 2009].

Ряд работ посвящен обзорам отдельных методов прогнозирования, например, в работе В. А. Гневашевой, М. Н. Прокофьева и А. В. Фрыгина рассматриваются наиболее распространенные методы прогнозирования трудовых ресурсов [Гневашева, Прокофьев, Фрыгин, 2016]. В статье А. Е. Судоковой, Г. А. Агаркова и А. Ф. Шорикова рассматривается динамическая модель удовлетворения потребностей рынка труда выпускниками вузов [Sudakova, Agarkov, Shorikov, 2018].

Непосредственное использование стандартной методики кадрового прогнозирования применительно к сфере искусственного интеллекта затруднено отсутствием в российской экономической статистике показателей численности работников на рынке труда с детализацией по профессиям, образовательным специальностям, видам экономической деятельности; валовой добавленной стоимости объема инвестиций и производительности труда в сфере искусственного интеллекта, а также отсутствием в документах социально-экономического планирования экономических показателей, отражающих вклад сферы искусственного интеллекта в ВРП на ретроспективном и прогнозном периодах.

В ситуации отсутствия необходимых показателей расчет потребности секторов российской экономики в квалифицированных кадрах возможен на основе анализа зарубежного опыта (метод «по аналогии»). Техника прогнозирования заключается в анализе высокоразвитой системы (страны, региона, отрасли): на основании выявленных тенденций и характеристик развития изучаемого процесса в высокоразвитой системе строится прогноз для менее развитой системы. Практика свидетельствует, что такие аналогии можно использовать при определении путей развития новых отраслей и технологий, структуры производства, потребления и т.д.¹⁶

¹⁶ Основы социального и экономического прогнозирования. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F147717178/Osnovy.socialnogo.i.ekonomicheskogo.prognozirovaniya.MAG.pdf>.

Для решения поставленной задачи прогнозирования метод «по аналогии» предполагает обеспечение секторов российской экономики квалифицированными кадрами в сфере искусственного интеллекта в объемах и по структуре, аналогичным соответствующим показателям в странах с эффективной рыночной экономикой на основе анализа зарубежных источников. Использование этого метода основывается на предположении о том, что тенденции в области развития технологий искусственного интеллекта в России аналогичны таковым в зарубежных странах.

Применение метода «по аналогии» требует выбора эталонной страны для аппроксимации структуры экономики и показателей рынка труда. В рамках исследования отбор страны проводился на основе трех факторов: наличие национальных данных, характеризующих занятость в сфере ИИ; тождественность структур занятости в России и зарубежных странах (*для оценки корректности использования показателей рынка труда*); позиция России в сфере ИИ относительно позиций ведущих стран (*число публикаций, финансирование, ИИ-рейтинги*).

Анализ собранных данных позволяет выбрать в качестве бенчмарка для прогнозирования кадровой потребности российской экономики США. Учитывая разницу в показателях России и США, можно использовать ретроспективные данные по занятости в США с учетом десятилетнего лага — этот срок, на наш взгляд, оптимален для выстраивания трендов развития.

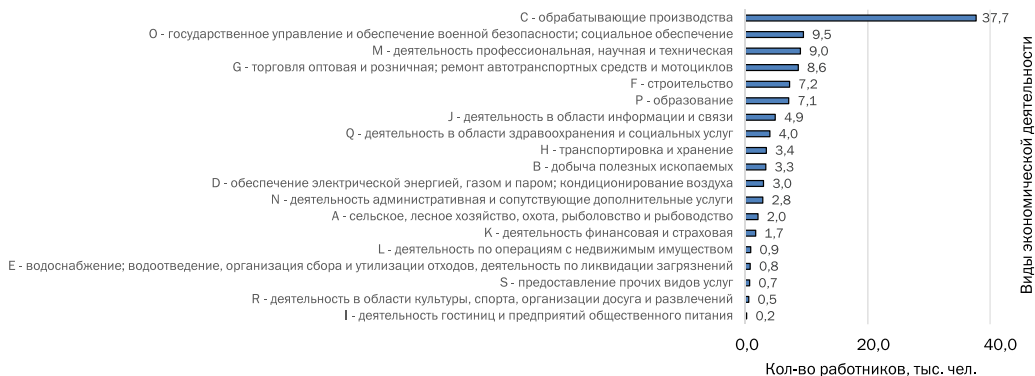
Результаты анализа показателей экономики и рынка труда России и США дают основание для сравнения количественных характеристик занятости в сфере ИИ США с учетом десятилетнего лага. Ключевым показателем рынка труда США для формирования прогноза кадровой потребности в России послужили данные о доле вакантных рабочих мест в сфере искусственного интеллекта в общем числе вакансий по видам экономической деятельности¹⁷.

Для перехода от числа вакансий к числу работников был рассчитан коэффициент пропорциональности для каждого вида экономической деятельности. В расчетах использовались данные о списочной численности работников и потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам в области ИКТ. Коэффициент представляет собой отношение доли работников по ИКТ в общем числе работников к доле вакансий по ИКТ в общем числе вакансий по каждому виду экономической деятельности.

¹⁷ Artificial Intelligence Index Report 2021. Stanford University Human-Centered Artificial Intelligence. P. 88. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report>.

На основе структуры вакансий в сфере ИИ по видам экономической деятельности в США в 2011 г., а также численности работников в России по видам экономической деятельности в 2020 г. с учетом коэффициента пропорциональности была рассчитана численность работников в России с компетенциями ИИ на 2020 г. (рис. 1.)

Рис. 1. Расчетная численность работников по ВЭД с компетенциями в сфере ИИ, Россия, 2020, тыс. человек

На основе проведенных расчетов численность работников в сфере ИИ России в 2020 г. составила 107,2 тыс. человек. Более половины от суммарной ЕДП приходится на три вида экономической деятельности: обрабатывающие производства (35,2% / 37,7 тыс. чел.), государственное управление (8,8% / 9,5 тыс. чел.) и деятельность профессиональная, научная и техническая (8,4% / 9 тыс. чел.).

Для определения ежегодного прироста работников в сфере ИИ аналогичным способом было рассчитано прогнозное значение числа работников российской сферы ИИ на 2030 г. — 394,8 тыс. человек. При линейном тренде прироста ежегодная дополнительная кадровая потребность составит 28,7 тыс. человек. Полученные результаты позволяют определить объем кадров, который необходимо подготовить для развития экономики, объемы требуемого финансирования при выстраивании, а также общую ситуацию в отрасли.

Список литературы

1. Анисимова Н. Ю. Методические аспекты формирования сбалансированного механизма кадрового обеспечения АПК Республики Крым

- // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 3. С. 197—204. <https://www.doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.20>.
2. Большедворская Л. Г., Кусакин А. М. Прогнозирование кадровой обеспеченности в гражданской авиации на основе метода динамики средних // Инновации в гражданской авиации. 2019. Т. 4. № 1. С. 58—67. EDN HJJSK.
3. Гневашева В. А., Прокофьев М. Н., Фрыгин А. В. Баланс трудовых ресурсов: предпосылки прогнозирования бюджетных расходов на подготовку кадров в системе образования // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3. С. 172—176. <https://www.doi.org/10.18184/2079-4665.2015.7.3.172.176>.
4. Муравьева Н. Разработка модели регулирования выпуска специалистов с высшим профессиональным образованием с учетом потребностей экономики региона (на примере Волгоградской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 36. С. 47—53. EDN KWUCRN.
5. Симакова А. В., Степуть И. С., Питухин Е. А. Система образования и кадровая потребность арктических регионов России: профессиональный разрез // Перспективы науки и образования. 2019. № 5. С. 492—502. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2019.5.35>.
6. Sudakova A. E., Agarkov G. A., Shorikov A. F. (2018) Optimization of the Graduates Labour Market: Dynamic Modeling, Russian and Foreign Experience // IFAC-PapersOnLine, Yekaterinburg, 15—19 октября 2018 г. P. 401—406. <https://www.doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.417>.

ВКЛЮЧЕННОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В СФЕРУ ПРЕКАРНОЙ ЗАНЯТОСТИ КАК АДАПТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

СМИРНОВА Юлия Александровна — преподаватель кафедры социологии, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

E-MAIL: novyuliaalex@yandex.ru

Аннотация. В условиях высокой неопределенности большинство учителей иностранного языка (около 60 %) в качестве адаптационной стратегии делают выбор в пользу прекарной занятости. На основе результатов всероссийского исследования данной профессиональной группы ($N = 840$) автор представляет типологию педагогов-лингвистов по характеру их вовлеченности в различные формы вторичной занятости, включающую социально-демографические, профессиональные и ценностно-мотивационные характеристики каждой из пяти выявленных групп. Отмечается, что помимо материально-прагматических мотивов вовлеченности в репетиторство у педагогов-лингвистов также выражены альтруистические и социально значимые мотивы, связанные с желанием самореализации, возможностью имплементации индивидуальных образовательных траекторий и методик преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: прекарная занятость, учителя иностранного языка, педагоги-лингвисты, лингвистические образовательные услуги

Согласно данным Международной организации труда, наибольшее негативное влияние пандемии коронавируса ощутили на себе работники, включенные в неформальный сектор занятости [Matilla-Santander et al., 2021]. Черты прекаризации, характеризующейся «нестабильным социальным положением работников с неопределенной, гибкой степенью занятости и произвольной оплатой труда, полностью или частично лишенных доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты» [Тощенко, 2018: 81], свойственны и работникам сферы образования. Среди них в наиболее уязвимом положении оказались учителя общеобразовательных учебных заведений.

По данным «ГородРабот.ру», средняя зарплата учителя в России в 2022 г. — 28 910 рублей¹⁸. При этом зарплата молодого педагога в провинции не превышает 15 тыс. рублей. В том числе поэтому выпускники педагогических вузов не спешат пополнять ряды учительского корпуса. Существующий «кадровый голод» в российских школах сегодня оценивается в 250 тысяч учителей, наибольший дефицит среди учителей иностранного языка, математики, русского языка и литературы. В декабре 2021 г. на портале «Работа в России» из 22 тысяч предложений вакансии учителей иностранного языка составляли 3074 (14 %), математики — 2803 (13 %), русского языка и литературы — 2671 (12 %)¹⁹.

Кадровый дефицит вызван, среди прочего, и общим старением педагогических кадров: более четверти учителей в России старше 55 лет, а доля молодежи в последние годы не увеличивается. При этом зачастую единственным механизмом как частичного восполнения кадрового дефицита, так и низких зарплат является повышение учебной нагрузки действующих учителей. Так, в провинциальных школах при нормативной нагрузке 18 часов в неделю на 1,5 ставки работают 27 % учителей, а 67 % педсостава трудятся на 1,7—2 ставки [Шабрукова, 2021].

Ввиду описанных факторов многие школьные учителя, чья предметная область наиболее востребована на рынке образовательных услуг, в качестве дополнительного источника дохода выбирают неформальную занятость. Прежде всего это относится учителям иностранного языка — их в России, согласно данным Министерства просвещения РФ, насчитывается 119 359 человек [Сведения по форме..., 2022].

Результаты всероссийского исследования²⁰ среди данной профессиональной группы педагогов показывают, что большинство из них (60 %) в той или иной мере имеют опыт precarious занятости, а половина в настоящее время включена в нее на регулярной основе.

Разработанная *концептуальная модель трудовой занятости учителей иностранного языка* (рис. 1) демонстрирует, что помимо первичной занятости в школе реализуются различные форматы вторичной занятости педагогов — как официальные, так и неофициальные. В основе модели

¹⁸ Статистика зарплат в России за 2022 год — «Учитель». URL: <https://gorodrabot.ru/salary?p=Учитель&l=россия>.

¹⁹ https://trudvsem.ru/vacancy/search?_title=учитель&_regionIds=770000000000 (дата обращения: 20.05.2022).

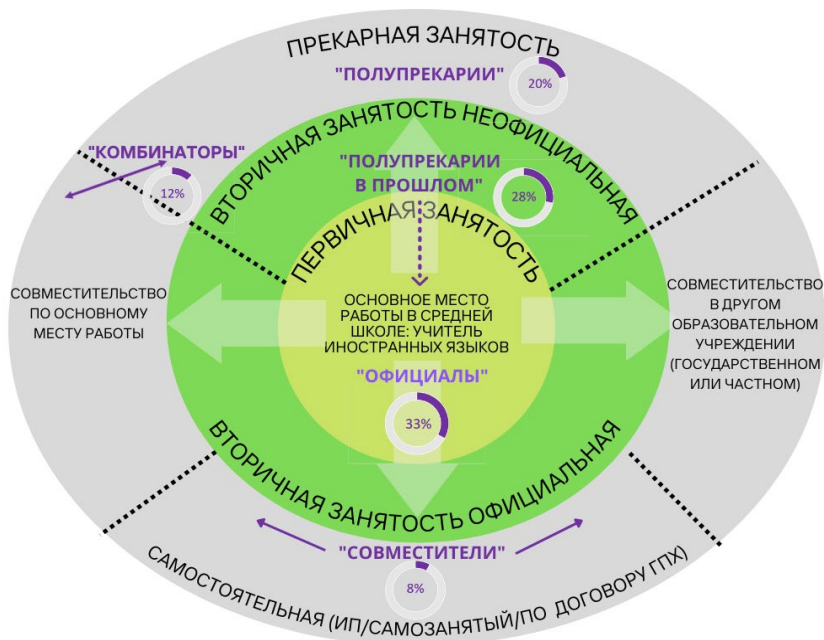
²⁰ Исследование проведено в октябре-декабре 2021 г. методом онлайн-анкетирования на платформе Oprossio путем адресной e-mail рассылки среди учителей иностранного языка общеобразовательных школ в десяти регионах, $N = 840$, выборка многоступенчатая, ошибка выборки 3,5 % (при $\gamma = 0,95$).

лежит типология педагогов-лингвистов в зависимости от степени их вовлеченности в представленные формы вторичной занятости.

Всего выделено пять типов учителей, социальный портрет каждого из них описан по профессиональным, ценностно-мотивационным и социально-демографическим параметрам.

«Официалы» (33%) кроме основного места работы в школе не подрабатывают и не имеют такого опыта. Для них в равной степени важны как материальные (оплата труда, техническое оснащение рабочего места), так и социально значимые мотивы (например, качество контингента учеников). Более половины учителей данного типа в возрасте от 46 лет и старше.

Рис. 1. Концептуальная модель трудовой занятости учителей иностранного языка

«Полупрекарии в прошлом» (28%) имеют только основное место работы в школе, ранее был опыт precarious занятости. Для них в равной степени значимы как материальные (уровень оплаты труда, социальные льготы и гарантии), так и альтруистические (возможности для личного развития и самореализации, желание работать по полученной специальности) мотивы работы в школе. Возраст от 36 до 60 лет.

«Полупрекарии» (20 %) основную работу в школе совмещают с прекарной занятостью в формате самостоятельного репетиторства (90 %) и/или переводческих услуг (31 %). Они менее других типов вовлечены в дополнительную занятость в школе. Преобладают прагматические мотивы: им важны уровень оплаты труда, близость школы к месту проживания, возможность заниматься подработками (репетиторством), используя статус учителя иностранного языка. Более 60 % педагогов данного типа в возрасте 26—45 лет, они чаще других имеют кредитные обязательства.

«Комбинаторы» (12 %) основную работу в школе совмещают как с официальным дополнительным трудоустройством по совместительству в своем или другом образовательном учреждении (73 %), так и с неофициальной (прекарной) занятостью (27 %). Данный тип учителей, как и предыдущий, достаточно молодой (большинство в возрасте 26—45 лет) и ориентированный больше на материально-прагматические мотивы трудовой деятельности. Важно отметить, что это единственный тип, оценивающий свое материальное положение как среднее, остальные коллеги оценивают свое материальное положение ниже среднего.

«Совместители» (8 %) официально сочетают основную работу в школе с трудоустройством в своей (47 %), другой образовательной организации (44 %) или с самозанятостью (8 %). У них преобладают альтруистические мотивы (61 %), связанные с желанием работать по полученной в вузе специальности, возможностями для личностного развития и самореализации. Для них характерны средний педстаж (21,6 года) и возраст 50 лет.

Таким образом, вовлеченность учителей в формы неустойчивой вторичной занятости создает неравенство образовательных возможностей для потребителей образовательных услуг, а также размывает профессиональную идентичность учительства. Дальнейшая динамика прекарной занятости определяется влиянием внутренних и внешних факторов, в том числе государственных реформ в сфере образования (в т. ч. связанных с отменой требований об изучении в школе второго иностранного языка и обязательного ЕГЭ по иностранному языку), уровня цифровизации сферы образования и дистанционного обучения, реализации программ по повышению статуса и материальной поддержки учителей.

Список литературы

1. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного

- 236 общего, среднего общего образования» на начало 2021/22 учебного года. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/4ffd0f26c72d69ad2716e7b024af7eeb>.
2. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. М.: Наука, 2018.
3. Шабрукова Н. Дефицит учителей в российских школах — миф или реальность? URL: <https://pedsovet.org/article/kakih-ucitelej-ne-hvataet-v-rossijskih-skolah>.
4. Matilla-Santander N., Ahonen E., Albin M. et al. (2021) COVID-19 and Precarious Employment: Consequences of the Evolving Crisis. *International Journal of Health Services*. Vol. 51. No. 2. P. 226—228. <https://doi.org/10.1177/0020731420986694>

Д. А. Царюк

БАЛАНС МЕЖДУ УСТОЙЧИВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ СТРАНЫ И АДАПТАЦИЕЙ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРОИЗВОДСТВ СОГЛАСНО СОЦИАЛЬНЫМ НАВЫКАМ И ПОТРЕБНОСТЯМ ГРАЖДАНИНА РФ В XXI ВЕКЕ

ЦАРЮК Дмитрий Анатольевич — магистрант, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

E-MAIL: dmitrytsaryuk@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0785-0588

Аннотация. В работе уточняется проблема адаптации высокотехнологичных производств согласно социальным навыкам и потребностям гражданина РФ. Затрагивается такая тема, как адаптация под социальные потребности граждан в рамках рабочего пространства. Актуализируется стремление к балансу между их удовлетворением и сохранением рабочей эффективности предприятий. Как следствие — прогрессивное развитие граждан с ориентиром на современные условия и повышение конкурентоспособности отечественных высокотехнологичных производств. Автор выявляет потребность не в развитии технологий, а в реализации системы менеджмента и мотивации граждан, использующих технологии. Проведено социологическое исследование, по результатам которого определены социальные потребности граждан, в реализации которых они заинтересованы на работе.

Ключевые слова: мотивация, социальные потребности, эффективность высокотехнологичных производств, инновационный подход к мотивации

В современных условиях развития технологий, используемых на высокотехнологичных производствах, повышаются требования к выпускаемой продукции. Ввиду обеспеченности в технологическом вопросе производств передовых стран мира компании начинают конкурировать в других областях. Одной из ведущих конкурентных областей становится гражданин и/или группы граждан, отвечающих за использование технологий. Таким образом подвергается трансформации конкурентная борьба на мировом рынке, ее основным параметром становится человек.

В работе мы выясним, существует ли необходимость в стремлении к балансу между самореализацией социальных навыков гражданина РФ в XXI веке и эффективной трудовой деятельностью организации с точки зрения руководителя на высокотехнологичных производствах.

Основная часть

В современных условиях доступности к технологиям быстро развивающихся стран конкуренция сама по себе среди корпораций остается практически неизменной. Ключевым фактором конкурентоспособности на рынке теперь выступают не технологии, а человек. Одновременно с цифровизацией и трансформацией мирового пространства, ростом требований к выполняемой работе изменяются и требования граждан к условиям труда. Поэтому предоставление на работе условий, учитывающих реализацию социальных навыков и потребностей граждан, выходит на первое место.

Так как гражданин должен обеспечить себя знаниями и навыками для использования новейших технологий и выполнения современных задач, ему необходимо непрерывное образование [Царюк, 2021].

Для определения изменений предпочтений относительно рабочего пространства были взяты точечные результаты из проведенного нами социологического исследования «Технологии управления процессами принятия решения о повышении образовательного уровня гражданина РФ».

В опросе приняли участие студенты (мужчины и женщины) выпускных курсов МАБиУ в возрастной категории от 23 до 25 лет. Выбранная группа представляет особый интерес для нашего исследования, так как респонденты имеют опыт прохождения производственной практики, а часть — работают на неполную ставку. В общей выборке по результатам опроса преобладает женская аудитория по отношению к мужской в процентном отношении 70,9% к 29,1%.

По результатам исследования сделан вывод о ценности для участников опроса физического труда как элемента, за счет которого человек может в прямом смысле ощущать ценность собственного вклада в общее дело. Сохранение баланса между технологичностью в подходе по упрощению труда, его автоматизации, повышению общей производительности и сохранению некоторых элементов физической нагрузки на работе для специалистов будет хорошей мотивацией к трудовой деятельности персонала.

При сопоставлении данных исследования выявлено, что специалисты проявляют явное желание управлять компьютерной техникой и считают

полезной автоматизацию некоторых процессов. Но в то же время респонденты желают более творческого подхода в решении задач. Как раз во взаимодействии с персоналом, равным по рангу, и подчиненными требуются грамотные навыки управления и коммуникации. Предоставление гражданам возможности получения дополнительного высшего образования, учитывающего данные элементы, будет удовлетворять заявленные профессиональные потребности.

Подготовка качественных управленцев для высокотехнологичных производств важна в равной степени, как и реализация качественных коллективных управленческих решений. Поэтому сохранение баланса между единоличными решениями и коллективном эффективном взаимодействии способно внести значимый вклад в развитие компаний. А подготовка эффективных и грамотных специалистов, которые будут реализовывать свои потребности в высшем образовании и получении новых навыков/компетенций, позволяющих вести управленческую деятельность, обеспечит развитие непрерывного образования в компаниях [Царюк, 2020].

Также в исследовании респондентам было предложено обозначить баланс между личным доходом и признанием людей. Большинство предпочли середину между важностью дохода и признанием. Это говорит об осознании социальной значимости своей профессии и желании получить как социальное, так и финансовое удовлетворение от реализации собственных навыков. Сочетание таких параметров в равном соотношении может говорить о желании самореализоваться согласно профилю образования.

В быстро изменяющихся мировых условиях, для адаптации под санкционную политику западных стран российским компаниям следует отходить от устаревших шаблонов работы компаний. Для сохранения высокой производительности труда персонала необходимо уметь адаптироваться. Расширение возможностей по ведению своей трудовой деятельности, связанной, к примеру, с упрощением закупок, уплаты налогов, а также изменение алгоритмов действий, упрощающих элементы производства и бюрократических правил, способно благотворно повлиять на эффективность компании, а значит — и общее экономическое состояние страны в целом. Данный аспект был затронут в работе «Создание сложных систем путем системного синтеза государства, бизнеса, науки и общества» при анализе правовых песочниц²¹ [Иванков, Тютюнник, Царюк, 2021].

²¹ См. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает нашу гипотезу о необходимости в стремлении к балансу между самореализацией социальных навыков гражданина РФ в XXI веке и эффективной трудовой деятельностью организации с точки зрения руководителя на высокотехнологичных производствах. Более того, для сохранения эффективности создаваемой системы мотивации к трудовой деятельности персонала необходима интервальная во времени проверка качества создаваемых условий труда.

Список литературы

1. Иванков Е. А., Тютюнник В. М., Царюк Д. А. Создание сложных систем путем системного синтеза государства, бизнеса, науки и общества. Стратегия устойчивого развития и экономическая безопасность страны, региона, хозяйствующих субъектов // Материалы XVI Международной научно-практической конференции магистрантов, студентов и молодых ученых. Барнаул, 2021. С. 98—120.
2. Царюк Д. А. Управление процессами принятия решения гражданина РФ о повышении собственного образовательного уровня // Молодая наука — 2020. Сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. С. А. Забелина. 2020. С. 271—277.
3. Царюк Д. А. Теоретические аспекты ценностных ориентаций личности в системе непрерывного образования // Россия и мир: развития цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире. Москва, 2021.

Ю. С. Панфилова

241

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КРАСНОЙ ЗОНЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

ПАНИФИЛОВА Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: panfilovajulia@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6010-9719

Аннотация. Социальное самочувствие является одним из ключевых социологических показателей качества жизни. Цель исследования социального самочувствия профессиональных групп — выявление факторов снижения функционального потенциала определенной группы работников в те или иные периоды общественного развития. В работе на материалах глубинных интервью анализируются параметры социального самочувствия медицинских работников Ростовской области, работающих в красной зоне. Автор приходит к выводу, что, в отличие от профессионального самочувствия, социальное в целом не связано с пандемией. Работа в красной зоне оценивается как стрессогенный, но ситуативный фактор. Это подтверждают высокие оценки уровня удовлетворенности жизнью, отношений с членами семьи, личностной безопасности, эмоционального состояния, а также низкие показатели уровня тревожности (в которых работа в красной зоне также не является ведущим фактором).

Благодарность. Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60466 «Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества в сложной эпидемиологической ситуации».

Ключевые слова: социальное самочувствие, медицинское сообщество, кризисная повседневность, качество жизни

Социальное самочувствие — один из ключевых социологических показателей качества жизни. Данный концепт, как отмечает Н. В. Латова, является лакмусовой бумагой положения дел в обществе [Российское общество

и вызовы времени, 2016: 41]. Почему ученые используют такой эпитет? Ведь на первый взгляд социальное самочувствие — это субъективный показатель. С одной стороны, социальное самочувствие существенным образом влияет на качество жизни человека, и в этом действительно заключается его субъективная сторона. С другой стороны, уровень социального самочувствия в значительной степени определяет отношение человека к деятельности социальных структур и институтов, доверие им, что, в свою очередь, определяет вектор поведения. Особенно информативно выявление уровня социального самочувствия в кризисные периоды как показатель явных и латентных очагов социальной напряженности.

В социологии исследование параметров социального самочувствия применяется к разным типам сообществ: территориальным, возрастным, профессиональным. Цель исследования последних — выявление факторов снижения функционального потенциала определенной группы работников в те или иные периоды общественного развития. В настоящем исследовании наш интерес направлен на анализ социального самочувствия медицинских работников, задействованных в так называемой красной зоне. Прежде чем перейти к описанию методологии исследования, считаем важным сделать ряд предварительных замечаний. Первое — традиционно социальное самочувствие исследуется путем применения массовых опросных методов. В рамках настоящего исследования мы решили использовать возможности качественных методов, так как именно они позволяют учитывать тонкую динамику параметров социального самочувствия в кризисной повседневности. Второе — информантами в рамках исследования стали как врачи, так и средний медицинский персонал; несмотря на разницу в уровне квалификации, доходах и обязанностях, их объединяет изменение повседневности в связи с пребыванием в красной зоне.

В рамках исследования были проведены глубинные интервью с 20 медицинскими работниками. Высказывания информантов в тексте выделены курсивом.

Анализ теоретических разработок российских социологов [Волков и др, 2016]; [Российское общество в кризисной реальности, 2016]; [Российское общество и вызовы времени, 2016: 41] и их адаптация к задачам нашего исследования позволил заложить в гайд интервью следующие параметры социального самочувствия медиков: общая удовлетворенность своей жизнью; обеспокоенность социально-экономическими проблемами; удовлетворенность уровнем оплаты труда; питанием, возможностью поку-

пать одежду, жилищными условиями; удовлетворенность отношениями с семьей и друзьями в период работы в красной зоне; удовлетворенность состоянием своего здоровья; эмоциональное благополучие; оценка уровня личностной тревожности. Еще раз подчеркнем — все эти параметры будут оценены информантами, которые на момент проведения интервью работали в красной зоне.

Общая удовлетворенность жизнью у информантов достаточно высокая (13 информантов из 20). Важно отметить, что она в целом слабо связывается работой в красной зоне.

«Что приносит мне удовольствие? Наверное, моя работа. [...] Я в действительности скажу — я получаю удовольствие от того, что я делаю, хорошо делаю — это помощь людям» (мужчина, 32 года, врач, Ростов-на-Дону).

«Да, меня все устраивает. У меня, в принципе, есть жилье, есть семья, у меня все здоровы, у меня есть работа, поэтому тут меня все устраивает» (женщина, 38 лет, врач, Ростов-на-Дону).

Неудовлетворенность же, что интересно, напрямую связывается именно с пандемией: высокой занятостью, боязнь за здоровье, потерей близких из-за коронавирусной инфекции.

Говоря о социально-экономических проблемах, информанты также не увязывают их с пандемией (в их числе отмечают политическая напряженность, снижение уровня жизни и повышение цен, недоступность жилья, низкая оплата труда до перехода в красную зону, возможная оптимизация медперсонала). Это еще раз говорит о том, что пандемия рассматривается информантами как временный фактор, не оказывающий значительного влияния на социальное самочувствие.

Что касается удовлетворенности уровнем оплаты труда, то здесь информанты однозначно говорят о низком уровне зарплаты и ее повышении в период работы в красной зоне. И именно последние показатели они считают нормальной оценкой своих трудозатрат. В этом отношении информанты видят риски снижения уровня жизни после того, как работа в красной зоне будет окончена.

«Была зарплата такая, что она стимулировала работать, никаких трудностей в этом плане не было. Конечно, сложно будет перейти с такой зарплаты на обычную работу» (женщина, 38 лет, врач, Ростов-на-Дону).

Питанием и возможностью одеваться информанты в целом удовлетворены, а вот невозможность улучшить жилищные условия для большинства — стрессогенный фактор, и государственным программам как возможному выходу из ситуации доверия нет.

Работа в красной зоне повлияла на взаимоотношения с семьей и друзьями. Некоторые информанты отмечали, что встретили понимание и поддержку.

«Друзья тоже абсолютно нормально отнеслись, поддерживали, никогда такого не было, что, мол, ты работаешь в ковидном отделении, там инфекция, при-несешь. [...] Наоборот, очень поддерживали, и даже, наверное, какая-то гордость была за меня» (женщина, 24 года, врач, Ростов-на-Дону).

Часть информантов ограничили контакты по своей инициативе.

«С родственниками, конечно, Вы знаете, наверное, даже стал переживать в большей степени за состояние их здоровья, потому что когда смотрел на все это происходящее и понял, что смерть-то она под боком, вот она, рядышком, на порожке стоит» (мужчина, 28 лет, врач, Сальск).

Для некоторых, наоборот, семья и друзья стали фактором сохранения нормального эмоционально-психологического состояния в этот сложный период.

«В плане семьи не поменялись, семья, она остается семьей» (женщина, 38 лет, врач, Азов).

В то же время пять информантов отметили, что инициатива ограничения контактов исходила от близких и друзей, и переживалось это достаточно тяжело.

«У меня был такой момент на Новый год. Мы собрались с друзьями, а там одна семейная пара яро инициировала встречу, там увидеться, да! Да! Да! А потом, когда день-два до Нового года: „Мы, наверное, на Новый год не придем“. — „А что случилось?“ — „Ну ты ж в Красной зоне работаешь, ты не опасен?“ Я говорю: „Ребята, а теперь внимание. Я мазок сдаю раз в неделю. А вот у меня теперь вопрос к вам: вы не работаете в медицине и не сдаете мазки, кто из нас более опасен?“» (мужчина, 38 лет, врач, Ростов-на-Дону).

Интересные результаты показали ответы на вопрос об удовлетворенности состоянием здоровья и эмоциональным состоянием во время работы в красной зоне. Восемь информантов отметили, что состояние их здоровья ухудшилось; в их числе есть те, кто переболел ковидом, и те, кто отметил ухудшения из-за физических нагрузок.

«Изменилось, потому что силы тратились большие, энергозатратная работа» (женщина, 40 лет, врач, Ростов-на-Дону).

«Нет, не удовлетворена, у меня здоровье очень испортилось, даже не за эти года, а за этот год. Из-за постоянных нагрузок, постоянных болезней — мы постоянно болели, потому что иммунитет ослаб из-за того, что ты постоянно находишься в холоде. Как раз был мороз, а мы должны были в резиновых сапогах, а это форма одежды — ковид, у тебя костюм противочумный и сапоги резиновые, но на морозе в резиновых сапогах какой носок ты ни наденешь, все равно замерзнешь» (женщина, 28 лет, фельдшер, Азов).

В то же время изменения в эмоциональной сфере отмечают только пять информантов и объясняют их как временные, связанные с необходимостью адаптации.

Уровень тревожности информантов также можно оценить как достаточно низкий (17 из 20 интервьюируемых отметили, что не испытывают сильной тревожности). Анализ кейсов показывает, что этот факт в значительной степени связан с высокой осведомленностью о характере вирусной инфекции и тактиках лечения. Важно также отметить, что 18 из 20 информантов сказали, что чувствуют себя в безопасности.

Таким образом, пребывание в красной зоне не стало фактором значительного ухудшения социального самочувствия медицинских работников. Как показали результаты исследования, работа в период пандемии воспринимается как стрессогенный, но временный фактор.

Список литературы

1. Волков Ю. Г., Баженова Е. Ю., Барков Ф. А., Сериков А. В. Социальное самочувствие и протестный потенциал жителей Ростовской области в условиях кризиса // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 28—44.
2. Российское общество в условиях кризисной реальности. По результатам социологического Мониторинга 2014—2016 гг. // Институт социо-

- 246 логи российской академии наук: офиц. сайт. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_v_usloviyah_krizisn_realnosti.pdf.
3. Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М. : Весь Мир, 2016.

К. О. Воронин, А. Ю. Фодоря, Г. В. Заярская

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ СМЕНЫ ДЕТСКОГО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ ГАУК «МОСГОРТУР» В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

ВОРОНИН Кирилл Олегович — аналитик Отдела аналитики и статистики Организационно-аналитического управления, ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

E-MAIL: statbak@mail.ru

ФОДОРИЯ Анна Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент, аналитик Отдела аналитики и статистики Организационно-аналитического управления, ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

E-MAIL: afodorja@mosgortur.ru

ЗАЯРСКАЯ Галина Владимировна — кандидат педагогических наук, аналитик Отдела аналитики и статистики Организационно-аналитического управления, ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

E-MAIL: gzayarskaya@mosgortur.ru

Аннотация. Цель исследования — выявление характерных черт руководителя смены ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР», которые могут в дальнейшем рассматриваться в качестве критериев отбора временного удаленного административно-педагогического персонала. В исследовании применялись социологические опросы в форме онлайн-анкетирования экспертов и административно-педагогического персонала ДОЛ, а также сравнительный анализ первичных эмпирических данных.

Обобщающим результатом исследования стал социальный портрет руководителя смены ДОЛ, составленный на основе выявленных его характерных черт. В ходе исследования удалось установить, кто именно готов работать в должности руководителя смены ДОЛ; каким его видят коллеги, которые с ним работают в период оздоровительной кампании; какие социальные и профессиональные характеристики определяют «идеального» руководителя смены ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР».

Ключевые слова: ГАУК «МОСГОРТУР», детский оздоровительный лагерь, руководитель смены, социальный портрет, реальный/идеальный портрет

ГАУК «МОСГОРТУР» (МГТ), являясь флагманом в организации детского отдыха для детей льготных категорий Москвы в рамках единой государственной политики в области детского отдыха и оздоровления, занимается также научно-исследовательской и научно-практической деятельностью по реализации задач отрасли, определяемых необходимостью дальнейшего совершенствования организации отдыха и оздоровления детей в Российской Федерации [Наумов, Зярянская, Фодоря, 2017]. МГТ ведет работу с административным персоналом не типично для других организаторов отдыха: система МГТ имеет свою специфику, с которой можно ознакомиться в ранее опубликованных статьях [Лебедева, Зярянская, 2017; Соколова, 2017; Чикин, Григорьев, Макеев, 2019].

В группу административно-педагогического персонала ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР» входит ряд специалистов, среди которых руководители смен, педагоги-организаторы (руководители программ), старшие вожатые.

В период организации отдыха отдыхающие от МГТ, руководитель и административный персонал ДОЛ взаимодействуют непосредственно с руководителем смен МГТ, таким образом они представляют «лицо» и формируют имидж МГТ. То есть для МГТ крайне важно ежегодно исследовать портрет руководителя смен. Ежегодно эта тема обсуждается на КИДПРО, когда презентуем результаты внутреннего аудита.

Объект исследования — руководитель смены ДОЛ — это специалист команды временного удаленного административно-педагогического персонала, который выполняет функции по руководству и координации процессом реализации программы отдыха в ДОЛ.

Цель исследования — выявление характерных черт руководителя смены ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР», которые могут в дальнейшем рассматриваться в качестве критериев отбора временного удаленного административно-педагогического персонала ДОЛ.

Методы исследования:

— социологический опрос в форме онлайн-анкетирования представителей административно-педагогического персонала (руководителей смен ДОЛ) и представителей ряда категорий экспертов, работающих во время лагерной смены ЛОК-21 (вожатых, старших вожатых, руководителей программы МГТ, представителей заинтересованных подразделений ГАУК «МОСГОРТУР»);

— сравнительный анализ эмпирических данных, полученных в ходе проведенного опроса.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы первичного социологического опроса в форме онлайн-анкетирования руководителей смен ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР» и данные массового опроса в форме онлайн-анкетирования вожатых, старших вожатых, руководителей программы, работающих на сменах ЛОК-21, представителей заинтересованных подразделений МГТ. Для сбора данных был разработан инструментарий для каждой из категорий респондентов. Инструментарий проходил апробацию с участием специалистов МГТ и подвергался корректировке. Анкеты направлялись респондентам поэтапно, в период всей летней оздоровительной кампании 2021 г.

Для составления социального портрета руководителя смены опрашивались две совокупности респондентов. Руководители смен опрашивались для выявления реального портрета, а из ответов их коллег-экспертов составлен портрет идеального руководителя смены. В роли коллег-экспертов выступили четыре категории респондентов, задействованных на летних сменах ГАУК «МОСГОРТУР» в 2021 г.: вожатые, старшие вожатые, руководители программ, сотрудники профильных подразделений офиса МГТ. В результате в опросах приняли участие 15 руководителей смен (из 20 тех, кому были направлены онлайн-анкеты) и 156 респондентов других категорий (отклик составил 32 %).

В ходе исследования были рассмотрены различия в ответах в зависимости от категории респондента. Представители офиса МГТ и старшие вожатые предъявляют более высокие требования к уровням цифровой активности и образования. Вожатые чаще других категорий респондентов ожидают молодых руководителей смен. По другим показателям значимых различий не обнаружено.

Социальный портрет типичного руководителя смены МГТ включает в себя следующие характеристики: это женщина в возрасте 46—55 лет, состоящая в браке и имеющая одного ребенка, постоянно проживающая в Москве, имеющая высшее образование в области гуманитарных наук и постоянное место работы в общеобразовательной школе. Она владеет английским языком на базовом уровне, увлекается чтением и театром. Информацию получает преимущественно из Интернета, активно пользуется мессенджерами. К работе в ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР» привлекается не первый год, имеет большой опыт смен (семь и более). Летом 2021 г. провела в ДОЛ две смены.

Социальный портрет руководителя смены ДОЛ стал обобщающим результатом данного исследования. Разработка методики составления

социального портрета руководителя смены детского оздоровительного лагеря актуальна, поскольку будет инициировать интерес профессионального сообщества к результатам изучения социальных отношений в профессиональной деятельности временного административно-педагогического персонала организаций отдыха и оздоровления.

Список литературы

1. Лебедева Л. Н., Заярская Г. В. Система кадровой политики компании с руководящим педагогическим составом // Уральские каникулы. Здоровье. Познание. Отдых. Актуальные проблемы летней оздоровительной кампании для детей и подростков: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 4 апреля 2017 г. / под ред. Е. В. Коротаева. Екатеринбург, 2017. С. 217—221.
2. Наумов К. В., Заярская Г. В., Фодоря А. Ю. Основные направления научной деятельности ГАУК «МОСГОРТУР» в контексте государственной политики в сфере детского отдыха и оздоровления // Детский отдых 2017: Сб. матер. по итогам XI Междунар. конгр. лагерей и III Междунар. конф. Сочи (Роза Хутор), 09—13 октября 2017 г. / под общ. ред. Е. С. Митрейкиной, Г. В. Заярской, А. Ю. Фодоря. Сочи (Роза Хутор): Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. С. 114—119.
3. Соколова О. Д. Подбор персонала — первый шаг к команде // Детский отдых в России: перспективы развития: Сб. тез. и докл. выст. по итогам II Междунар. конф. Москва, 18—19 ноября 2016 г. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. С. 104—109.
4. Чикин А. А., Григорьев С. Н., Макеев Ю. О. Особенности формирования временного административного персонала. Организация эффективного управления сменой детского отдыха (опыт ГАУК «МОСГОРТУР») // Детский отдых в России: перспективы развития: Сб. тез. и докл. выст. по итогам IV конф. с междунар. участием. Москва, 26—27 октября 2018 г. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. С. 194—202.

К. О. Воронин, А. Ю. Фодоря, Г. В. Заярская

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АДМИНИСТРАТОРА СОВМЕСТНОГО ВЫЕЗДНОГО ОТДЫХА ДЕТЕЙ С РОДИТЕЛЯМИ (ИЗ ОПЫТА ГАУК «МОСГОРТУР»)

ВОРОНИН Кирилл Олегович — аналитик Отдела аналитики и статистики Организационно-аналитического управления, ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

E-MAIL: statbak@mail.ru

ФОДОРИЯ Анна Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент, аналитик Отдела аналитики и статистики Организационно-аналитического управления, ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

E-MAIL: afodorja@mosgortur.ru

ЗАЯРСКАЯ Галина Владимировна — кандидат педагогических наук, аналитик Отдела аналитики и статистики Организационно-аналитического управления, ГАУК «МОСГОРТУР», Москва, Россия

E-MAIL: gzayarskaya@mosgortur.ru

Аннотация. Цель исследования — выявление характерных черт администратора совместного выездного отдыха ГАУК «МОСГОРТУР», которые могут в дальнейшем рассматриваться в качестве критериев отбора временного удаленного административно-педагогического персонала.

Для анализа применялись социологические опросы в форме онлайн-анкетирования экспертов и административно-педагогического персонала (администраторов совместного выездного отдыха) ГАУК «МОСГОРТУР», а также сравнительный анализ первичных эмпирических данных, полученных в ходе исследования. Обобщающим результатом данного исследования стал социальный портрет администратора совместного выездного отдыха, составленный на основе выявленных характерных черт администратора совместного выездного отдыха ГАУК «МОСГОРТУР».

Новизна и актуальность темы исследования обусловлены новыми вызовами, когда к профессионализму и качеству работы временного административно-педагогического персонала предъявляются повышенные требования. В ходе исследования удалось установить, кто именно готов

252 работать в должности администратора совместного выездного отдыха ГАУК «МОСГОРТУР».

Основные выводы исследования: 1) обнаружена взаимосвязь между содержанием ответов респондентов и принадлежностью опрашиваемых к определенной категории; 2) выявленные характерные черты администратора совместного выездного отдыха составляют социальный портрет как идеального, так и реального администратора совместного отдыха ГАУК «МОСГОРТУР».

Ключевые слова: ГАУК «МОСГОРТУР», администратор совместного выездного отдыха, социальный портрет, реальный/идеальный портрет

Государственное автономное учреждение культуры города Москвы «Московское агентство организации отдыха и туризма» (ГАУК «МОСГОРТУР»), признанное одним из экспертных учреждений России в сфере детского отдыха, осуществляет свою деятельность с позиции научного подхода, как и многие региональные, а также муниципальные учреждения сферы детского отдыха [Заярская, 2017; Наумов, Заярская, Фодоря, 2018; Панченко, 2015].

Возникла необходимость уточнить отдельные аспекты подбора и обучения временного удаленного персонала, потому что «привлечение к работе на договорной основе временного педагогического персонала [...] связано со спецификой работы ГАУК «МОСГОРТУР» и с сезонностью потребности учреждения в данных кадрах» [Соколова: 104]. В этой связи объектом исследования стал администратор совместного выездного отдыха — специалист команды временного удаленного административно-педагогического персонала, который выполняет функции по администрированию в период реализации семейного отдыха в организации отдыха и оздоровления.

Цель исследования — выявление характерных черт администратора совместного выездного отдыха ГАУК «МОСГОРТУР», которые могут в дальнейшем рассматриваться в качестве критериев отбора временного удаленного административно-педагогического персонала.

В исследовании применялись следующие методы:

- социологический опрос в форме онлайн-анкетирования представителей трех категорий экспертов;
- сравнительный анализ эмпирических данных, полученных в ходе проведенного опроса.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы первичного социологического опроса в форме онлайн-анкетирования администраторов совместного выездного отдыха ГАУК «МОСГОРТУР» (МГТ), представителей исполнителей по договору об оказании услуг отдыха и оздоровления детей, заказчиком которых является учреждение, представителей организаций отдыха и оздоровления детей, представителей заинтересованных подразделений МГТ.

Для сбора данных был разработан инструментарий для каждой из категорий респондентов: анкеты для изучаемого персонала (администраторов совместного выездного отдыха) и для их коллег-экспертов, каждая из которых направлена на выявление ожидаемых характеристик администраторов совместного выездного отдыха. Инструментарий проходил апробацию с участием специалистов ГАУК «МОСГОРТУР» и подвергался корректировке. Анкеты направлялись респондентам поэтапно, после окончания заездов в период всей летней оздоровительной кампании 2021 г.

Для составления социального портрета администратора совместного выездного отдыха опрашивались две совокупности респондентов. Администраторы совместного выездного отдыха опрашивались для выявления реального портрета, а из ответов их коллег-экспертов составлен портрет идеального администратора совместного выездного отдыха. В роли коллег-экспертов выступили три категории респондентов, задействованных в период реализации летней оздоровительной кампании 2021 г.: представители туроператоров (исполнителей по договору об оказании услуг по организации отдыха и оздоровления), представители организаций отдыха и оздоровления, сотрудники профильных подразделений офиса ГАУК «МОСГОРТУР».

В опросах приняли участие 45 администраторов совместного выездного отдыха (из 53, кому были направлены онлайн-анкеты, отклик составил 84,9%) и 32 респондента других категорий. По результатам опросов проведен сравнительный анализ эмпирических данных.

Выявлена связь содержания ответов респондентов с принадлежностью опрашиваемых к определенной категории. Так, представители офиса ГАУК «МОСГОРТУР» предъявляют более низкие требования, а представители организаций отдыха и оздоровления и туроператоров, в свою очередь, — более высокие требования к уровню образования, опыту проведения заездов и типу постоянного места работы, учебному заведению. По другим показателям значимых различий не выявлено.

Согласно данным, полученным в результате исследования, социальный портрет типичного администратора совместного выездного отдыха

ГАУК «МОСГОРТУР» включает в себя совокупность выявленных характеристик. Это женщина, не состоящая в браке, имеющая одного ребенка, ее возраст 46—55 лет. Она имеет постоянное место жительства в Москве, постоянное место работы в общеобразовательной школе и высшее образование по гуманитарным наукам. Владеет английским языком на базовом уровне, увлекается чтением и путешествиями. Информацию получает преимущественно из интернета и активно пользуется мессенджерами. Имеет большой опыт заездов на совместный отдых (11 и более), а летом 2021 г. провела семь или более заездов. К сотрудничеству с МГТ привлекается не первый год.

Социальный портрет администратора совместного выездного отдыха стал обобщающим результатом данного исследования.

Список литературы

1. Заярская Г. В. Актуальные проблемы кадрового обеспечения сферы детского отдыха и оздоровления // Инновационные технологии в подготовке водителей: Материалы Всерос. форума пед. вузов по технологиям подготовки водителей. Ульяновск, 18—20 апреля 2017 г. Ульяновск: УГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017. С. 106—110.
2. Наумов К. В., Заярская Г. В., Фодоря А. Ю. Основные направления деятельности социолога в сфере детского отдыха и оздоровления (из опыта ГАУК «МОСГОРТУР») // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». М., 18—19 апреля 2018 года / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2018. С. 458—463.
3. Панченко С. И. Отдых и оздоровление детей в условиях рынка: тенденция развития // Народное образование. 2015. № 2. С. 13—17.
4. Соколова О. Д. Подбор персонала — первый шаг к команде // Детский отдых в России: перспективы развития: Сб. тез. и докл. выст. по итогам II Междунар. конф. Москва, 18—19 ноября 2016 г. М.: Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. С. 104—109.

Социальное благополучие и устойчивость — новые ориентиры городского развития

Н. А. Костко, И. Ф. Печеркина, А. А. Попкова

СВЯЗНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ И НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

КОСТКО Наталья Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-MAIL: n.a.kostko@utmn.ru

ORCID: 0000-0003-1618-4548

РИНЦ Author ID: 160794

ПЕЧЕРКИНА Ирина Федоровна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

E-MAIL: i.f.pecherkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0003-4978-0311

РИНЦ AuthorID: 408122

ПОПКОВА Алена Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

E-MAIL: apopkova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8507-8151

РИНЦ AuthorID: 684605

Аннотация. Город представляет собой сложную социальную систему. Социальное пространство города определяет его системную сложность, в которую включены как материальные, так и нематериальные элементы. Качество городской среды презентует материальные элементы, которые играют важную роль в современном обществе. Нематериальный аспект социального пространства города включает горожан, которые характеризуются социальной активностью (в той или иной степени) и уровнем городской идентичности. Данные характеристики горожан рассматриваются в качестве основания городского развития. Возникает вопрос, есть ли связь между материальными и нематериальными элементами системы. Метод исследования — анкетный опрос. Объект исследова-

ния — жители Тюмени, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда, Нового Уренгоя с 18 до 70 лет. Предмет — связь параметров развития города: оценка горожанами качества городской среды; уровень участия горожан в жизни города; уровень городской идентичности горожан. Цель исследования — определение силы связи между тремя параметрами развития города: уровнем оценки качества городской среды; уровнем участия горожан в жизни города; уровнем городской идентичности горожан. В результате исследования данная связь установлена.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00305 «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования».

Ключевые слова: социальное пространство города, качество городской среды, социальная активность, городская идентичность горожан

Введение

Сложность современных проблем требует вести поиск способов и инструментария их решения в плоскости нематериальных/социальных форм. К последним отнесен широкий спектр явлений, процессов, свойств, присущих человеку как базовому элементу общества, причем человеку, активному в политике, экономике, социокультурной сфере [Touraine, 2020]. Социальная активность членов общества принимается в качестве параметра развития. Особое внимание обращено к городам, где формируются и проявляются все эти новые процессы. В практике управления развитием городами акцент сделан на создание качественной городской среды как условия повышения социальной активности. Возникает вопрос, действительно ли существует связь между качеством городской среды и участием горожан в жизни города. Можно предположить, что высокая оценка качества городской среды определяет степень участия горожан. Проблема видится не только в том, чтобы определить возможность актуализации активности горожан посредством создания условий в виде качественной городской среды. Участие в жизни города имеет смысловое наполнение и содержание, определяемое связностью горожан со своим городом. Последнее измеряется уровнем городской идентичности горожан.

Теоретические основания исследования

В основание исследования положен системный подход. Влияние горожан на город проявляется через их деятельностное отношение. Субъектно-деятельностный подход принят в качестве методологического основания работы. Субъектность горожанина определяется его социальной активностью, направленной на развитие города, которая оценивается через готовность участвовать в управлении [Мерзляков, 2020].

Значение и роль качества городской среды как материального основания жизни горожан институционализировано в национальных проектах: «Жилье и городская среда», «Цифровая экономика», «Умный город». Определен перечень параметров качества городской среды²². В данной работе субъективное восприятие качества городской среды замерялось через оценки горожанами уровня комфорта проживания и обеспеченности объектами социальной инфраструктуры.

В научной литературе широко распространен тезис о том, что идентичность есть ресурс развития города [Дробижева, 2018; Морозова, Мирошниченко, Семененко 2020]. Городская идентичность горожан — основание для установления прочной внутригородской связности и лежит в основе ее формирования [Bogén, 2020: 255]. Городская идентичность горожан определяется через четырехкомпонентный подход — с выделением аффективных, когнитивных, ценностных и поведенческих элементов [Горнова, 2018:14]. Уровень городской идентичности горожан замерялся показателями эмоционального восприятия города, знания о нем и ценности для горожан городского сообщества. Таким образом, перечисленные элементы позволяют судить о характере материальных и нематериальных параметров социального пространства города. Социальное пространство города — это совокупность социальных связей, взаимозависимостей и взаимодействий, столкновения интересов разных групп горожан, ключевыми характеристиками которого являются социальная активность горожан и их идентичность с городом, уровень доверия и солидарности между активными субъектами городского сообщества [Костко, Печеркина, 2021: 213].

Методология исследования

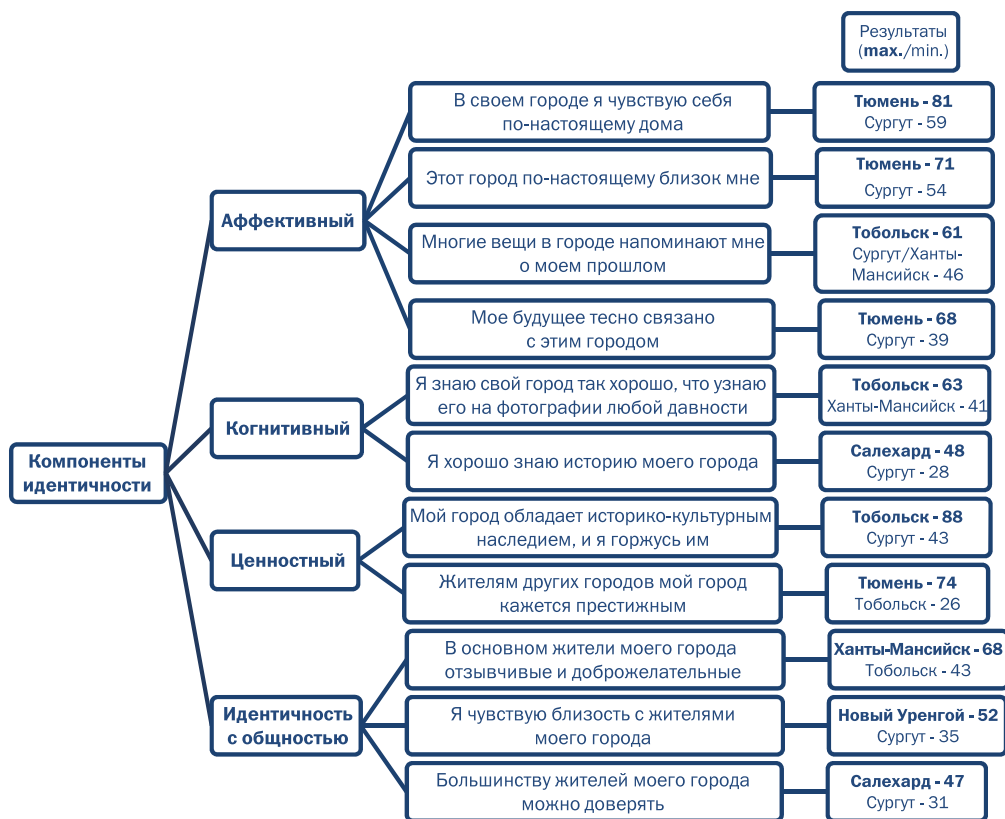
В статье использованы материалы опроса жителей шести городов «Большой» Тюменской области, проведенного в 2020 и 2021 гг. В каче-

²² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 марта 2019 г. № 510-р.

стве объекта исследования выступили жители Тюмени, Тобольска, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда, Нового Уренгоя с 18 до 70 лет. Всего было опрошено 2860 человек. Выборка репрезентирует население каждого города по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 5 % по одному признаку.

Уровень идентичности со своим городом был рассчитан по 11 параметрам (рис. 1). В вопросе для оценки согласия с утверждениями использовалась 5-балльная шкала.

Рис. 1. Доля согласных с утверждениями в разрезе городов, %

Далее были рассчитаны индексы по каждому параметру так, чтобы 1 соответствовало «все полностью согласны», 0 соответствовало «все пол-

ностью не согласны». Сводный индекс городской идентичности рассчитан по 11 параметрам как сумма всех индексов, деленная на их количество (рис. 2).

Корреляционный анализ показал тесную связь между уровнем идентичности и оценками комфортности городской среды, уровнем идентичности и оценками обеспеченности объектами инфраструктуры (коэффициенты корреляции Спирмана 0,493 и 0,423 соответственно при ошибке менее 0,0001). Респонденты, высоко оценивающие качество городской среды, имеют высокий уровень городской идентичности (табл. 1).

Таблица 1. Средние оценки качества городской среды в группах с разным уровнем городской идентичности*

	Группы по уровню городской идентичности		
	«Высокий»	«Средний»	«Низкий»
Комфортность территории города	4,20	3,66	3,13
Обеспеченность объектами инфраструктуры	3,94	3,29	2,74

* Показатель сводного индекса городской идентичности меньше 0,5 оценивался как низкий уровень городской идентичности горожан, от 0,51 до 0,8 — средний, и больше 0,8 — высокий.

Существует зависимость, пусть и слабая, между самооценкой участия в жизни города и оценками комфортности и обеспеченности объектами городской инфраструктуры (коэффициенты корреляции Спирмана 0,131 и 0,188 при ошибке менее 0,0001). Жители, которые считают, что участвуют в жизни города, дают более высокие оценки качеству городской среды (табл. 2).

Таблица 2. Средние оценки качества городской среды в группах с разным уровнем участия в жизни города

	Группы по уровню участия в жизни города		
	Я участвую в управлении и принятии решений, важных для города	Я участвую в принятии решений по месту жительства, работы/учебы	Не участвую
Комфортность территории города	3,90	3,71	3,53
Обеспеченность объектами инфраструктуры	3,61	3,45	3,10

Выводы

Современное общество демонстрирует потребность как в высоком уровне и качестве городской среды, так и в развитии деятельностных, смысловых характеристик основных субъектов города, а именно, горожан. Речь идет о системных элементах города, их состоянии. Согласно системному подходу, связь между ними обеспечивает устойчивость города как системы. Исследование показало наличие тесной связи между оценками качества городской среды и идентичностью горожан. Зафиксирована связь между показателями качества городской среды и самооценкой горожан готовности к участию в управлении городом. За скобками данного исследования остается определение вектора влияния (что является зависимой, а что независимой переменной). Тем не менее можно с уверенностью утверждать о наличии связи между тремя параметрами развития города: уровнем оценки качества городской среды, уровнем участия горожан в жизни города, уровнем городской идентичности горожан.

Список литературы

1. Горнова Г.В. Структура городской идентичности // Гуманитарные исследования. 2018. № 3 (20). С. 14—16.
2. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100—115.
3. Костко Н.А., Печеркина И.Ф. Взаимовлияние социальных норм и социальной активности горожан как маркер социального пространства города // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы VI междунар. науч.-практ. интернет-

конф. (г. Вологда, 29 марта — 2 апреля 2021 г.): в 2-х частях. Ч. 2. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. С. 213—219.

4. Мерзляков А. А. К вопросу о показателях исследования субъектности в социологии управления // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2020. № 5 (30). С. 75—89.

5. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56—77

6. Borén T., Grzyś P., Young C. (2020) Intra-Urban Connectedness, Policy Mobilities and Creative City-Making: National Conservatism vs. Urban (Neo) Liberalism. *European Urban and Regional Studies*. Vol. 27. No. 3. P. 246—258.

7. Touraine A. (2020) History, Modernity and Global identities. *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*. Vol. 2. <https://www.doi.org/10.12893/gjcpi.2020.2.1>.

Д. А. Касаткина, Е. В. Нехорошева

НА ПУТИ К ПЕРСОНАЛЬНОМУ ГОРОДУ — РЕСУРС ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ В УРБАНИСТИКЕ

*КАСАТКИНА Дарья Алексеевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник
Лаборатории городского благополучия и здоровья, НИИ Урбанистики и глобального обра-
зования — ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия*

E-MAIL: KasatkinaDA@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-5248-5367

*НЕХОРОШЕВА Елена Владимировна — кандидат педагогических наук, заведующая
Лабораторией городского благополучия и здоровья, НИИ Урбанистики и глобального обра-
зования — ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия*

E-MAIL: NehoroshevaEV@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-1243-4223

Аннотация. Тезисно рассматриваются возможности теории экзистенциального анализа для понимания «собственно человеческого» измерения в урбанистике. Глубинные побуждения, переживания и установки людей определяют городскую среду и зависимы от нее. Экзистенциальная психология раскрывает город как место физического бытия человека, пространство его эмоциональной жизни, площадку для развития индивидуальности и поле для обнаружения смысла. Такой взгляд на три измерения бытия человека (физический, уровень процессов, и уровень значений/смыслов) позволяет оценивать и строить безопасный город с эмоционально ценными социальными связями, инклюзивный и способствующий разнообразию, способствующий включенности жителей в его развитие.

Ключевые слова: экзистенциальный анализ, антропология, общественные пространства, placemaking

Увеличение числа пешеходных зон, организация multifunctional площадок в парках и общественных местах, интеграция виртуального и физического пространства активно внедряются в столице и других крупных городах России. Современная урбанистика отвечает на вопрос о том, как повысить благополучие *групп людей*, регулируя географию,

архитектуру, экономику города, учитывая законы социологии. Из фокуса внимания ускользает сам человек и его субъективный опыт жизни. Когда мы понимаем, как сами чувствуем себя в городе, что нам нравится, что для нас важно — мы можем, делая небольшой, но сильный вклад в развитие среды, создавать город для себя [Нехорошева; Касаткина, 2022].

Мы рассматриваем возможности и перспективы использования экзистенциально-психологического подхода в урбанистике с целью обогащения представлений о развитии городов для людей. Интегрированное в урбанистическую практику психологическое знание потенциально обеспечивает нас методическим инструментарием для исследования и создания комфортных пространств жизни.

Теория «нового урбанизма» Яна Гейла частично отвечает на вопрос, как сделать город пространством для жизни — повысить компактность, увеличив плотность объектов; использовать принципы устойчивого развития; выбрать красивые и практичные архитектурные решения; расположить значимые объекты в пешей доступности; перераспределить потоки и снизить нагрузку на транспорт; создать условия для использования «зеленого» транспорта; отказаться от спальных районов в пользу многофункциональных; организовать районы как мини-города с многофункциональными центрами; оценивать качество жизни населения как показатель успешно спланированного города [Гейл, 2012].

На основе данной теории У. Холлингсуорт развил концепцию «общественных мест» (placemaking), устройство и функции которых формируются самими жителями [Whyte, 2001]. Такие общественные места должны увеличивать социальную связанность жителей, их вовлеченность в городскую жизнь и чувство причастности, а также могут меняться в зависимости от потребностей людей [Злотникова, Макарова, 2018]. Основная ценность данной идеи в том, чтобы вовлечь людей в формирование города. Однако концепция Я. Гейла и У. Холлингсуорта не отвечает на вопрос, почему кто-то готов участвовать в создании подобных «общественных мест», а кто-то нет. Почему некоторые кажущиеся непригодными локации становятся общественными местами, а некоторые пригодные — нет. Почему «пространственные исключения» и «закрытые пространства», описанные в статье А. А. и Ю. А. Дроздовых, обладают для некоторых людей, в том числе представителей экономических элит, большей привлекательностью, чем публичные? [Дроздова, Дроздова, 2020].

Ответ на данные вопросы может дать психология, в частности феноменология. Как правило, мы воспринимаем гораздо больше, чем осознаем,

что вызывает у нас переживания, которые складываются во впечатление. Например, мы можем не осознавать, но зарегистрировать следы протечек и мелкие трещины в помещении, слишком сильное эхо или запах сырости. Это вызовет чувства опаски, брезгливости, дискомфорта, и мы неосознанно сделаем вполне разумный вывод, что пространство непригодно или нежелательно для использования, и будем его избегать. Хотя по внешним параметрам оно будет подходить для плейсмейкинга (placemaking). Психологическая теория экзистенциального анализа (ЭА) (В. Франкл, А. Лэнгле) опирается на данное понимание и в исследовательских методах (метод феноменологического восприятия), и в теоретических положениях [Лэнгле, 2019].

В этой теории человек существует в единстве трех измерений: телесного (уровень потребностей), психического (уровень желаний) и духовного (уровень выбора, свободы, совести, любви, дружбы, этики, эстетики). С точки зрения антропологии а) телесный уровень отвечает на вопрос «что?». «Телу» будут соответствовать географические, физические и архитектурные уровни города; б) психический уровень отвечает на вопрос «как?», ему релевантен уровень экономических, социальных, политических процессов. Духовный, или персональный, уровень жизни людей в городе, отвечает на вопрос «для чего?» и отражается ценностях, идентичности и идентификациях, в динамике развития и становления.

Данная теория охватывает уровни структур, функций и ценностных, смысловых, символических содержаний городов, а также задает важные функции города как пространства развития и благополучия людей. Развитие данного направления требует значительного количества теоретических и практических исследований, но и содержит в себе большой потенциал для обогащения как урбанистики в целом, так и решения некоторых конкретных задач по развитию инфраструктуры, процессов и социально-психологических феноменов в городах.

Список литературы

1. Гейл Я. Города для людей. М.: Альпина Паблишер, 2012.
2. Дроздова А. А., Дроздова Ю. А. Концептуализация городского сообщества в публичном пространстве современного города // Вопросы управления. 2020. Т. 1. № 62. С. 73—82.
3. Злотникова Т. С., Макарова А. Д. Placemaking: от глобального движения к локальному опыту // Ярославский педагогический вестник. 2018. Т. 1. С. 244—248.

4. Лэнгле А. Актуализация Person. Экзистенциально-аналитический вклад в персонализацию экзистенции // Воплощенная экзистенция. Развитие, применение и концепты экзистенциального анализа. Материалы для психотерапии, консультирования и коучинга. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр» при участии Кочергина А. В., 2019. С. 462.
5. Нехорошева Е., Касаткина Д. Пять шагов, которые мы можем сделать вместе: стратегия сообщества по преодолению кризиса // UniverCity: Города и Университеты. 2022. С. 157—177.
6. Whyte W. H. (2001) The Social Life of Small Urban Spaces. Project for Public Spaces.

М. М. Старикова, А. С. Черемухина

ОЦЕНКА КОМФОРТА ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В МЕТРИКАХ КОНЦЕПЦИИ «УМНОГО ГОРОДА» И МНЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. КИРОВА)

СТАРИКОВА Мария Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий социолог, Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации института, РАНХиГС, Москва, Россия

E-MAIL: maria_kuzmina82@mail.ru

ЧЕРЕМУХИНА Арина Сергеевна — магистрант, Вятский государственный университет, Киров, Россия

E-MAIL: arina_cheremukhina1999@bk.ru

Аннотация. В критерии оценок комфорта городской среды попадают метрики концепции «умного города», который подразумевает процессы цифровизации и автоматизации сбора данных и оценки показателей работы городских систем, что повышает оперативность и точность принятия управленческих решений. При этом у населения формируются новые представления о стандартах качества работы и оснащенности инфраструктурных объектов города (социальной, транспортной, жилищно-коммунальной систем). Однако темпы перевода города на «умное» регулирование зависят от экономических, климатических и ряда других факторов, процесс идет неравномерно по регионам РФ, что отражают рейтинги развития городов. Важную роль во внедрении принципов ESG играет обратная связь от населения как «клиентов» городских сервисов и услуг. В статье представлены мнения населения регионального центра Кировской области об удовлетворенности состоянием инфраструктуры Кирова в сопоставлении с критериями комфорта городской среды «умных городов». Основные запросы жителей в сфере развития комфорта городской среды связаны с охраной экологии, усовершенствованием транспортной инфраструктуры, комфортом придомовой территории. Эти запросы решаемы в рамках концепции умных городов и задают направления дальнейшей работы органов власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: городская инфраструктура, городская среда, качество городской среды, умный город

За последние десятилетия сформировалась российская школа урбанистики, представленная такими известными исследователями, как В. Л. Глазычев [Глазычев, 1984; Гутнов, Глазычев, 1990], Е. Г. Трубина [Трубина, 2013], Г. И. Ревзин [Ревзин, 2019]; Е. Н. Перцик [Перцик, 1999] и др. По мнению отечественных исследователей, каждый город уникален и обладает рядом особенностей, которые могут влиять на методологию изучения и управления городской территорией.

На сегодняшний день большое значение для развития городов приобретают информационно-коммуникационные технологии, позволяющие собирать большие объемы цифровых данных о состоянии и качестве работы городской инфраструктуры и на их основе принимать оперативные и обоснованные управленческие решения.

Так, в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» в конце декабря 2020 г. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ утвердило концепцию «Умный город», «которая направлена на повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан»²³. В проекте к маю 2022 г. участвуют 213 городов, численность жителей которых превышает 100 тысяч человек. Уже подписаны соглашения с 87 городами-пилотами из 47 регионов, взявшими на себя повышенные обязательства по реализации мероприятий стандарта умного города»²⁴.

«Умный город — это городская экосистема, делающая акцент на использовании цифровых технологий» [Иванова, Карагулян, 2021]. Она включает в себя процессы по благоустройству и управлению комфортом городской среды с использованием возможностей быстрой обработки больших объемов данных, собираемых при помощи информационно-коммуникационных технологий в режиме реального времени.

В данной работе на примере регионального центра Кировской области рассмотрим удовлетворенность жителей состоянием инфраструктуры Кирова и сопоставим с требованиями, формируемыми концепцией «умного города». В 2021 г. авторами была проведена серия экспертных интервью со специалистами в сфере управления городской средой ($N = 10$) и

²³ Умный город. Ведомственный проект Минстроя // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. URL: <https://www.tadviser.ru/a/460159>.

²⁴ Стандарты умных городов. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B_%D1%83%D0%BC%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2.

опрос жителей Кирова ($N = 598$, полуформализованная анкета, квотная выборка по критериям пола и возраста). С учетом операционализации понятий под инфраструктурой города в исследовании рассматривался комплекс инженерных коммуникаций; состояние дорог и тротуаров; обеспеченность общественным транспортом и его состояние; наличие и состояние парковочных мест и оснащенность придомовых территорий современными зонами рекреации и др.; озеленение территории и состояние экологии; работа коммунальных служб; сферы обслуживания жителей (доступность организаций образования, культуры). Рассмотрим ряд показателей инфраструктуры в оценках горожан.

Одним из факторов комфортной среды «умных городов» является энергосбережение и энергоэффективность ресурсов [Ганин, Ганин, 2014]. В ответах населения Кирова преобладают низкие оценки состояния коммунальных сетей, в первую очередь водоснабжения (высокая изношенность коммуникаций, перебои с подачей воды, длительные периоды отключения и ремонтных работ). Ситуацию подтверждают заключения экспертов о большом объеме работ по устранению проблем и модернизации коммунальных сетей в последние несколько лет. На данный момент говорить об энергосбережении за счет цифровизации и автоматизации процессов в коммунальном хозяйстве Кирова можно лишь как прогноз на будущее с учетом поэтапного ремонта и модернизации отданных в концессию коммунальных сетей.

Кировчан волнует проблема загрязнения городской среды. Жители центральных микрорайонов отметили, что у них бывают проблемы с наличием неприятных запахов (41%). В окраинных микрорайонах проблему загрязнения воздуха и запахов отметили 29,5% респондентов, что отражает некоторое преимущество периферийных территорий в силу менее оживленного трафика на дорогах и более просторной планировки микрорайонов. Для большинства микрорайонов актуальна проблема нерегулярного вывоза мусора, около 38% респондентов отмечают неудовлетворенность по этому вопросу. Проблемы вывоза ТБО можно было бы решить в рамках концепции «умного города», есть успешные кейсы в других регионах, однако они требуют выделения дополнительных средств и модернизации технического оснащения²⁵.

Транспорт «умного города» основывается на интеллектуальной транспортной системе сервисов: от подсказки, на какую парковку направить

²⁵ Резанов И. Белгородский ЦЭБ начал внедрять в работу IT-технологии // Fonar.tv. URL: <https://fonar.tv/news/2022/04/18/belgorodskiy-ceb-nachal-vnedryat-v-rabotu-it-tehnologii>.

машину, до оповещения о сроке прибытия местного общественного транспорта [Ганин, Ганин, 2014].

В Кирове удобству расписания общественного транспорта 40,7 % жителей центральных районов поставили оценку «хорошо» по 5-балльной шкале, в окраинных микрорайонах такую оценку поставили лишь 31,1 % респондентов и 33 % оценили на «удовлетворительно». Очевидно, что большой поток общественного транспорта сосредоточен в центре. В связи с этим у населения возникает проблема, как добраться до нужного места без пересадок и к нужному времени. Почти каждый респондент отметил проблему парковок на придомовой территории, жителей не устраивает как недостаток парковочных мест, так и их необустроенность, стихийный характер. Ряд экспертов предложили введение платных парковок, что, по их мнению, способствует расширению и обустройству парковочных зон, снижению числа машин, подолгу стоящих без использования, и в целом снижению использования личного транспорта. Однако население высказалось однозначно против данной идеи (82,9%), так как считает, что люди не готовы платить деньги и вообще все парковки должны быть бесплатными.

Примером автоматизации процессов в системе общественного транспорта может служить автоматическая система оплаты проезда, уже давно применяемая во многих городах России. В ходе исследования было выявлено мнение населения по поводу предложений экспертов о замене кондукторов в общественном транспорте на автоматическую систему оплаты с помощью турникета и валидаторов. По полученным данным, идея введения турникета в общественном транспорте действительно актуальна, 63,8 % респондентов ее поддержали. Но 42,2 % высказались критично. Выделяют такие сложности, как повышение цены проезда, сокращение рабочих мест, очереди на остановках и при входе в общественный транспорт, риски технического сбоя системы, трудности у пожилого населения и т. п.

Концепция умного города заставляет задуматься над плюсами цифровизации. Сейчас эксперты и население рассуждают чаще в рамках ручного управления. Очевидно, что сразу весь город автоматизировать невозможно, это кропотливый и постепенный процесс. Киров (и другие дотационные регионы) имеет большие риски, связанные с медленным развитием инфраструктуры в условиях нестабильной ситуации в стране. Однако в России активно поддерживаются приоритетные отрасли — в том числе IT-сфера. Поэтому можно надеяться на поэтапную модернизацию городской инфраструктуры.

Рассмотренные элементы «умного города» частично развиваются в Кирове, но до полноценного внедрения автоматизации и цифровизации в управление городской средой еще много шагов. Основным принципом управления городским пространством должно стать поэтапное внедрение цифровых маркеров для анализа и принятия решений, дополненное возможностью социального участия жителей и городских проектах.

«Гонку за самую большую зарплату малым и средним городам не выигрывать, а вот за уют, экологию и качественные городские службы — вполне возможно»²⁶.

Список литературы

1. Ганин О. Б., Ганин И. О. «Умный город»: перспективы и тенденции развития // ARS ADMINISTRANDI. 2014. № 1.
2. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. URL: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog.htm.
3. Гутнов А., Глазычев В. Мир архитектуры. Лицо города. М.: Молодая гвардия, 1990. URL: http://www.glazychev.ru/books/mir_architecture/index.htm.
4. Иванова С. А., Карагулян Е. А. Умный город через призму рейтингов // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 2. С. 641—656.
5. Перцик Е. Н. Города мира. География мировой урбанизации. М.: Международные отношения, 1999.
6. Ревзин Г. Как устроен город. М.: Strelka Press, 2019.
7. Трубина Е. Город в теории. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

²⁶ Самохин А. ESG-метрики для российских городов // Коммерсант. 02.11.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5061833>.

О. А. Богатова, Е. И. Долгаева

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ Г. САРАНСКА: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

БОГАТОВА Ольга Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-MAIL: bogatovaoa@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5877-7910

ДОЛГАЕВА Евгения Ивановна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

E-MAIL: ewgiv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1256-7384

Аннотация. Публикация содержит анализ результатов опроса экспертов (10 полуструктурированных интервью) об уровне и перспективах развития Саранска. Оценивая работу предыдущей администрации города, эксперты отнесли к ее позитивным результатам привлечение в город финансовых ресурсов, строительство разнообразных объектов, благоустройство и создание рабочих мест для участников имиджевых проектов. Негативным итогом названо депрессивное состояние городской экономики, ориентированной на привлечение внешних ресурсов, и неспособной развивать внутренние. Основным препятствием для дальнейшего развития эксперты считают не столько собственно многочисленные проблемы городской среды Саранска, сколько неэффективность управления, не позволяющую их решать. В частности, информанты указывают на отсутствие системности в принятии управленческих решений, недостаточную профессиональную подготовку управленческого персонала, закрытость прошлой администрации и ее неумение опираться на ресурсы общественности. Преодоление обозначенных вызовов эксперты связывают с модернизацией системы управления, поиском внутренних резервов развития городской экономики, демократизацией и вовлечением гражданского общества в управление городской средой.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00588 «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)».

Ключевые слова: город, городская среда, гражданское общество, Саранск, управление, управленческие решения, эксперты

Актуальность социологического анализа городской среды определяется широким спектром проблем, требующих решения: от трудностей физического существования и расширения городов (застройка, озеленение, инфраструктура) до обеспечения комфортности, экологичности и соответствия другим современным требованиям. Особенно значима для России проблематика управления городом, которая все чаще становится предметом социологических исследований [Попов, Замятина, Воронина, 2020: 126].

Обращение к Саранску определяется его принадлежностью, во-первых, к самой многочисленной категории российских городов (с численностью населения менее 500 тыс. человек), во-вторых — к столицам и административным центрам регионов России, значительная часть которых близка к Саранску не только по количеству жителей, но и по состоянию городской среды.

В сентябре-ноябре 2021 г. авторами проведен опрос экспертов, цель которого состояла в выявлении концептуальных структурно-функциональных особенностей социальной идентичности населения Саранска, одна из задач — оценка уровня и перспектив развития города. Отбор информантов осуществлялся методом самооценки. Проведено 10 полуструктурированных интервью специалистов, по роду своей деятельности занимающихся анализом городской среды: журналисты, общественные активисты, архитекторы, культурологи.

Поскольку исследование проводилось после ухода с поста прежнего мэра города (новый избран в декабре 2021 г.), содержание ответов экспертов носило характер оценки деятельности прошлой управленческой команды и постановки задач для новой. К позитивным результатам работы предыдущей администрации эксперты отнесли привлечение в город финансовых ресурсов, строительство спортивных объектов (включая построенные к Чемпионату мира по футболу 2018 г.), преобразование центральной части Саранска, благоустройство города, создание рабо-

чих мест для участников имиджевых проектов. Важнейшим негативным итогом этого этапа истории Саранска эксперты считают депрессивное состояние городской экономики, ориентированной на привлечение внешних ресурсов, и неспособной развивать внутренние. Следствием этого являются бедность и малообеспеченность основной массы жителей, стремление молодежи уехать, низкая социальная активность горожан.

Ряд проблем Саранска, по мнению экспертов, типичен для многих российских городов: многоэтажность застройки, враждебность городской среды к людям, навязчивое визуальное оформление, уменьшение степени озеленения, перекрытие автомобильных потоков новыми архитектурными сооружениями. Нетипичными для столицы национальной республики несовершенствами названы отсутствие индивидуальности и культурного своеобразия Саранска, неоправданная изменчивость общественных пространств и их названий, лишаящая горожан исторической памяти.

Самые серьезные претензии экспертов вызывает не столько состояние городской среды, сколько неэффективное управление, не позволяющее решать многочисленные проблемы. Симптомами неэффективности названы бессистемность, недостаток профессионализма и закрытость руководства.

Бессистемность проявляется в отсутствии стратегии развития, преобладании не планомерного и целенаправленного, а «событийного» способа решения городских проблем: *«У администрации нет общего плана развития, они работают по моменту возникновения какой-то проблемы»* (Эксперт 8). Этот вывод иллюстрируется примерами точечной застройки, не вписывающейся в архитектурный контекст, бессмысленной ликвидации зеленых зон под строительство зданий, рядом ошибок в планировании городских пространств. Дополняют картину нарекания в адрес Генерального плана городского округа Саранск от 2015 г.: *«по генплану проще снести 10 домов и построить 100, чем проложить тротуар»* (Эксперт 6).

Еще одним подтверждением бессистемности эксперты считают повторение ранее совершенных ошибок, наличие в городе нерешаемых хронических проблем и непредсказуемость развития городского пространства. Например, все эксперты констатируют, что историческое лицо города потеряно настолько, что приезжие удивляются, узнавая год его основания (1641). Своеобразная «борьба с историей» выражается не только в бездумном сносе исторических зданий, но и в постоянных изменениях

названий улиц, маршрутов общественного транспорта и даже дорожных знаков. Все это, по мнению экспертов, не позволяет человеческой памяти «зацепиться» за исторические названия, что наряду с практическим отсутствием в городском пространстве старых домов усугубляет неопределенность города, лишает жителей исторической памяти, связи между поколениями. *«А мы тут не то что дома сносим, мы остановки переименовываем раз в месяц!»* (Эксперт 6).

Главной причиной управленческих ошибок может быть *недостаточная профессиональная подготовка персонала*, разрабатывающего решения в сфере управления городской средой. Эксперты констатировали отсутствие в администрации должности главного архитектора, обращали внимание на то, что вопросами организации дорожного движения занимались «дорожники» (строители дорог), а профессионалы в области градостроительства, урбанистики и городского управления к принятию решений не привлекались. Следствием дефицита профессионализма стала архаичность большинства градостроительных решений и методов благоустройства Саранска.

Один из экспертов привел пример типичной логики принятия решений, не опирающейся на профессиональные знания.

«Есть проблема пробок в городе. Как они [администрация ГО Саранск] ее решают? Они расширяют дороги. Казалось бы, понятно... Но в определенный момент [это решение] приводит к так называемому закону неминуемой перегрузки — когда еще больше людей выбирают автомобиль вместо общественного транспорта и выезжают на дороги города. Это приводит к еще большим пробкам» (Эксперт 7).

Однако очевидный способ повышения уровня компетентности работников городской администрации имеет ограничение, типичное для российской провинции: низкие зарплаты, не позволяющие привлечь профессионалов.

«Я ругаю администрацию, выступаю с критикой, но я прекрасно понимаю, в каких условиях они работают... На те зарплаты хороший специалист просто не пойдет» (Эксперт 7).

В этих условиях помочь развитию города могло бы гражданское общество: бизнес, журналисты, общественные организации и отдель-

ные активисты. Однако эти ресурсы практически не использовались, чему способствовала закрытость прежней администрации, ее неумение взаимодействовать с гражданским обществом. Например, один из экспертов не смог добиться от администрации предоставления генерального плана города за 1956 г., который при сравнении с генпланом 2015 г. мог бы наглядно показать увеличение или уменьшение зеленых зон в городе.

«Много информации вообще нет в открытом доступе, и когда отправляешь какие-то обращения, то иногда тебя просто откровенно посылают. То есть федеральный закон они выполняют, тебе дали ответ... Но этот ответ не содержит информации, которая запрашивалась» (Эксперт 10).

Один из информантов хотел помочь администрации, составив список проблем, которые безуспешно пытались донести до нее общественные активисты и журналисты.

«Казалось бы, возьмите вы этот список, проанализируйте и постарайтесь избежать [ошибок] при новом благоустройстве. Нет — они заново начинают совершать те же самые ошибки!» (Эксперт 7).

Общественные слушания перед принятием важных для города решений тоже вызывают у экспертов вопросы: у одного из них сложилось впечатление, что все делается для того, чтобы на слушания никто не пришел (мелкий шрифт в объявлении, бюрократия). После слушаний, на которые он попал не без труда, желания сотрудничать стало еще меньше:

«Проходим туда. Ну, [там находятся] представители всяких этих администраций. Они выступили, мы что-то сказали свое. А будет ли это? Да, мы все учтем — присылайте свои [предложения] письменно. Ну, вот, мы же сейчас говорим! Нет, письменно» (Эксперт 6).

Рекомендации экспертов по реформированию экономики и системы управления Саранском включают:

- привлечение профессионалов к разработке нового генерального плана и стратегии развития городской среды;
- восстановление должности главного архитектора;
- поиск внутренних резервов для развития экономики города;

- ликвидацию районных администраций и направление освободившихся финансовых средств на нужды городского управления;
- использование научного потенциала города при поиске оптимальных способов организации городского пространства (архитекторов, дизайнеров, экологов, социологов);
- привлечение к участию в развитии города гражданского общества;
- возвращение прямых выборов мэра Саранска.

Таким образом, основные способы преодоления обозначенных вызовов эксперты видят, с одной стороны, в модернизации системы управления городом (рационализация, профессионализация, максимальное использование ресурсов), развитии внутренних резервов экономического роста, с другой — в демократизации и вовлечении гражданского общества в управление городской средой.

Список литературы

Попов Е. А., Замятина О. Н., Воронина С. А. Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 125—131.

С. А. Григорьева, Н. В. Сорокина

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕРВИСЫ ДЛЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

ГРИГОРЬЕВА Светлана Анатольевна — социолог, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, Саратов, Россия

E-MAIL: grigoreyvasv@mail.ru

СОРОКИНА Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, Саратов, Россия

E-MAIL: natalia.sorokina.nv@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы пожилых людей в условиях пандемии и форматы помощи государственных учреждений и некоммерческих организаций. Одиночество, страх и многообразие информации привели к возникновению хронического тревожного состояния. Авторами выделены ограничения жизнедеятельности в условиях пандемии. Были проанализированы возможности цифрового мира в социальной адаптации и реализации практики активного долголетия.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 18-18-00321-П «Социальный урбанизм как доступность городской среды в параметрах темпорального неравенства и концептах социальной политики [на примере российских провинциальных городов]».

Ключевые слова: социальные сервисы, пандемия, старение, социальная работа

Появление коронавирусной инфекции стало отправной точкой формирования новой повседневной культуры населения страны. Привычный образ жизни в кратчайший срок стал перестраиваться, насыщаться новыми смыслами и практиками на фоне ограничивающих мер, вводимых для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия граждан. Для понимания данных трансформационных процессов мы обратились к анализу опыта маломобильных людей и специалистов

социальных сервисов, связанного с необходимостью переустройства привычного течения жизни и преодолением ситуаций неопределенности, вызванных пандемией. Мы стремились рассмотреть, каким образом изменилась жизнь маломобильных граждан; как трансформировались социальные услуги, предоставляемые пожилым и людям с инвалидностью маломобильным гражданам в период пандемии.

Пандемия COVID-19 стала причиной кардинальных жизненных перемен всего населения страны [Социология пандемии. Проект коронаФОМ, 2021]; охарактеризовалась трансформацией «городских систем, социальных групп, формированием особой эпидемиологической совокупности мнений, взглядов, идей о функционировании урбанистических систем, социокультурным конструированием панических настроений» [Ярская-Смирнова, Ярская-Смирнова, Зайцев, 2022: 222]; стала поводом для беспокойства и страха, жизни в изоляции, негативно отражающейся на физическом и психическом здоровье людей. По данным российских исследований, контекст пандемии способствовал развитию психологического стресса из-за страха за жизнь, нарастающего при соблюдении таких профилактических мер, как соблюдение самоизоляции и социального дистанцирования [Беляков и др., 2021: 371]. Применяемые профилактические меры по борьбе с распространением инфекции выступили дополнительными барьерами, ограничивающими и без того уязвимые категории граждан: пожилых и людей с инвалидностью.

Коронавирусные волны привели к ценностным сдвигам, повысив для россиян значение «семьи, близких, общения с ними, здоровья и, наконец, самой жизни» [Образ жизни, 2022: 213]. Пандемический контекст способствовал, с одной стороны, ослаблению, с другой — усилению социальных связей, что повышало сплоченность граждан. В условиях коронакризиса особенное значение приобрело социальное государство, способствующее разрешению проблем трудовой сферы, поддержания уровня жизни граждан, получения медицинской помощи и организации быта [Пандемия COVID-19, 2021: 58]. Социальные работники как агенты социальной сферы способствовали укреплению ослабевающих связей, восполняли ниши по обеспечению достойной жизни клиентов.

«Цифровой разрыв» ограничивает возможность использования новых технологических устройств, что снижает количество социальных контактов, особенно в старшей возрастной группе. Представители старшего поколения, проживающие одиноко или находящиеся в трудной жизненной ситуации, могут испытывать трудности с продовольствием,

лекарствами и др. Здесь роль в оказании помощи пожилым [социальными услугами] муниципальных служб и социальных работников является центральной [Пандемия COVID-19..., 2021: 124]. Трансформация модели социальной работы в условиях глобальных жизненных вызовов вносит изменения в масштабное социальное функционирование человека. Анализ первой волны COVID-19 в 2020 г. продемонстрировал следующие изменения: появились «новые нормы», произошло значительное развитие цифровых технологий, которые позволяют осуществлять помощь нуждающимся клиентам в ситуации удаленного доступа, реализовывать деятельность в новых условиях, а именно: в период массовых эпидемий, экологических глобальных катастроф, которые имеют взаимозависимость с региональными и мировыми экономическими, политическими, социальными кризисами [Фирсов и др., 2021: 19]. Понятие «новой нормы» может быть связано с усилением позиций и ужесточением контроля в отношении социально уязвимых групп населения [Фирсов, 2019: 18].

Традиционные социальные услуги на дому остались одними из самых востребованных. К числу основных надомных услуг относятся организация питания и доставка продуктов на дом; помощь в приобретении медикаментов, товаров первой необходимости; содействие в получении медицинской помощи и сопровождение в медучреждения; доставка воды, дров [в частном секторе], оплата коммунальных услуг; помощь в оформлении документов. Сами социальные работники отмечают, что нагрузка выросла в связи с заболеваемостью других сотрудников, увеличением просьб самих пожилых.

«Нагрузка выросла. Пока стоишь около двери, приходится больше времени слушать: не 15 минут, как раньше. В таких условиях не бросишь же человека, то есть на психологическую поддержку уходило больше времени. У них страх какой-то, боязнь. Практически у всех есть родственники. И основная проблема — это обида на детей. Потому что не поздравили вовремя с днем рождения или не беспокоятся о них» (Информант Анна, социальный работник, Саратов).

Сами пожилые по-разному относятся к ситуации:

«Подопечные переживали, особенно насмотрятся телевизор, а там если день посмотришь, слушать, то идет нагнетание. Сейчас с этими прививками.

И родственники еще, они не приходили, но звонить-то, звонили. Такого, чтобы вообще не пускали, не было. Единственная только моя подопечная, она вот настаивает на прививке. А я спрашиваю у нее, ведь вы ничего не знаете, как она отразится на хронических заболеваниях: что у вас с сердцем. Она сама рассказывала, что дочери сделали прививку, а у нее температура поднялась. Она сейчас пока думает» (Информант Татьяна, социальный работник, стаж работы 15 лет).

С ростом заболеваемости в регионе подобная помощь потребовалась большему числу граждан, которые до этого обходились своими силами и связями. В ответ на вызов пандемии, требующей мобилизации сил для оказания помощи пожилым и маломобильным горожанам, запрос на которую резко возрос, а социальные сервисы оказались не готовы к такому объему, активизировались механизмы развития добровольческих инициатив, оформившиеся в практики помощи, нацеленные на поддержку наиболее уязвимых категорий.

В долгий период самоизоляции пожилым требовались психологическая поддержка и общение. В создавшихся условиях крайне важно регулярно проводить онлайн-занятия, созваниваться со своими близкими и друзьями. Важна тема общения — не только интерес к самочувствию или соблюдению режима, но и выражение слов поддержки, любви, обсуждение совместных интересов. Социальной службой Саратова была создана онлайн-программа обучения в Университете третьего возраста, благодаря которой регулярно размещались видеоуроки и прямые эфиры по различным темам, например суставная гимнастика, литературная гостиная, лекция по истории семейной фотографии. Изоляция заставила социальные службы задуматься о расширении возможностей онлайн-обучения для старшего поколения. Для пожилых максимально важно личное общение, однако не потерять контакт со своими близкими помогли и социальные сети. Сервисы видеосвязи, такие как Skype, WhatsApp, Viber, и общение в социальных сетях создавали ощущение личной встречи. Особенно развивались направления по творческим занятиям, английский клуб, работа команды по серебряному волонтерству. Новый формат охватил далеко не всех пожилых людей, но, возможно, именно благодаря таким условиям «цифровизация» старшего поколения будет происходить быстрее. Это создаст новую платформу для развития адаптационных механизмов старшего поколения.

Список литературы

1. Беляков Н. А., Халезова Н. Б., Исаева Е. Р. и др. Психологические и социальные последствия пандемии COVID-19 // Эволюция пандемии COVID-19: монография / Н. А. Беляков, С. Ф. Багненко, В. В. Рассохин, Т. Н. Трофимова и др. СПб.: Балтийский медицинский образовательный центр, 2021. С. 361—405.
2. Образ жизни: как коронавирус изменил повседневность / Рук. авт. колл. Ослон А. А., Боброва А. И., Глазков К. П., Закутина Е. С., Кертман Г. Л., Осипова И. Г., Рейнюк А. С. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ). 2022.
3. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова; вступ. слово А. В. Торкунов. М.: Аспект Пресс, 2021.
4. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение, 2021.
5. Фирсов М. В. История социальной работы. М., 2019.
6. Фирсов М. В., Лельчицкий И. Д., Вдовина М. В., Черникова А. А. Клинический вектор модернизации платформы социальной работы 1.0 в условиях новых глобальных вызовов // Общество. Социология. Психология. Педагогика. 2021. № 3(83). С. 19—24.
7. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская-Смирнова В. Н. Маломобильные горожане как получатели и субъекты социальной помощи в период пандемии covid-19: по данным социологического опроса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 145—152.

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ И ИНВАЛИДАМИ

СКОБЕЛИНА Наталья Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-MAIL: skfna.25@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2108-187X

Аннотация. В статье представлен опыт социологического исследования системы длительного ухода за пожилыми людьми и инвалидами в Волгоградском регионе. Акцент сделан на мнении экспертов — руководителей и специалистов региональных центров социального обслуживания населения, которые внесены в реестр поставщиков услуг ($N = 21$, январь — февраль 2022 г., Волгоградская область). В ходе исследования выявлены технологии длительного ухода, определены преимущества и недостатки внедрения пилотного проекта по реализации системы длительного ухода за пожилыми людьми и инвалидами.

Ключевые слова: социологическое исследование, экспертный онлайн-опрос, система длительного ухода, новые технологии

В последние годы в сфере социального обслуживания населения происходят кардинальные изменения. Меняется законодательство, внедряются новые проекты, развивается рынок социальных услуг. В связи с этим социологам необходимо заниматься теоретическим и эмпирическим изучением сферы социального обслуживания. Такого рода исследования помогут инструментами социологической науки объяснить процессы, происходившие в российском обществе в условиях неопределенности и постоянных трансформаций, спрогнозировать результаты нововведений, повлиять на качество оказания социальных услуг.

Стимулом к написанию данной статьи послужила реализация пилотного проекта по внедрению системы длительного ухода за пожилыми людьми и инвалидами в Волгоградском регионе, а также участие автора совместно с сотрудниками центров социального обслуживания

населения Волгоградской области в программе мониторинга механизмов выявления граждан, утративших способность к самообслуживанию. Сотрудничество с комитетом социальной защиты населения Волгоградского региона и включенность автора в сферу социального обслуживания помогли разработать программу социологического исследования «Внедрение системы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами в Волгоградском регионе», определить переменные, использовать в ходе анализа социологические теории. В рамках исследования, проведенного в январе — феврале 2022 г., применялся экспертный онлайн-опрос руководителей центров социального обслуживания населения, включенных в реестр поставщиков социальных услуг ($N = 21$, Волгоградский регион).

Результаты опроса показали, что в систему долговременного ухода включены специалисты из различных сфер деятельности: психологи, педагоги, социальные работники, специалисты по социальной работе, сиделки, специалисты по социальной работе с семьей. Как отметили эксперты, в рамках проекта применялись инновационные технологии: персональный помощник (70%), социальные семьи для пожилых людей и инвалидов (80%), служба сиделок (95%), открытие дневного пребывания для пожилых людей с когнитивными расстройствами (70%), паллиативная помощь на дому (35%). 50% экспертов указали на разработку методических рекомендаций для специалистов и родственников по профилактике падений и переломов у лиц пожилого и старческого возраста. Многие эксперты отметили значимость технологии мультидисциплинарной бригады, указав на «высокую степень эффективности данной технологии» (95%). Парадокс в том, что, несмотря на такую высокую оценку, только в трех центрах эта технология апробирована и применяется в настоящее время.

На вопрос «Какие новые практики появились в Вашей организации в период пандемии?» эксперты назвали *«дистанционное обучение граждан старшего поколения»*, *«онлайн-работу с получателями социальных услуг»*, *«выезд мобильных бригад в сельские поселения с целью доставки промышленных товаров, продуктов питания и лекарственных средств»*, *«доставку медиков нуждающимся на дом»*, *«дистанционную форму контроля и консультирования»*, *«виртуальный туризм»*. Определяя наиболее полезную технологию, эксперты указали на социального помощника, службу сиделок, социальную семью, дистанционное предоставление услуг.

Отвечая на вопрос «Насколько эффективно реализуется система долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами в Волгоградском

регионе?» эксперты выбрали «высокую степень эффективности реализации» (65 %) и «степень эффективности реализации выше среднего уровня» (25 %).

Среди недостатков была названа нехватка помещений:

«Для нас главная проблема — очень ощутимая нехватка помещений. Помещения муниципального фонда находятся в очень плохом состоянии. Негде проводить досуговые мероприятия, „серебряные“ волонтерские клубы, спортивные мероприятия и другие. Поэтому отсутствует возможность организации дневного пребывания и упор делаем на надомные формы обслуживания. Отсутствие помещений ведет к изолированности пожилых и инвалидов, что самым негативным образом сказывается на их психологическом состоянии, а далее, как следствие, на физическом».

Эксперты обратили внимание на информированность населения о проекте и привлечении волонтеров:

«Главная сложность — плохая информированность граждан о системе долговременного ухода. Недоверие ввиду большого количества мошеннических схем откладывает свой отпечаток на отношении пожилых людей к государственным программам поддержки».

«Нам не хватает помощников. Чем больше в реализацию системы будет вовлечено людей, желающих помогать, тем более успешной будет ее реализация».

Несмотря на указанные недостатки, эксперты высоко оценили реализацию проекта в регионе и отметили, что в условиях неопределенности, динамичных преобразований, характерных для общества риска, в регионе произошли заметные изменения в сфере обслуживания населения, что повлияло на качество оказания социальных услуг.

В заключение подчеркнем, что социологическое исследование системы долговременного ухода в Волгоградском регионе предлагает информацию о реализации новых стационарозамещающих технологий, играет прогностическую роль, учитывает преимущества и недостатки внедрения проекта. Социологи должны быть в авангарде исследований в области исследования социального обслуживания населения и реализации новых проектов в российском обществе.

А. И. Черевкова

285

«ПАНДЕМИЯ ПЕРЕКРЫЛА КИСЛОРОД И ПОСАДИЛА НАС ПО ДОМАМ»: О ТУРИСТСКИХ ПРАКТИКАХ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

ЧЕРЕВКОВА Алена Игоревна — преподаватель, аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-MAIL: yaitskova_a@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0662-2268

Аннотация. В статье на материалах 16 глубинных интервью, проведенных с января по февраль 2022 г. с лицами старше 60 лет, проживающими в Ростовской области, анализируются туристские практики старшего поколения в период пандемии коронавируса. Туристские практики понимаются как совокупность устойчивых и воспроизводимых социальными акторами действий, реализуемых в туристских целях под влиянием экзогенных и эндогенных факторов. Пандемия коронавируса рассматривается как экзогенный фактор, вызвавший значительное снижение туристской активности старшего поколения вплоть до ее полной остановки. И если молодая и средняя возрастные группы после отмены режима самоизоляции довольно скоро начали путешествовать, то старшее поколение с осторожностью относится к перспективе поездок ввиду ухудшения состояния здоровья после перенесенной болезни, страха заболеть в поездке либо заразить окружающих. Усложнение эпидемиологической обстановки способствовало развитию туристской эксклюзии старшей возрастной группы, и значительная часть информантов уже не надеется на возвращение к допандемийным практикам туризма.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90036 «Дифференциация туристских практик населения Ростовской области в условиях социального неравенства в российском обществе».

Ключевые слова: социология туризма, досуговые практики, туристские практики, старшее поколение, пожилые люди, пандемия коронавируса, туристская эксклюзия, Ростовская область

Старшее поколение — возрастная группа, острее других ощутившая последствия пандемии коронавирусной инфекции и введенных ограничительных мер. Пожилым людям, которых Всемирная организация здравоохранения отнесла к группе повышенного риска, было рекомендовано соблюдение режима самоизоляции и ограничение социальных контактов. С целью ограничения перемещений перестали действовать некоторые льготы, на длительный период прекратилось проведение культурных мероприятий и программ активного долголетия. Это существенно изменило досуговые практики старшего поколения, в том числе практики туризма, о которых пойдет речь в настоящей статье.

Туристские практики на основе теории социальных практик П. Бурдьё и теории структуризации Э. Гидденса понимаются как совокупность устойчивых и воспроизводимых социальными акторами действий, реализуемых в туристских целях под влиянием экзогенных и эндогенных факторов [Старшее поколение..., 2022: 250]. И одним из экзогенных (средовых) факторов, формирующих туристские практики, выступает усложнение эпидемиологической обстановки в период пандемии коронавируса.

Эмпирическую базу исследования составили проведенные в январе — середине февраля 2022 г. 16 неструктурированных глубинных интервью с лицами старше 60 лет, проживающими в Ростове-на-Дону и Ростовской области. В число информантов вошли как представители старшего поколения, которые вовлечены в туристские практики, так и не совершавшие турпоездки более пяти лет. Гендерное распределение составило 44% мужчин и 56% женщин. 69% информантов проживают в городах, остальные — в сельской местности, что соответствует статистическим данным о населении Ростовской области на 1 января 2021 г. [Ростовская область..., 2021: 32—35].

Анализ интервью позволил зафиксировать факт снижения туристской активности старшего поколения вплоть до ее полной остановки даже среди тех информантов, которые регулярно совершали турпоездки до 2020 г.:

«Вообще нигде не была. Я раньше никогда на майские, новогодние праздники дома не сидела. Три дня выходных выпадает — я куда-то еду, я дома не сидела. Сейчас даже новогодние дни прошли как-то грустно, скучно, никак» (жен., 67 лет).

«Последние два года вообще никуда не ездила, как и многие из нас, из-за пандемии» (жен., 60 лет).

«Пандемия сейчас все перекрыла, перекрыла кислород и посадила нас по домам» (муж., 68 лет).

Если молодая и средняя возрастные группы после отмены режима самоизоляции довольно скоро начали путешествовать, то старшее поколение с должной осторожностью относится к перспективе поездок:

«Страшновато далеко куда-то выезжать, ну, чисто из-за болезни психологически, хоть мы и привиты. Страшно заболеть в дороге, потому что не знаешь, как оно разовьется. Дома, может, и не так страшно, а в дороге может быть как-то непредсказуемо» (жен., 61 год).

Информанты высказывали беспокойство не только о своем здоровье, но и о возможности стать причиной чьей-то болезни:

«Боюсь ехать из-за болезни. Приедешь, там заболеешь или кто-то заболеет, а люди подумают, что это я привезла эту болячку. Никто не желает с этой болячкой никуда ехать» (жен., 73 г.).

Важной особенностью организации туристских практик старшего поколения выступает их заблаговременное планирование. Большинство информантов предпочитают за длительный срок бронировать транспорт и размещение, экскурсии и не склонны к спонтанным практикам. Пандемия нарушила возможность планировать свою жизнь, что также ударило по развитию туризма исследуемой возрастной группы. Запланированные поездки были отменены:

«2020 год был весь распланирован: я подала на американскую визу, на шенгенскую визу, оплатила все гостиницы, перелеты и переезды — все было оплачено. В апреле должна была быть большая поездка, но она сорвалась. В сентябре собиралась в США, и они тоже сорвались. А так, в 2018—2019 году я была в Грузии, в Питере, в Москве, в Крыму» (жен., 67 лет).

«Постоянно с 1991—1992 года мы стали каждый год ездить в Крым, и вот эпидемия у нас, два года я туда не езжу» (муж., 83 г.).

«Из-за пандемии не попал на Сейшелы. Очень красивое островное государство, прекрасная экология, со всех сторон Индийский океан. В общем,

планов громадье, только бы знать, когда закончатся эти эпидемийные дела» (муж., 71 г.).

Международные турпоездки с после марта 2020 г. информанты не совершали, часть из них переориентировались на внутренний туризм, как правило, в пределах Юга России.

Информанты, которые путешествовали после начала пандемии, сообщали о снижении частоты поездок по сравнению с предшествующими годами, выборе направления поездки с учетом эпидемиологической обстановки:

«Стало тяжелее организовать отдых, чтобы попасть в перерывах между волнами, болезнями, вспышками и прививками. И путешествия превратились в санаторно-курортное лечение для восстановления» (муж., 62 г.).

Произошел отказ от групповых поездок, а при выборе объекта размещения и вида транспорта принимается во внимание потенциальная возможность заразиться:

«Вот в мечтах все время, хочу туда, туда, туда... Но чем дальше, тем сложнее это сделать. Останавливает пандемия. Поехать хотя бы в Таганрог — да, хорошо, но это я должен ехать два часа в забитой электричке, и сейчас вот же самый пик инфекции, я отказался от поездки» (муж., 67 лет).

Таким образом, усложнение эпидемиологической обстановки стало еще одним фактором развития туристской эксклюзии старшей возрастной группы. Значительная часть информантов уже не надеется на возвращение к допандемийным практикам туризма:

«Я переболела ковидом, выписалась из ковидного госпиталя, по утрам дикая боль в сердце... Я сейчас шла, хорошая погода, но мне шуба тяжелая, я даже на скамеечке посидела, думаю — все, кончилась. Я уже не буду продлять паспорт, потому что уже нет смысла. Я считаю, ковид все испортил» (жен., 83 г.).

В то же время оздоровительный туризм, в том числе санаторно-курортное лечение, может стать средством реабилитации после перенесенного заболевания, и такие предложения уже разработаны в санаториях Юга России.

Список литературы

1. Старшее поколение в постиндустриальных реалиях: жизненные и трудовые стратегии / под ред. С. А. Баркова, И. В. Кузнецовой, А. В. Маркеевой. М.: У Никитских ворот, 2022.
2. Ростовская область в цифрах 2020: стат. сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2020.

Социальная солидарность**В. И. Дудина****ЛИНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ
В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ЭПИДЕМИЧЕСКИХ РИСКОВ**

ДУДИНА Виктория Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: viktorija_dudina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2099-2345

Аннотация. В современном обществе рассеивается социальная активность, которая из консолидированных общественных движений и форм социальной солидарности перетекает в более диффузные формы и способы действия. Этот процесс затрагивает и такую сферу, как общественное здоровье. В настоящее время в социологии здоровья происходит переориентация в концептуализации агентности в сфере общественного здоровья, которая бы позволила более эффективно выявлять новые линии социальной солидарности, возникающие в этой области. В статье предлагается аналитический обзор современных исследований, посвященных изучению новых форм организации социальной активности в сфере общественного здоровья. Предлагается анализ многообразных форм активизма здоровья из перспективы критического подхода к общественному здоровью.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00261.

Ключевые слова: социальная солидарность, активизм, агентность, медицинская власть, эпидемические риски, аналитический обзор

В 2020—2021 гг. вопросы здоровья и здравоохранения стали ведущими в глобальной повестке. Они задали также новые линии конфликтов и солидарности в общественной жизни. Социальный активизм может рассматриваться как одна из форм социальной солидарности. Совместное решение проблем в сфере здоровья является средством преодоления

недостатков институтов здравоохранения и также представляет собой одну из форм социальной солидарности неполитического характера. В связи с этим на повестку дня выходит вопрос анализа социального активизма в сфере общественного здоровья. Все больше исследователей обращают внимание на недостатки универсального подхода к исследованию социального активизма здоровья, игнорирующего разнообразие его современных форм. В настоящее время наметился переход к радикальному расширению взглядов на сущность и содержание социального активизма в сфере здоровья с учетом новых, а также уже существующих, но ранее непризнанных форм активизма. В данной статье мы рассмотрим современные исследования, рассматривающие новые формы социального активизма здоровья.

Сама забота и помощь в рамках формальных структур здравоохранения в ряде случаев рассматриваются как радикальные политические акты. Например, в исследовании [Dennis, 2021] на примере стигматизированных и маргинализированных получателей героиновой заместительной терапии показывается, как забота об уязвимых группах превращается в политический акт, поскольку активисты продвигают способы помощи, основанные на придании голоса исключенным лицам в их отношениях с профессионалами в области здравоохранения, бросая тем самым вызов доминирующей медицинской модели и режиму рациональности. В исследовании [Mulligan, Garriga-Lopez, 2021] описывается выход медицинских работников за рамки своих официальных функций по уходу. По мнению авторов, такие действия могут трактоваться как активизм, поскольку являются компонентом социальных изменений, способствующих укреплению общественного здоровья. Исследование [Cowan, 2021] показывает пример того, как обыденные повседневные действия меняют устаревшие структуры власти внутри государственной организации. Исследуются так называемые незаметные формы активизма, состоящие в перераспределении ресурсов в пользу менее привилегированных пациентов. В данном случае активизм здоровья трактуется как вплетенный в рутинные повседневные действия, способствующие изменению правил и распределения власти внутри организации здравоохранения. Ряд современных ученых рассматривают непубличный активизм вне структур здравоохранения. В работе [Gumbonzvanda et al., 2021] исследуется пример так называемого тихого активизма, который не подразумевает громких публичных заявлений, а состоит в предоставлении особого пространства представителям уязвимых групп.

В исследовании [Cornish, 2021] проблематизируется линейный подход к изменениям, ориентирующий на достижение видимых структурных изменений, вместо этого предлагается подход с точки зрения многомерного процесса изменений, включающего успехи и неудачи как необходимые аспекты социального активизма в сфере здоровья. Примером исследования альтернативной политики, действующей непрямым образом, является исследование [Mulubale et al., 2021], рассматривающее роль юмора в борьбе со стигмой в связи с ВИЧ с точки зрения того, как практики комедийного шоу могут изменить привычное мышление и таким образом освободить место для новых взглядов.

Медицинская власть трактуется с принципиально новой точки зрения, когда исследуются ситуации, в которых сами врачи рассматриваются как представители активистских движений, участвующих в так называемом доказательном активизме клиницистов (*clinician-led evidence based activism*). Такое перенаправление медицинской власти в альянсе с уязвимыми группами (с мигрантами и противниками приватизации в сфере здравоохранения) рассматривается в исследовании [Pushkar, Tomkow 2021].

Исследователи отмечают такую черту современного активизма здоровья, как отказ от эмансипаторских устремлений и риторики освободительных социальных изменений в пользу риторики коллективных действий на службе «ответственного гражданства» (*responsibilised citizenship*). Участие в коллективных действиях фокусируется на индивидуальных преимуществах доступа к информации и социальной поддержки со стороны равных. Например, в исследовании использования интернета в онлайн-сообществах пациентов была выявлена стигматизация левых идей и самоидентификация участников не как активистов, а как «адвокатов» [Schermuly, Petersen, Anderson, 2021].

Социальные сети радикально меняют стратегии социального активизма, появились термины *слактивизм*, *кликтивизм*, *кликократия*. Несмотря на то что этот вопрос активно исследуется в социальных науках, особенности сетевого активизма здоровья практически не исследованы. Другая малоизученная форма социального активизма здоровья — перформативный активизм [Shefer, 2019]. Данная концепция была изначально разработана применительно к активизму в других сферах, но анализ перформативного активизма в сфере общественного здоровья требует дополнительного изучения.

Рассмотренные исследования представляют широкую панораму подходов к социальному активизму здоровья и, соответственно, многообра-

зие форм социальной солидарности вокруг проблем здоровья и здравоохранения. Эти формы социального активизма здоровья представляют собой новые линии социальной солидарности в обществах, затронутых массовыми эпидемическими рисками, поскольку объединения людей, пытающихся совместно решать проблемы, могут использоваться для решения проблем в сфере общественного здоровья.

Список литературы

1. Cornish F. (2021) 'Grenfell Changes Everything?' Activism beyond Hope and Despair. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 3. P. 292—304.
2. Cowan H. (2021) Taking the National(ism) Out of the National Health Service: Re-Locating Agency to Amongst Ourselves. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 134—143.
3. Dennis F. (2021) Advocating for Diamorphine: Cosmopolitical Care and Collective Action in the Ruins of the 'Old British System'. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 144—155.
4. Gumbonzvanda N., Gumbonzvanda F., Burgess R. (2021) Decolonising the 'Safe Space' as an African Innovation: The Nhangas as Quiet Activism to Improve Women's Health and Wellbeing. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 169—181.
5. Mulligan J., Garriga-Lypez A. (2021) Forging Compromiso after the Storm: Activism as Ethics of Care among Health Care Workers in Puerto Rico. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 213—224.
6. Mulubale S., Rohleder P., Squire C. (2021) LOLS@stigma: Comedy as Activism in the Changing Times of the HIV Epidemic. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 3. P. 254—266.
7. Pushkar P., Tomkow L. (2021) Clinician-Led Evidence-Based Activism: A Critical Analysis. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 234—243.
8. Schermuly A., Petersen A., Anderson A. (2021) 'I'm Not an Activist!': Digital Self-Advocacy in Online Patient Communities. *Critical Public Health*. Vol. 31. No. 2. P. 203—212.
9. Shefer T. (2019) Activist Performance and Performative Activism Towards Intersectional Gender and Sexual Justice in Contemporary South Africa. *Int. Sociol.* Vol. 34. P. 418—434.

П. Д. Кытина

МОТИВАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРЕПОВЦА)

КЫТИНА Полина Дмитриевна — студент-бакалавр кафедры социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

E-MAIL: polinakytina25@gmail.com

Аннотация. Изучение уровня социального участия и его мотивации дает возможность выявить социальные ресурсы региона, выработать условия и координационно-административные технологии и механизмы стимулирования участия. Эмпирической базой исследования является опрос жителей Череповца по теме: «Агенты социальных изменений: ценности и мотивы социального участия». В статье рассматривается категория участия, подходы к ее изучению. Для эмпирического анализа была выделена форма неформальных практик участия. Исследование показало, что неформальное участие имеет ряд причин, чаще всего это помощь людям, альтруизм, выполнение общественного долга, улучшения жизни, места, где живет человек. Для молодежи чаще мотивация личностная, чтобы самореализоваться и получить полезные знакомства. Для среднего возраста превалирует ценностная мотивация социального участия.

Ключевые слова: социальное участия, мотивация социального участия, неформальное участие

В последние годы прослеживается стабильный рост количества людей и ассоциаций, участвующих в волонтерской (добровольческой) деятельности, расширяются масштабы реализуемых ими проектов и программ. Социальное участие и социальная активность населения — это важные категории для развития страны.

Недостаточно изучен сам феномен участия, нет четкого разделения между ключевыми видами: политическим, гражданским, общественным, социальным. Рабочее определение исследования И.А. Скалабан: социальное участие — коллективная деятельность людей, горизонтальная активность, осуществляемая ими в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса [Скалабан, 2016].

В данной работе рассматривается неформальное участие и его мотивация, так как это наиболее разнообразная сфера участия. Неформальное общественное участие — разнообразные формы индивидуального и массового участия в общественной жизни за пределами организаций и ассоциаций [Скалабан, 2011].

Под мотивом будем понимать сложное психологическое образование, побуждающее человека к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием [Мартынова, Яницкий, Зеленин, 2019]. В процессе мотивации происходит объединение актуальных потребностей субъекта и цели как предмета удовлетворения потребностей, а также методов и возможностей достижения цели, которые присутствуют в конкретной ситуации.

Представлены данные опроса жителей города Череповца Вологодской области «Агенты социальных изменений: ценности и мотивы социального участия» по квотной половозрастной выборке в соответствии со структурой населения города старше 18 лет, проведенного кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета в марте 2022 г. Всего опрошено 650 человек.

Неформальные практики — коллективная деятельность людей, направленная на совместное решение проблем, поддержание традиций, помощь соседям, взаимная поддержка. Респондентов, которые нигде не задействованы — 55 %, меньше половины принимают участие. Самые популярные практики: общественные работы по месту (субботники, мероприятия по благоустройству) — 25 %, благотворительные акции (включая денежные пожертвования нуждающимся) — 23 %, массовые мероприятия (городские праздники и т. п.) — 14 %, деятельность некоммерческих организаций, работа волонтером, добровольцем — 7 % и др.

Молодежи присущи такие мотивы, как самовыражение, самореализации — 30 %, возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия — 25 %, полезные знакомства — 20 %. Скорее всего, благодаря этой деятельности молодежь старается развиваться, устроиться в жизни, зарекомендовать себя, получить связи и т. д.

Для среднего возраста больше характерны ценностные причины, цель которых — воздействие на общество: возможность что-то изменить, способствовать изменениям в обществе. Для пожилого же возраста характерны такие мотивации, как улучшение жизни в месте, где живут, возможность помочь людям. Она также направлена на социум, альтруистична. Очевидно, что пожилое поколение меньше всего задействовано в этой активной деятельности в силу возраста.

В таблице 1 представлены ответы на открытый вопрос: «Почему Вы участвуете в этих видах деятельности, что это Вам дает?». Основные причины: возможность помочь людям — 23%, мотивация альтруистична; мне нравится, и я получаю удовольствие — 22%; возможность улучшить жизнь в месте, где я живу — 10%; общественный долг — 5% и другие.

Таблица 1. Причины неформального участия

Причины участия	Общий процент
Возможность помочь людям	23
Мне нравится, и я получаю удовольствие	22
Возможность улучшить жизнь в месте, где я живу	10
Выполнение своего общественного долга	5
Хочу способствовать изменениям к лучшему в обществе	5
Самовыражение, самореализация	4
Организация своего свободного времени	4
Чувствую ответственность	4
Возможность общения, дружеского взаимодействия	3
Полезные знакомства	3
Ничего не дает	2
За компанию, занимаются мои друзья	2
Приобретение полезных практических навыков, знаний	2
Участие приветствуется у меня на работе	2
Мне интересно	2
Случайно начал участвовать	2
Отношение к животным	2
Уважение окружающих, общественное признание	2
Возможность выразить свою гражданскую позицию	1
Возможность приобрести опыт общественной работы и социального взаимодействия	1
Другое	0,4
Не участвовал	12

Ответы респондентов, которые подтверждают мысль о мотивации неформального участия: «Гордость за себя и людей, которым не все равно!»; «Потому что мне безразлична судьба моей страны» и др.

Больше половины респондентов не участвуют в неформальных практиках. Это дает повод для того, чтобы обратить внимание на социальный аспект, так как уровень социального участия населения невысок. Мотивация неформального участия — это общественный интерес. На первый план выходят причины, направленные на улучшение жизни общества. Многие люди считают, что тем самым они выполняют общественный долг. Меньше всего участвует пожилое поколение, поэтому сложно выделить какой-то определенный стимул его участия. Молодое поколение направлено на реализацию потенциала, а люди среднего возраста — на общество и ценности.

Список литературы

1. Мартынова Т. Н., Яницкий М. С., Зеленин А. А. и др. Добровольческая деятельность как форма социальной и гражданской активности студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 160—167.
2. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130—139.
3. Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 44—59.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ДОБРОВОЛЬЦЕВ, РАБОТАЮЩИХ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ (ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ)

ШАПОВАЛОВ Алексей Викторович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

E-MAIL: alex-shapoval@yandex.ru

Аннотация. Статья содержит обоснование социальной значимости исследовательского проекта «Социологическое изучение социального портрета добровольцев, работающих в условиях нестабильных социальных ситуаций». Данный исследовательский проект направлен на выявление основных характерных черт социального портрета (мотивы, интересы, потребности, цели) представителей и участников гражданских добровольческих движений, работающих в особых условиях (оказание адресной помощи в период пандемии коронавируса, сбор и отправка гуманитарной помощи для жителей ДНР и ЛНР), а также способов организации работы добровольческих сервисов, для повышения уровня компетенций и методического обеспечения (посредством тиражирования учебно-методического пособия «Формирование добровольческих сервисов в условиях социальной нестабильности» и результатов социологического исследования) руководителей и сотрудников общественных организаций и добровольческих объединений (в том числе на базе образовательных организаций) в области организации добровольческой деятельности и создания стратегий устойчивых к потрясениям добровольческих сообществ.

Ключевые слова: добровольчество, социальный портрет, исследование, добровольцы, опыт, нестабильные социальные ситуации

Потребность в трансляции практического опыта оказания добровольческой социальной помощи возрастает в периоды нестабильных социальных ситуаций, где добровольцы выступают «пионерами», формирующими новые социальные сервисы в процессе оказания адресной помощи нуждающимся, до формирования государственных социальных программ

в данной области. В настоящее время среди специалистов-практиков (социологов, представителей помогающих профессий) превалирует точка зрения о неразрывности изучения опыта помогающей деятельности представителей добровольческого сообщества в период пандемии коронавируса и последующей работе с беженцами в период специальной военной операции на Украине [Мониторинг мнений..., 2022].

Вместе с тем в научном социологическом сообществе практики работы волонтеров в период пандемии и в период спецоперации остаются малоизученными. Актуальность данного исследования обуславливается также изменениями в структуре добровольческого сообщества — нестабильные социальные ситуации требуют от представителей волонтерского сообщества иных (нестандартных, отличающихся от привычных) подходов к работе с целевыми аудиториями.

Цель планируемого социологического исследования — изучение социального портрета представителей добровольческого сообщества (мотивы, ценности, опыт работы, гражданские характеристики) для последующего формирования методических рекомендаций, адресованных руководителям и сотрудникам некоммерческих организаций, занимающихся подготовкой добровольцев, работающих в области оказания адресной помощи нуждающимся.

В качестве эмпирической базы для формирования планируемого исследовательского проекта выступают следующие инициативные авторские социологические исследования:

- «Отношение аудитории добровольческого слета „Доброград 2022: добровольчество — сфера профессионального роста“ к специальной военной операции» ($N = 88$, май 2022 г.);
- «Социологическое сопровождение работы представителей добровольческого сообщества с беженцами из ЛДНР» ($N = 100$, май — июль 2022 г.).

Проблемная составляющая (в области развития добровольчества), актуализирующая реализацию данного проекта, представлена в виде опубликованных результатов ряда исследований, представленных ниже.

Социологические исследования добровольчества в Ставропольском крае проводятся эпизодически (последнее исследование отношения молодежи к добровольческой деятельности проведено ГБУ СК «Центр молодежных проектов» в 2019 г.), что не позволяет сформировать системную научную компоненту (выявление проблем, потребностей, мотивов молодежи, «узких» мест организации добровольческой деятельности),

а также и практико-методические стратегии развития данного явления (обучение организаторов технологиям работы с молодежью, развитие новых помогающих добровольческих сервисов). Особенно малоизученным остается опыт организации добровольческой работы в Ставропольском крае в период пандемии COVID-19. Отсутствие системных исследований не позволяет рефлексировать, совершенствовать и тиражировать передовой (в ряде аспектов) опыт Ставрополя в другие регионы России [Организация добровольческой..., 2022]. Однако это же исследование показывает наличие потенциала внедрения социальных сервисов — добровольческих технологий и практик в работу представителей общественных объединений, но для его реализации необходимо изменение технологий работы с добровольцами: 44 % опрошенных молодых жителей Ставропольского края хотели бы присоединиться к добровольческому движению [Анализ данных социологического..., 2019].

Проведенное авторами — разработчиками проекта в 2022 г. социологическое исследование «Социальный портрет школьной молодежи Ставропольского края», организованное в рамках взаимодействия с Министерством образования Ставропольского края, выявило, что в понимании характера добровольческой деятельности опрошенные опираются на такие ее характеристики, как безвозмездность, добровольность участия и свобода выбора — 49,6 %, однако в данном случае превалирует «поверхностное» представление о добровольчестве [Шаповалов, 2022]. Большинство опрошенных (21,1 %) отмечают, что уровень развития добровольчества в их учебном заведении соответствует показателю «информирование» — *«Взрослые (педагоги) принимают решения о проектах/мероприятиях и привлекают молодежь к выполнению отдельных ролей в качестве добровольцев»* (см. методику «Лестница добровольческого участия Р. Харта») ²⁷.

Проведенное автором в 2020 г. социологическое исследование показало, что волонтеры, участвующие в деятельности по оказанию адресной помощи нуждающимся в период пандемии, руководствуются в первую очередь содержательными гуманистическими мотивами, ценностями: *«Желание снизить социальную напряженность в связи с распространением пандемии»* — 73,5 %, *«Ответственность за родных и близких»* — 56,9 %, *«Появилось много свободного времени и хотелось его потратить с пользой для себя и для других»* — 31,4 %.

²⁷ Методика Роджера Харта «Лестница молодежного участия» // Логос: социологическая школа для НКО. URL: https://vk.com/wall-158910789_162.

Отсутствие исследовательских (в первую очередь социологических) инструментов, сопровождающих добровольческие программы, приводит к острому дефициту механизмов обратной связи, что не позволяет организаторам добровольческой деятельности оперативно реагировать на происходящие изменения и перестраивать работу для наиболее эффективной помощи нуждающимся социальным группам.

Отсутствие научного дискурса (результаты прикладных исследований, выполняемых как представителями органов государственной власти, так и представителями научного сообщества, специалистов-практиков), включающего описание результатов исследований добровольчества, рекомендации по развитию добровольческой работы, является причиной низкого уровня рефлексивности системы организации молодежного социального добровольчества. Создание методических рекомендаций по организации добровольческой работы без опоры на исследовательский материал и практический опыт влечет за собой теоретизацию «живых» методик работы с молодежью, отставание «от ситуации», неспособность оперативно реагировать на вызовы добровольческому движению.

Данные проблемы, будучи нерешенными, в конечном счете приводят к снижению интереса молодежи к добровольческой деятельности, а значит, к негативным последствиям: формированию имитативных практик (как со стороны организаторов, так и со стороны участников), акционного (разового, эпизодического), а не системного профессионально-ориентирующего и профессионально-развивающего добровольчества; росту девиаций в молодежной среде (добровольческие программы наиболее «доступны» для молодежи, их отсутствие приводит к «утечке» молодежи в деструктивные сообщества).

Список литературы

1. Анализ данных социологического исследования «Молодежь Ставрополья 2019: социальный портрет». URL: <https://kdm26.ru/wp-content/uploads/sbornik.pdf>.
2. Мониторинг мнений: март-апрель 2022 // Мониторинг. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-mneniy-mart-aprel-2022>.
3. Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО / А. П. Метелев, Ю. С. Белановский, Н. И. Горлова и др.; отв. ред. И. В. Мерсиянова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022.

- 302 4. Шаповалов А. В. Отношение школьников Ставропольского края к добровольческой деятельности СКФО // Сборник статей IX-й (66) ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука — региону». Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2022. С. 422—426.

И. Г. Полякова

ГЕНДЕРНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ ДОНОРСТВА ООЦИТОВ

ПОЛЯКОВА Ирина Геннадьевна — научный сотрудник Межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: irinapolykova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9619-2152

Аннотация. В статье анализируется женская солидарность как фактор мотивации донорства в репродукции. Было проведено 21 полуструктурированное интервью с женщинами, намеренными в ближайшее время стать донорами ооцитов (средний возраст 26,6). Все женщины были полимотивированы. Большинство из них руководствовалось сочетанием двух мотивов: финансовое вознаграждение и альтруизм. Кроме того, выяснилось, что значительным мотивирующим фактором является солидарность с другими женщинами, имеющими проблемы с фертильностью. Солидарность можно выделить двух видов: сострадание к травматическому опыту других женщин, связанному с невозможностью иметь ребенка, и желание повторить опыт других женщин, уже ставших донорами ооцитов. 62% доноров (13 из 21) отмечают, что решились на донорство ооцитов, сочувствуя родственникам, подругам и просто знакомым женщинам, которые не могут, но очень хотят стать матерями. Также важен личный опыт подруг и знакомых женщин, которые сами были донорами ооцитов либо собирались ими стать, но не прошли по медицинским показаниям и возрасту (43%).

Благодарность: исследование проведено в рамках гранта РНФ № 22-28-01694 от 20.12.2021.

Ключевые слова: бесплодие, донорство ооцитов, мотивация донорства в репродукции, социокультурные факторы

Донорство в репродукции является одной из самых результативных современных технологий, позволяющих людям с диагнозом «бесплодие» стать родителями. Тем не менее привлечение в родительский проект

третьих лиц ставит перед обществом множество этических, социальных и правовых вопросов. Мотивация донора ооцитов в этой связи является важной составляющей при принятии решения как для самих доноров, так и для реципиентов. В период с 10 января по 30 апреля 2022 г. в рамках проекта «Социально-психологическое благополучие доноров ооцитов: социокультурные факторы и особенности мотивации» было проведено 21 полуструктурированное интервью с потенциальными (реальными) донорами ооцитов. Гайд интервью был разработан в соответствии с руководством по качественным социологическим исследованиям в области здравоохранения [Cohen, Crabtree, 2006].

Средний возраст донора составил 26,6 лет (диапазон от 19 до 34 лет). У шести опрошенных высшее образование, у двух — неполное высшее, у двух — среднее, у 11 оставшихся женщин — среднее специальное. Шестнадцать информанток находятся в браке; у трех есть партнер; две живут с родителями, одна из них — мать-одиночка. У пятнадцати женщин есть дети, в том числе у семи — двое детей. Что касается профессиональной занятости, только три из опрошенных женщин являются специалистами (юрист, учитель в школе и инженер-энергетик), большинство работают в сфере обслуживания на должностях, не требующих особой квалификации. Одна из женщин находится в официальном декретном отпуске, одна — временно без работы, еще одна — студентка медицинской Академии. У трех есть свое дело: компания по доставке еды, хореографическая студия, инвестиции в недвижимость.

Все женщины в нашем исследовании были полимотивированы. Большинство из них руководствовались сочетанием двух мотивов: финансовое вознаграждение и альтруизм. Кроме того, выяснилось, что значительным мотивирующим фактором является солидарность с другими женщинами, которую можно выделить двух видов: сочувствие к травматическому опыту других женщин, связанному с невозможностью иметь ребенка (особенно когда это касается подруг либо родственников), и желание повторить опыт других женщин, уже ставших донорами ооцитов. В качестве теоретической рамки мы используем феминистскую традицию исследования телесности, придающую особый онтологический статус материнству. «Именно в материнстве женщина реализуется полностью физиологически», — считает Симона де Бовуар [Бовуар, 1997: 550]. По мнению Ю. Кристевой, материнство предшествует любому культурному, политическому или психическому конструированию, составляющему женщину в современной реальности, возвращает женщине

ее собственное тело и является символическим основанием женского [Кристева, 1998].

62 % доноров (13 из 21) отмечают, что решились на донорство ооцитов сочувствуя родственникам, подругам и просто знакомым женщинам, которые не могут, но очень хотят стать матерью.

«Вы меня немного не понимаете. Я не помогаю детям, я помогаю тем женщинам, которые хотят счастья материнства, которые хотят детей, и вот уже они, зачавши своих детей, будут заботиться и оберегать своего ребенка» (донор 11).

Действительно, женщины с состраданием и пониманием описывают жизненные истории других женщин о проблемах с фертильностью:

«У моей подруги, мы с ней по сей день общаемся, был рак яичника. И я действительно впечатлилась, когда вот она прошла все вот эти муки, все эти круги ада. И то, что для нее беременность — это тоже смертельно опасно, и она все равно хочет. Меня это не оставило равнодушной, я подумала, сколько таких людей в принципе» (донор 7).

«У меня у мужа есть подруга детства, которая также долго не могла забеременеть, у нее был такой печальный опыт первого материнства, выкидыш случился, она с нами этим делилась, я вместе с ней переживала все эти эмоции. Потом у меня мои подруги также есть, которые очень долго не получается. Я думаю, если у них не получается, у меня получилось, я могу помочь таким же людям стать счастливее» (донор 18).

Многие женщины хотят поделиться собственными чувствами и состояниями, обретенными благодаря материнству:

«Я еще когда беременная была, мне так понравилось это состояние, когда ребенок шевелится, я думаю: „Так, я еще так же хочу“, но много детей не хочу, посидела, почитала, нашла, что есть программа донорства ооцитов. Думаю, это хороший вариант поделиться...» (донор 21).

Одна из пациенток, мать которой недавно перенесла операцию по удалению матки и потеряла ребенка на позднем сроке, так описывает свой опыт:

«Я просто ходила и думала: „Раз у меня есть мама, у которой сейчас нет матки, как вообще таким женщинам удается иметь своих детей, не прибегая к детским домам?“» (донор 15).

Также важен личный опыт подруг и знакомых женщин, которые сами были донорами ооцитов (6 случаев) либо собирались ими стать, но не прошли по медицинским показаниям и возрасту (3 человека), всего 43%.

«...У меня просто коллега проходила, поэтому я как бы знаю. Ей давали таблетки, потом ей дали уколы, она себе в живот ставила, все. В день пункции вводят наркоз, час всего занимает, она уже через час пошла домой после операции, довольная» (донор 8).

«У меня моя подруга ходила, раз восемь, наверное, но она ходила в другой центр, ее, получается, сразу отправляли в программу, замораживали ее ооциты, и потом кому-то отдавали, это я долго обследование прохожу, но все равно решилась...»

Одна из доноров, хирургическая сестра в роддоме, отмечает:

«На работе я стала обращать внимание на женщин, которые рожали с помощью ЭКО, и поняла, что технология реально работает... они такие счастливые были, эти женщины...» (донор 6).

Примечательно, что все опрошенные женщины на вопрос о том, какой реципиент для них предпочтительнее — семейная пара или одинокая женщина, сказали, что одинокая женщина так же заслуживает счастья материнства, как и женщина в браке. Возможно, именно здесь уместно будет рассмотреть роль гендера как одну из основных категорий, придающих смыслы донорству гамет. Об этом в своем исследовании рассуждает Эрика Хаймс [Haines, 1993], считая, что гендерная идеология, в частности набор представлений о роли мужчин и женщин в репродуктивной социальной деятельности, определяет донорство яйцеклеток как альтруистический, ориентированный на семью, асексуальный акт, позволяющий женщинам подтвердить свою автономию.

Список литературы

1. Бовуар С. де. Второй пол. В 2 томах. М.: Прогресс, 1997. Т. 2.

2. Кристева Ю. Душа и образ. Знамение на пути к субъекту. Ребенок с невысказанным смыслом // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / сост. Е. А. Найман, В. А. Суровцев. Томск, 1998. С. 253—305.
3. Cohen D., Crabtree B. (2006) Qualitative Research Guidelines Project. URL: <http://www.qualres.org/HomeSemi-3629.html>.
4. Haimes E. (1993) Issues of Gender in Gamete Donation. Social Sciences and Medicine. Vol. 36: 83—93. [https://www.doi.org/10.1016/0277-9536\(93\)90308-q](https://www.doi.org/10.1016/0277-9536(93)90308-q).

**XII международная социологическая
Грушинская конференция**

«Общество в поисках баланса»

23—27 мая 2022 г.

Материалы конференции

Корректор

А. Н. Кокарева

Дизайн и верстка

А. О. Соляев

105064, Москва, Пречистенка, 38.
Тел.: +7 495 748-08-07 www.wciom.ru

При перепечатке материалов ссылка обязательна